

"Карта волка"

СБОРНИК ПЬЕС

«Дверь»

"Тогда Гюнтискренне верил, что стоял на пороге
великих открытий!"

ЮЛИЯ АРНАРИ

За каждым итогом стоит цепочка событий, решений, желаний. Целей. Выборов.

Что повлияло на Макса в юношестве? Как он справился со своим первым делом? Чего он хотел? Как боролся за своё решение и желание работать в конторе дяди? И почему от упоминания его имени вздрагивал весь колледж?

Какая репутация была у Винса в колледже? Сильно ли изменились его взгляды и приоритеты? К чему привело одно спонтанное решение? Как он познакомился с Тони? Как вляпался в историю из-за своего “лунатизма”?

Каким был брат Агаты? Чего он боялся, а что ненавидел? Какой у него был уговор с сестрой? Что представлял из себя Ковен? Ради кого так старался Школяр и к чему это привело?

Быть наследником зубастой юридической "империи" и адвокатом, способным отмазать кого-угодно, — разве можно о таком не мечтать, когда ты — Лерой, достойный сын рыжего, бесстыжего и бессовестного семейства? Достойный ли... Макс хочет себе иной участи. Узнавать слабости других и манипулировать чужим сознанием, бесспорно, занятно, но Макса всё сильнее тянет стать белой вороной. Пока же... первый год в колледже не сулит ничего, кроме безнадёги. Если только вдруг не объявится злокозненная ведьма, которую Макс, уж конечно, выведет на чистую воду.

***

Вечером пошёл снег. Цвета поблекли, небоскрёбы и торговые центры, в хорошую погоду видневшиеся за парком, смазались и размылись в хмари. Дворик давно опустел, в колледже подходили к концу вечерние дополнительные занятия и посиделки клубов, ещё работала библиотека. Окна общаги горели тёплыми огоньками, на втором этаже открыто окно, тянуло какой-то сгоревшей гадостью — кто-то остался без ужина. На стоянке далеко впереди тихо, словно первый в этом году снежок даже прожжённых гуляк разогнал.

Тишь и сонная благодать... а Макс всё сидел и сидел на лавочке у выключенного фонтана, будто вытащил невидимый купон с надписью «Жди...» Тревога то утихала, то накатывала, голова гудела, а он вдыхал лёгкий морозец, пытаюсь понять, чего же он должен был ждать.

Кончились последние занятия, во двор высыпал народ. Макс обернулся, положив руку на спинку скамейки, и сразу же выцепил несколько лиц. Ребята тоже его заметили и заметно занервничали, а долговязый курносый парень вовсе врос в землю, обратившись в непреодолимое препятствие на пути.

— Здорово, Луис. Хочешь мне что-то сказать? — поинтересовался Макс дружелюбно.

Парень стал белым, как полотно, и робко помотал головой. Он был на голову выше Макса, шире в плечах и старше почти на два года, однако страх и ужас при встрече с ним демонстрировал столь восхитительно, что Луиса чертовски хотелось схватить за горло.

Дружки Луиса насупились и стали обходить застрявшего на месте бедолагу — пока Макс, не приведи Создатель, не вцепился в кого-нибудь из них. А он бы мог. Но сейчас совсем не хотелось. В общем-то, и тупица Луис ему на фиг не сдался, но раз уж так сложилось...

— Я... всё будет, но чуть позже... Понимаешь, я так занят был... с учёбой, всё такое...

...Три стакана, жалкий огурчик и сухарик, потом вожделенные взгляды на деваху, отчаянно виляющую задом под музыку...

Висок пронзила боль.

«Дурацкий лимит».

— Стараешься, значит? Молодец, но больше думай о здоровье. И закусывай.

Луис сбежал, а Макс прислонился к скамье и задрал голову, подставив редкому дождю из снежинок лицо.

Всё же не этого он тут ждал. Но чего?

Макс почувствовал досаду, будто упустил подсказку, какой-то невидимый хвост.

«Может, у меня чутьё притупилось? Словно обменял большой куш на мелочь для автомата. Дядя говорил, что мироздание за это наказывает...»

Он фыркнул. Привередливое мироздание! Сплошные ограничители!

«О, он идёт».

Макс вскинул голову и выпрямился — по двору размашисто шлёпал его сосед по комнате.

«Пожалуй, сегодня я не в настроении, так что нечего этому ботанику наслаждаться одиночеством».

Макс поднялся и, засунув руки в карманы куртки, пошёл к общаге.

Ботаника он нагнал у лестницы, улыбнулся — раздражающе, потому что тот терпеть не мог эту улыбочку, — и получил привычный уже хмурый взгляд, в котором читалось много отнюдь не светлых посылов.

— Я тут вспомнил, что у нас в холодильнике лежит колбаса, — поднимаясь, протянул Макс и взъерошил влажные от снега волосы.

— У меня, — отрезал ботаник.

— Я решил, что ты поделишься.

— Размечтался.

Максу было любопытно, из-за чего ботаник не в духе на этот раз, но голова слишком болела. Зато противное ожидание отступило, как и смутное ощущение неладного.

В дверях комнаты они чуть не столкнулись: мелкая гадость из принципа, раз уж крупных сосед не заслужил. А он, надо отдать ему должное, и правда оказался в моральном плане ничего, за что и был помилован и записан в список славных ребят. Было бы вообще здорово, будь он Максусоратником.

Ботаник аккуратно вытер ботинки об коврик и пристроил их в шкафчик. Кинул на Макса пристальный мрачный взгляд, который, видимо, должен был предостеречь от воровства колбасы, после чего вышел из комнаты мыть руки. Макс отряхнул куртку, посмотрел на капли, упавшие на пол и сложившиеся в небольшую лужицу, и решил, что он этого не видел (зато ботаник заметит и побесится). Сбросив ботинки, Макс подошёл к окну, открыл его и выглянул. Внутренний голос противно продолжил отчитывать за то, что он что-то пропустил, не сделал.

Макс был уверен, что милая игра со сбором чужих секретов, которой он занимался с поступления в колледж, уж никак не могла развиваться в паранойю. Значит, это всё же что-то существенное, связанное с его даром. Предупреждение? Видение-ощущение?

— Закрой, комнату застудить решил? — с порога проворчал вернувшийся сосед.

— Проветрить.

— Руки иди помой, свин.

— Хорошо, мама, так и быть, — согласился Макс, чем удивил соседа.

Забавный он всё-таки, слишком серьёзный.

Умывшись, Макс уставился на себя в зеркало и отметил, что за спиной никого.

О, вот это уже похоже на паранойю!

Вернувшись в комнату, Макс обнаружил соседа сидящим за письменным столом и что-то увлечённо строчащим в толстенную записную книжку.

— Создатель, сегодня пятница! Ты когда-нибудь останавливаешься? — не выдержал Макс, которого передёргивало от энтузиазма этого чудика.

Его проигнорировали. Как-то Макс попытался заглянуть ему через плечо, но получил локтем в живот. Было довольно-таки больно: ботаник, у которого все листы исписаны аккуратным почерком с разными подчёркиваниями и пометами, и не думал сдерживаться.

Тогда-то Макс и отметил одну его черту — внутренне чернеть от злости. В чём было дело, Макс не понял, но решил не нарываться. Было в этой злости что-то... зверское.

Макс завалился на кровать, заложил руки под голову и уставился в потолок, слушая шуршание ручки по бумаге.

«Бедняга, правда думает, что выученные в школе уроки чего-то по жизни стоят».

За стенкой было тихо, видимо Марк и Скотт куда-то намылились, шуршание бумаги убаюкивало, жаль, окно дотошный сосед закрыл-таки. Морозильник — это же круто!

...Макс проснулся от резкой головной боли (словно голову в тиски зажали и сжимали, сжимали) и с чётким ощущением, что за дверью кто-то стоит.

«Глаз... что он мне показал? А, не могу... Голова сейчас взорвётся».

Макс с трудом сел, нашарил ящик тумбы, извлёк из него пузырёк. Вытряхнул на ладонь таблетку и разгрыз, потом запил и зажмурился. Когда перед глазами перестали скакать круги и пятна, он подвинул подушку к стене и привалился к ней. Сосед спал, отвернувшись лицом к стене. Макс прислушался.

«За дверью никого... Кошмар?»

За окном валил снег. Похоже, зима будет ранней. Ехать ли на Новый год домой? Ну, отцу рассказывать особо нечего. Есть тут с десятков очень богатеньких уродцев, но вряд ли кто-то из них ему пригодится.

Боль стала утихать.

«Нужно больше информации, уверен, я смогу ещё что-нибудь накопать. Я должен. Не хочу потом тратить время ещё и в универе. Не хочу присоединяться к долбанной отцовской империи. Вся эта судебно-правовая муть, фу. Лучше бы работать с дядей... Но отец и слушать не хочет. Значит, надо выдать что-нибудь по-настоящему полезное и доказать ему... Что это? Шорох. За дверью всё же кто-то есть...»

***

— А этот кусочек сыра нам пожертвовал Кёртис из 114. Итого... — Скотт торжественно прокашлялся и развёл над столом руки, — хлеба я вчера натаскал в буфете, Алиша поделилась джемом, а Найк должен принести колбасу... О, чёрт...

— Ты мне не рад? — спросил Макс, прислонившись к стене у входа в кухню.

Двое авантюристов сникли и напряглись.

— Найк пал, так и запишем... — пробубнил Марк.

— Проклятье, Лерой! По моим подсчётам ты должен был уйти! Ну что за фигня? — кинув шапку на стол, воскликнул Скотт.

— Мне было вас почти что жаль... — с милейшей улыбкой отозвался Макс. — Но попытаться стащить колбасу прямо из моей комнаты? У меня из-под носа? Даже не знаю, то ли вас на колбасу пустить, то ли сжалиться и рассказать, как облегчить жизнь. За сущий бесценник.

— Иди отсюда, чёртов сноб. Кстати... где Найк?

— Кто знает...

Парни поднялись из-за стола, когда с лестницы раздался вопль:

— Девки дерутся! Ой, там такое!

Народ высыпал из комнат как по команде и ломанулся на второй этаж.

— О, клёво, с тобой мы потом разберёмся, Лерой! — крикнул Скотт, припустив по коридору.

Макс глянул на стол, размышляя, не забрать ли беспечно брошенный (и честно упёртый)

кусок сыра, но решил, что он всё же слишком благороден для подобных выходов, после чего тоже отправился поглазеть. Всё верно, девчачью драку нельзя пропустить.

Только стоило оказаться на месте происшествия, как голову пронзила боль, будто раскалённую спицу вбили. В ушах зашумело. Макс приложил все силы, чтобы прислониться к стене как можно непринуждённое.

«Здесь что-то не то... Словно кто-то вновь... смотрит на меня... Кто? Где?»

Две девчонки с третьего курса орали друг на друга и пытались сцепиться не хуже кошек, парни-старшекурсники с трудом их держали. Кухня была больше похожа на место битвы: повсюду мука, разбитые яйца, какие-то приправы, кокнутая посуда. Еда свалена в центре и...

«Воняет так, будто лежит тут уже долго», — сморщив нос, подумал Макс.

Негласный лидер женской общаги требовала побыстрее уgomонить истеричек и привести кухню в порядок, пока не нагрянули коменданты, но её никто не слушал: кто-то фотографировал и записывал бардак на телефон, кто-то ржал и подливал оскорблений в огонь. Макс пожалел, что пришёл: каждый звук гвоздём вбивался в голову.

— Грейси, милая, переведи на нормальный, что случилось? — обратился он к девчонке со своего потока.

От обращения девочка смутилась, отвела взгляд, но ответила (конечно, никто не может отказать великолепному Макс):

— Да ничего, сцепились две. Посуду побили.

— Приятеля не поделили или лак для ногтей?

— Место в очереди в душ, — фыркнула другая деваха, постарше. — Не впервой. Хотя такой срач — это что-то с чем-то. Но я не думала, что в холодильнике был такой склад из говна. Сколько это там лежало?

— Неправда! Вчера всё в порядке было! И зачем надо было сваливать всё в кучу? Ладно бы только своё испортили.

— Ха, именно, в кучу! Метафора нашей жизни.

— Хватит трепаться! Убирайте! — рявкнула старшая. — По швабре в руки и вперёд!

Парни всех возрастов сразу же дали дёру, даже те, кто держал девах. Девицы тут же вцепились друг другу в волосы и покатались по полу. А взгляд Макса упал на следы в муке, щедро засыпавшей полы: отпечатки всевозможных подошв, среди которых оказалось нечто, похожее на след большой птичьей лапы. Прежде чем Макс успел хорошенько рассмотреть улику, её безбожно растоптал Скотт, увлечённо снимавший женскую драку на телефон.

«Ты мне за это заплатишь, Скотти, — зло посулил про себя Макс. — Ходить тебе и дальше голодным».

Макс развернулся и зашагал на свой этаж, решив лишить-таки остолопа заветного сыра, но когда зашёл в кухню, то с изумлением и отвращением зажал нос. Сыр вонял, хлеб покрылся плесенью, как печенье, галеты и сухари, и даже джем. Марк матерился на чём свет стоит над своим злосчастливым сыром, за спиной оживлённо обсуждали драку, кто-то заглядывал в кухню, привлечённый вонью.

«Выглядит как лучший натюрморт натуралиста, только какой-нибудь подгнившей свиной головы не хватает... А ведь только что всё было в порядке».

— Лерой! Твоя работа? — зарычал на него Марк.

— Как я тебе заставлю сыр испортиться, дебил? Силой мысли? — огрызнулся Макс. — Лучше проверяй, что тебе дают.

— Да видать тебе Алиша из той же кучи дерьма кусман отвесила, а ты так набухался,

что не почухал.

— Кёртис, болван, это же твой сыр!

— Гонишь, сцука, ничего я не давал!

— Да конечно! Алконавт! Как проигрался, так и отдал!

Осмотревшись, всё ещё чувствуя тупую головную боль, у выхода в коридор Макс обнаружил едва различимый отпечаток на полу. Большой птичий след. Сфотографировал, вернее, попытался: на экране телефона никакого следа не проявилось, как и на фото. Макс выругался под нос.

«Кто бы тут ни прошёл, вряд ли он успел убраться далеко. А вот кто это был и что тут делал, надо узнать. И побыстрее».

— Создатель, откуда эта вонь? — с отвращением спросил выросший из-под земли сосед-ботаник. — Ну что вы пялитесь на эту гадость? Выбрасывайте!

— Не, я к этой дряни не притронусь! — завопил Марк.

Ботаник цокнул языком, бесцеремонно отпихнул кого-то и вытащил из стола пакет (при этом глаза у него горели крайней степенью бешенства, а жажда отпинать всех собравшихся угадывалась и без всякого дара), после чего, сноровисто выбросив в него сыр и всё остальное, направился к выходу, прихватив и пакет из мусорки.

«Опять его тёмная сторона разворачивается...» — подумал Макс, отметив, как разом все притихли и стали смотреть на ботаника немного как на героя.

Когда ботаник ушёл, Кёртис шепнул Марку:

— Ну прямо доберман... взгляд такой же злой.

— А я слышал, что в школе этот тощий зануда, когда кто-то пытался ему понты качать, приложил пацана зубами об парту. Кровища, зубы по всему кабинету, а он здесь. Понял?

— Нет...

Макс ухмыльнулся и вышел. Что ж, байка, которую он же и запустил, обросла некоторыми деталями.

Ботаник стоял перед дверью в их комнату и что-то с неё оттирал.

— Пылинка прилипла? — поинтересовался Макс.

В ответ ботаник зло ткнул в нацарапанный на двери перевёрнутый треугольник. Макса мороз продрал по спине.

— Твоя работа, — уверенно заявил ботаник.

— Неа, я двери не порчу.

— Ты жизнь портишь, — вкрадчиво парировал сосед и открыл дверь.

Макс подождал, пока тот собрался и ушёл с сумкой через плечо и очередной книжкой подмышкой (реально, зануда из зануд), после чего осмотрел дверь, потёр нацарапанный треугольник.

«Так, насколько я помню, в треугольнике ничего страшного нет... Однако слепок силы я ощущаю. Это не проклятье, скорее, наоборот. Любопытно... Но... а вдруг это знак мишени? Тогда... — Макс сглотнул. — Дядя, кажется я в жопе...»

***

«Сгнившая еда — это плохо. Это очень-очень плохо. Это не проказы призраков. И не злая мстя домовых: они бы не стали портить еду, а скорее, спрятали бы или понадкусывали. И ни одна мелкая домовая нечисть не способна оставить таких следов. Да и тихо тут в целом. Нет, тут что-то... нечестивое... А если... бес? — Макс передёрнул плечами и осенил себя знаком Создателя. — Так... нет, стоп... Думай, Макс, — вжавшись в стену и нервно

облизав губы, приказал себе Макс. — Запах серы? Да хрен его знает, сера не пахнет, а из-за гнили амбре такое, что ничего не разобрать, до сих пор в носу свербит. Кто нарисовал знак, я не увидел. Кто бы ни отметил комнату, он явно не хотел, чтобы его за этим застукали. И если этот кто-то призвал злого духа, имея на кого-то зуб... — Макс решительно поднялся. — Так, как тут у нас с солью?»

Он перевернул все свои вещи, даже в припасы ботаника залез, но соли нашёл маловато. Святой воды, естественно не было, а амулет Макс взял с собой всего один. Ни карандаша для нанесения знаков, ни трафаретов. Потому что он был уверен, что ничего подобного с ним в колледже не произойдёт.

Но почему он так решил? Почему отмёл все предостережения и уроки дяди? Идеи и слова отца уже настолько его отравили? Он будто смирился, что всё будет обычно, нормально. По плану отца.

Макс скрипнул зубами.

«Нет! Нет! Нет! Ни за что! Я не буду делать, как он хочет, как он скажет! Я не буду работать на него! Не буду адвокатом! Пусть подавится! Пусть и дальше сам строит свою чёртову империю и наживается на мерзавцах, которых отмазывает от суда!»

Макс знал, что ему следовало сделать. По-хорошему — позвонить дяде. Попросить о помощи. Но только скрипнул зубами от досады и сжал кулаки.

«Нет, если скажу дяде, он протечёт отцу. А он не даст мне ничего сделать. Лишит всяких шансов. Всякого выбора. Я должен всё сделать сам... Я ведь Лерой! Нет ничего такого, с чем я не смог бы справиться».

Он заходил по комнате, всё ещё не решаясь выйти и отправиться на поиски зацепок. Как там говорят? Если бросят на середину реки, то либо плавать научишься, либо утонешь... Он никогда ещё не выслеживал духов один. Да он вообще с ними дел не имел! Дядя немного натаскал его на призраках, но вот духи — это совсем другая история, другая опасность, другой уровень. А детективы в дядиной конторе работают в группах или хотя бы в парах...

Макс одёрнул себя. Нет у него вариантов. Только победить в одиночку.

Он подошёл к окну, открыл и высунулся, почувствовав, что задыхается. Из рта вырвались облачка пара. Вдохнул глубоко, выдохнул, ещё раз, лёг на подоконник.

«Дух, значит... Кто-то же его призвал. Чтобы такое проверить, нужно несколько условий — день, место, сила и формула призыва. Хмм, день... Сильных духов призывают в момент излома. Что тут у нас? Канун начала зимы, пора умирания. Значит, с 30 ноября на 1 декабря. Но сегодня только 24 ноября. Значит, не самая страшная шишка у нас бродит. В противном случае кто-нибудь бы умер... Так, что произошло с середины ноября по сегодня? Пара обычных вечеринок. Замятая драка. 22 ноября была гулянка у кружка гиков, они собирались где-то в лесопарке за колледжем... Гадство, только не говорите мне...»

Макс зашипел и стукнул ладонью по подоконнику.

«Но ведь такого не бывает. Даже с местом и формулой призыва, без силы, без дара духа не вызвать. И этого мало, духа ещё нужно суметь подчинить. Ладно, кто знает, что они там натворили. Никто ведь не обещал, что я тут буду единственным человеком с даром».

Кучку местных гиков прозвали паранормальщиками за страсть к историям о призраках и полтергейстах. Эти чудики явно мечтали о карьере охотников за привидениями с собственной телепередачей и пищащей самодельной рухлядью со всевозможными антеннами и фонометрами. При этом настоящего призрака они бы в жизни не распознали.

Жили эти придурки этажом выше. Итэн, глава «кружка», уехал на выходные домой, зато

на хозяйстве остался его сосед Кларк, которого Макс застал за обработкой каких-то фотографий: пара распечатанных фоток лежала на кровати, а на столе рядом с ноутбуком — разобранная камера, накопители и зеркалка, грозящая самоубиться в падении со стола. Окно графического редактора Кларк свернул с запозданием.

«Да я застал его на горячем! Ещё и какие-то адреса накаляканы на блокнотных обрывках».

— Ночная месса? Кого-нибудь зарезали? — спросил Макс, бесцеремонно подняв фотку с кровати. — О, Кэти так идут фосфорные узоры... по всему телу... Тут, кстати, Найк пропал, а он буквально на прошлой неделе грозился тебе зеркалку разбить...

Кларк пошёл пятнами и вырвал фото, спрятал за спину. Макс улыбнулся.

— Лерой, что за предьявы? Не знаю, о чём ты...

— И конечно же, вы не призывали чудище из леса, чтобы оно покарало обидчика? — спросил Макс, после того как поднял фотку, уголок которой заметил на полу под пледом, на ней красовался чёрный силуэт в шкуре и с рогами.

Кларк выхватил и эту фотку, в глазах отразилась настоящая паника.

— Да ладно, я тоже этого говнюка не выношу, — проговорил Макс.

«Даже загипнотизировал и отправил посидеть в кладовке уборщика за то, что пытался спереть мою колбасу...»

Кларк мягко попытался выставить Макса, но не на того напал. Макс указал на резной символ, висящий над компом, и изрёк с напускным уважением:

— Это два магических жёлудя, которые дарит лесной дед старшему друиду. Ты друид?

— Я... я фотограф... Лерой, отстань, пожалуйста...

— Итэн старший друид? Это его комп, — указав на наклейку с инициалами в углу экрана, добавил Макс. — А ты его страж. И хороший фотограф, кстати. Собираешься залить это на ваш сайт? — подняв наугад ещё какую-то фотку, спросил Макс.

«Создатель, неужели эти дебилы и правда сумели вызвать кого-то из леса? А с виду незаметные, тихие, как мыши при коте. Отныне помни: за увлечёнными придурками приглядывать нужно в первую очередь».

— Послушай, Лерой... — запинаясь, начал Кларк, — уйди, пожалуйста. Я знаю, что ты...

— Что? — дружелюбно поинтересовался Макс, а пацан вздрогнул от его улыбки.

«О-ля-ля, чувствую себя костоломом, стукачом, сутенёром... Как-то быстро по колледжу распозлзлась моя слава дельца, нехорошо. Прокол, Максик. Неуд тебе за конспирацию».

Макс улыбнулся шире. Кларк задрожал, но вскинул подбородок и решил идти на смерть, не иначе...

— Ты как стервятник, Лерой! Всё гниль и падаль ищешь.

— О, это уже серьёзное оскорбление, Кларк. Несколько детское, правда. А вдруг Кэти узнает, что ты её фото под подушкой прятать собрался? Или Род, который с ней дружит. Очень дружит. А вдруг Найк не найдётся? Или наоборот. И даже узнает, кто его сглазил. Ты слышал, какой он суеверный?

«А ещё у него есть бита, о которой ты точно знаешь».

Кларк помрачнел, кажется, внутри него шла борьба: крылья носа трепетали, парень сопел, сверля взглядом пол перед собой. Макс стоял перед ним расслабленный, со всё той же дружелюбной улыбкой на лице. А ещё он заметил чек из магазина, расписанный ручкой.

Кажется, на нём были написаны имена. Скидывались на подношение?

«Надо бы глянуть, что они там притащили для своих псевдодруидских игрищ».

— Мы не лезем в дела колледжа и в твои дела, а ты не лезь к нам, — изрёк наконец Кларк, подняв голову и глянув на Макса.

Максу очень захотелось вознаградить его аплодисментами за храбрость, но он врезал ему под дых и схватил за голову, когда тот согнулся.

— Нехорошо всякие пакости человеку желать, даже во время глупой игры. Считаю, я твоя карма, — смотря Кларку в глаза, отчеканил Макс и вlepил ему оглушающий ментальный удар.

Кларка мотнуло, зрачки у него расширились, из носа капнула кровь.

«А, немного перестарался», — безразлично отметил Макс, усадив Кларка на пол и вновь обхватив его голову руками. — Ну теперь ты мне всё расскажешь и покажешь, друид недоделанный».

***

«Что ж, папа, радуйся, я почти, как ты», — злорадно подумал Макс, свернув чек.

Перед уходом он заглянул к себе, взял термос, налил в него воды и засыпал соли — всё, что было. Закрутил термос крышкой и хорошенько взболтал.

«Вечером надо выбраться в контору и взять необходимое... Но сначала понять, что мне понадобится...»

В списке покупок было много слабого алкоголя, булочки с кленовым сиропом, сам сироп и сок в бутылках, вяленое мясо, банка мёда, хлеб, копчёнка, тонны жвачки. Больше ничего примечательного. Расплачивался похоже Итэн. Картой. Макс на всякий случай решил оставить чек с полезными циферками себе, вдруг пригодится.

«Мёд, мясо и хлеб с кленовым сиропом. И правда, подношение лесному деду. Только я не слышал, чтобы после такого безобидного, по сути, действия дед начинал буяннить. Надо осмотреть место, где эти дурики отплясывали. Может, они ему какую просрочку притащили, вот дед и обиделся? И пошёл портить еду в ответ, правда без разбору. Ну, не сам, а отрядил кого-то из своих духов-подчинённых. Если всё так, просто нужно его задобрить и извиниться за этих дебилов».

Макс вышел из общаги и направился к выходу с территории колледжа. Фрагменты чужой жизни переполняли его, Макса пошатывало, но он шёл, упрямо не желая перевести дух. Под гипнозом он вытащил из Кларка всё, что ему было нужно, и теперь гудел от злости.

«Друиды они. Жрецы леса, мать их за ногу. Ненавижу их всех. Столько пафоса. Орден у них. Клуб посвящённых со своей священной книгой, в которой они кровью расписываются. А ещё гербарии собирают и церемониально возлагают подношения в дни из бабушкиного календаря. Потом так же церемониально рассказывают страшилки у костра...»

Он всегда был один; отец внушал ему ценность знаний и умений, обесценивая в его глазах людей и дружбу. Важны инструменты, средства. Единственный же стоящий «человек» здесь ты — Лерой. Ясновидящий. Экстрасенс.

Макс не был фанатом лесных прогулок. Он любил города, «цивилизацию»; среди обработанных человеком материалов он чувствовал себя в безопасности. Он был в своём мире и мог смело назвать себя хозяином момента. Лес же, как и любая дикая местность, скрывала в себе множество измерений. Не только лес напрягал Макса: он панически боялся озёр и моря.

Войдя в ворота облагороженной, открытой части «Оленьего рога», Макс постарался

задушить в себе страх и неуверенность. У него здесь дело. Разберётся и сразу же вернётся в свою уютную, тёплую комнату, тем более сосед-ботаник, похоже, укатил на весь день, если не на все выхи.

«Святой Сиплепий, теперь я особенно жалею, что у меня нет надёжного напарника, с которым на этой природной свалке было бы спокойнее».

Лес поздней осенью, по мнению Макса, выглядел особенно зловеще. Голый, но всё ещё наполненный шорохами, постукиваниями. Стоило пройтись всего ничего, как по спине побежали мурашки, в ушах зашумело, всё внутри напряглось, натянулось. Конечно, он понимал, сколько обычной живности тут обитало, что нападения белок можно было и не страшиться, и никого крупнее них на открытой для прогулок части парка не водилось. Собственно, оленей, которых разводили за оградой, тоже можно было не бояться.

Зато от сонма духов, всё ещё обитавших в лесу, впору ждать разных гадостей. Для них любой видящий своего рода козёл отпущения.

«Почему их так много? Люди давно победили, захватили столько земли, вырубili столько лесов под дома, осушили болота. Есть умельцы, которые ловят духов. Почему же они остаются? Вынашивают планы мести? Они не забывают ничего и не прощают обид...»

Макс взмок прежде, чем прошёл и половину пути до места, где была сходка гиков. Создатель, он трясся, как осиновый лист. Ноги стали немного ватными, нужно было отдышаться, но он не давал себе остановиться, словно остановка стала бы фатальной.

В какой-то миг стало невмоготу, хоть беги без оглядки, тогда Макс разозлился и, грязно выругавшись, вlepил себе пощёчину. Ужас отступил, словно это был наведённый лесом морок.

«Тут... явно... дела нечисты... Наваждение? — всё же остановившись, чтобы перевести дух, подумал Макс. — Кто играет со мной? Кто пугает меня? Об этом меня Глаз предупреждал?»

Он сплюнул под ноги и показал лесу фигу, а вокруг себя мысленно нарисовал круг.

Поздно бежать: когда уже бросили в реку, надо плыть.

Поляна была чуть в стороне от главной аллеи, сокрытая пышными зарослями кустарника. Вернее, пышными они были летом и весной, а сейчас больше походили на чёрный плотный забор из своеобразной колючей проволоки почти в человеческий рост. За «забором» было высоченное дерево, раскидистое, по-своему даже красивое.

«Ох, тут и днём вышли бы зачётные фотки, вот только гнилью жутко воняет, — обходя кустарник, отметил Макс, когда странный шорох привлёк его внимание и заставил остановиться. — Это что?»

Пыхтение, чавканье, шорох, тяжкий вдох, снова чавканье. Шуршали листвой, иссохшими ветками, словно кто-то в земле рылся. За «забором» Макс ничего не видел, никаких ярких пятен, никакого движения, похоже, копошились с другой стороны дерева.

«Здесь ведь... не должно быть кабанов? Характерного хрюканья не слышно...»

Макс стал осторожно обходить преграду, жалея, что у него нет ни палки в руках, ни биты, ни чего-то посущественнее. Впрочем, от материализовавшегося духа это бы не спасло... От кабана тоже.

Макс вытянул из сумки термос, руки предательски дрожали, как и колени.

«Ничего... Все с чего-то начинают... А термос с солёной водой лучше, чем вообще ничего... Какого святого?!»

Обойдя наконец густые заросли кустарника, Макс увидел Найка, на четвереньках

ползающего под деревом и буквально лицом копающегося в листве. По спине пробежали мурашки, Макс даже забыл про термос и зачем вообще сюда пришёл: встал, как вкопанный, не веря своим глазам. Найк весь извозился в грязи, куртка в паре мест была порвана, как и джинсы; ботинки, некогда светлые, потемнели от грязи. Он что-то... ел, подбирая прямо с земли.

— Найк... Найк, что ты делаешь?

Тот не ответил, продолжая с урчанием что-то жрать, совсем как животное. Страшно смотреть, он совершенно не соображал, что творит.

Всё больше поддаваясь ужасу, Макс подошёл и рассмотрел, что же как одержимый уплетал Найк. Подношение гиков.

— Грёбанный ты идиот! — прорычал Макс, выронив термос, и схватил парня за плечи, попытался оттащить. — Ты хоть знаешь, сколько это тут лежит?

С диким мычанием или даже рычанием, Найк отпихнул Макса и налетел на кусок хлеба, от одного взгляда на который Макса чуть не стошнило.

«Это ведь не из-за меня он это творит? О, Создатель, ведь не из-за меня? Я только велел ему сидеть в кладовке. Этот воришка же совсем страх потерял... Создатель, что делать? Он спятил?»

Макс начал задыхаться от паники наполовину с рвотным позывом, потом увидел термос, облепленный сырой листвой, будто она, как живая, пыталась скрыть его от глаз Макса.

«Проклятый лес!»

Макс схватил термос, с трудом открутил крышку, руки совсем не слушались, и плеснул на Найка солёной водой. Земля, куда попала вода, зашипела, повалил дым, а Найк заорал, заскрёб грязными руками рот, потом согнулся, его вырвало.

Лес зашумел, по голым ветвям пронеслось ворчание. В лицо пахнуло противным мокрым ветром, словно какая-то тварь выдохнула, Макса передёрнуло. Он вытащил телефон, выругался — сигнала не было.

Задержав дыхание, Макс шагнул к корчащемуся на земле Найку, сгрёб под мышки и потащил с поляны. На Найка он старался не смотреть и думал лишь о том, как выбраться из этого проклятого парка и вызвать дурню помощь. Тащить долговязого угловатого воришку было трудно, поначалу он дёргался и сдавленно орал, пару раз пришлось его переворачивать и ждать, когда его вывернет снова.

«Я не мог его так прокатить... Я... я хотел его проучить... Он вечно берёт, что плохо лежит, ещё и еду тащит у всех в кампусе... И зарывается... Создатель, и что, что он первый кандидат на битые палками? Я ему такого не желал. Не желал! Точно не желал!» — успокаивал себя Макс, но всё больше поддавался панике.

Выбравшись на главную аллею, он наконец смог дозвониться в колледж и запросить дежурного врача: сегодня добряку Чарли хватит кроссворды разгадывать, пусть поработает, а то небось чай гоняет, болтает и медсестру раздражает...

— Возьми себя в руки, дебил, сосредоточься, хватит чушь нести! — обругал себя Макс вслух, чувствуя, как руки налились тяжестью, да и ноги тоже.

У выхода из парка тусовались студенты, среди которых оказались Скотт и Марк. Макса они встретили испуганной бранью.

— Что за дела, Лерой?! Что за дела?!

Если бы он знал...

***

Голова вновь разболелась, накатывала тошнота, воздуха не хватало и мерзостный запах гнили преследовал, будто ввевшись. Макс принял душ, распахнул в комнате окно и облился одеколоном, но всё никак не мог вытравить эту гадость.

Поляну и дерево Макс не осмотрел, сразу бросился спасать Найка, а заставить себя туда вернуться не мог уже битых два часа.

Он терял время. Ещё и Глаз как отрубил, попытка настроиться и вызвать хоть какие-то видения взрывала голову адской болью, Макс решил не рисковать.

Найка, к счастью, промыли, можно сказать во все дыры, и отправили в больницу. А Максу пришлось на ходу сочинять, как ему удалось найти этого бедолагу; под это дело Макс заложил гиков с их псевдодруидской гулянкой. Не смог отказать себе в удовольствии назначить придуркам небольшое наказание.

Макса не покидало ощущение, что за ним следят. Как только вернулся с поляны в колледж, так сразу же и почувствовал, что попал в объектив. Возможно, на поляне были какие-то магические метки-ловушки. И возможно, Макс в одну из них вляпался, отсюда и проблемы с Глазом. Чувствовать себя подслеповатым — отстой полный! Кто поставил ловушки? В то, что это сделала кучка гиков, Макс верил слабо. Чутьё подсказывало, что это был кто-то намного опаснее, кто только воспользовался их дуростью.

«Итак, что же здесь происходит? Почему? За что? Сначала испортилась еда на кухне девчонок. Но было в этом что-то показательное. Как и в чарах, наложенных на Найка. Что это? Оскорбление? Издевательство? Может... наказание? Сложить еду в кучу и испортить... в назидание? Как-то старомодно... первобытно даже, впрочем, чего ждать от духа. Они вообще чужаки в нашем мире, мало кто их понимает, — рассуждал Макс, отправившись в магазин за стратегическими запасами соли. — Это не призраки, которые, считай, люди. Наказание, значит... Но за что? Стервозин-то можно много за что наказать, компашку Скотта тоже, а по Найку так вообще наручники плачут, но... хм, как-то всё связывает тема еды. Понять бы ещё как... Наш холодильник в порядке, тем не менее. Порча еды просто средство? Найку досталось куда больше. Даже... на проклятье похоже. Иногда духи действуют сами, но обычно им нужно от чего-то черпать силы. И тут налицо какая-то цепочка. В чём же смысл? Стоп! Максик, ты болван. Если сначала наказали девчонок, то... может и виновника надо искать среди них? Так картинка вообще переворачивается и встаёт совсем под другим углом».

На парковке перед магазином Макс увидел знакомых. Грейс и Энни были с его потока, а Нана со старшего. Она приветливо замахала ему рукой. Определённо хорошо быть таким обаятельным.

— Здорово, девчонки!

— Привет, Макс... снова, — пролепетала Грейс.

Энни насупилась — странно, она терпеть его не могла, хотя он тут был совсем ни при чём.

— Не самая лучшая погода. Холодно. Того и гляди снова снег пойдёт. А вот осень была красивой. Жаль расставаться, — затараторил он, обведя девчонок сияющим взглядом. — Вам понравилась осень?

— Очень! Я наконец-то попробовала печёную картошку и каштаны! — заявила Нана, которая, в отличие от Энни, Макса обожала. — Жаль, и правда быстро похолодало.

— А чем мы тут запасаемся? — заговорчески спросил он. — Картошку жарить в последний раз перед зимой? Я тоже хочу.

— Нет, не картошку... — уклончиво отозвалась Грейс.

— Что тогда?

— Ничего... просто...

Энни недовольно поглядела на Макса, потом на подругу, зато Нана ответила:

— Слышал про жуть на кухне? Все думают, что это Алиша и Стелла друг другу нагадили. Но мы так не считаем.

— Эй! — рыкнула на неё Энни.

Нана её проигнорировала, глазки у неё блестели почти как у голодной лисы, увидевшей цыплёнка. И этим цыплёнком она явно считала Макса. Что ж, он не будет её расстраивать.

«Люблю вас, девочки, давайте поподробнее».

— И? — спросил он, пытаясь ещё и в пакет ненавязчиво заглянуть.

Энни перекосило, более того, было видно, что ей не хочется быть здесь, не хочется ждать, когда Нане надоест строить глазки неотразимому Макс, и конечно же, этот Макс ничего не должен узнать об их покупках.

— Мы идём к дереву, где по слухам много лет назад повесили колдуна, — выпалила Нана.

— Зачем? — фыркнул Макс, а сам почувствовал, как по спине побежал холодок. — Призрака искать?

— Нет! Ответы!

«Мда, по-хорошему мне бы отправить их обратно в общагу...»

— Откуда вы узнали про это дерево?

— Энни прочитала в Сети, — гордо ответила Нана.

— Заткнись, — тихо огрызнулась Энни.

— И мы пошли посмотреть, — продолжила Нана.

— Так зачем именно? — поинтересовался Макс. — Я как-то связь не улавливаю.

Нана закатила глаза — вот хорошая, глупая девочка! — и выпалила:

— Чтоб доказать, что Розалинда — ведьма!

Энни испуганно зашипела на неё, приложив палец ко рту, да и Грейс заозиралась, словно их могли подслушать. Макс ухмыльнулся. Розалинда, значит?

— Это мрачненькая такая? Нелюдимая? С тонкими косичками?

— С крысиными хвостиками, — презрительно отозвалась Нана. — Она чокнутая. Маленькое крипи-посмешище нашей общаги. Она разговаривает сама с собой, ты можешь это представить? Бедняжка Энни, терпит это каждый день.

— Хм, и что? Я по-прежнему не улавливаю, — снова приврал Макс, желая вытянуть из девчонок побольше сведений.

Нана закатила глаза, будто никак не ожидала от него подобной неосведомлённости.

— Старшие девчонки над ней ржут, толкают иногда, шуточки отпускают. Всякие.

— И поэтому она заставила их молоко скиснуть? — хмыкнул Макс, внутренне холодея.

Как он умудрился проморгать ведьму?!

— Поверь, она на это способна. Я как-то слышала, как она пожелала Найку споткнуться, через пару дней он свалился с лестницы.

«Найк?..»

— Нажрался и не справился с управлением.

— А сейчас? — всплеснула руками Нана. — Скотт сказал, что его полдня не было.

«Ага, а про то, что он отправил эту свинью красть у меня колбасу, Скотт, конечно,

сказать забыл. Стоп... Свинья? Похоже, не я один так думаю... А может... он к этой Розе приставал и поплатился? Хотя к чему там приставать... Выбрали человечка для битвы?»

— Ну, карма работает, знаешь ли. Разными способами, — заметил Макс вслух. — Окей... А вы-то чего испугались?

— Её, — мрачно отозвалась Грейс.

— Она больная! — не выдержала Энни. — Видел бы ты её. Бормочет и бормочет, какую-то жуть рисует в свой скетчбук, подолгу пялится в пространство или ведёт себя так... так...

Она схватила ртом воздух и в очередной раз боязливо осмотрелась.

— Как?

— Будто смотрит за кем-то... или на кого-то... кого другие не видят... — шёпотом добавила Энни.

— С ней только твой сосед и общается, — заметила Нана. — Что он в ней нашёл? Это жутко, фу. Он сам-то как? В уме?

«Ума ему на вас троих хватит... Но вот этот момент я как-то тоже упустил... Тогда тот треугольник на двери не для меня, а для него. Охранный знак? Как мне повезло-то...»

— А кто-нибудь видел, ходила ли она в лес?

— Она часто туда ходит, бродит там или вокруг кампуса. Да много где. Она не любит сидеть в комнате, к счастью, — с отвращением ответила Энни.

— И чем же вы закупились? Осинowymi дрынами?

— Можешь смеяться, а мне страшно! — сорвавшимся голосом воскликнула Энни.

— А попросить переселить в другую комнату никак? Или вообще покинуть общагу?

— Никак!

— Попросить-то можно. Да никто не согласится с ней в одной комнате быть, — ответила за подругу Нана.

— Хорошо... что вы хотите сделать?

«Обсыпаться солью и обвязаться красной шерстяной нитью, как мне думается... Вот только это мало поможет».

— Ну, для начала найти доказательства...

«Ага, и обратиться с ними в Гильдию», — Макс чуть не закатил глаза.

— Почему бы не попытаться всё же поменяться комнатами?

«Не могу же я их поддержать...»

— Ты слушал? Это не поможет! А, ты просто не веришь, — махнула рукой Энни. — И никто не поверит! Я говорила!

Она всхлипнула и разрыдалась. Макс мысленно выругался. Женские слёзы — худшая из вещей. Девчонки тут же стали смотреть на него, как на врага номер один. Подлого, трусливого, самого худшего. Макс кашлянул и поправил воротник куртки.

— И что ещё вы собирались сделать?

Девчонки запнулись, переглянулись нерешительно. Теряя терпение, Макс слегка их подтолкнул, висок проткнула боль, но воздействие сработало, Нана заговорила:

— Думали найти какого-нибудь священника... или специалиста... Энни искала объявления...

«Ох, Создатель...»

— Ок, я в деле! Ведите к этому дереву.

«Спасибо тебе, мироздание, что любишь меня!»

***

Макс нисколько не удивился, когда они вышли к злополучной поляне с деревом, под которым нашёлся Найк. Дерево колдуна, значит. На полянке было тихо, а воздух, казалось, можно было тыкать вилкой. Девчонки вцепились друг в дружку и сбились в дрожащий комок.

— Слушай, Макс, а тебе что за интерес с нами сюда тащиться? — спросила Нана, опасливо оглядываясь по сторонам.

— Я по природе любопытный.

«Ещё я, в отличие от вас, подать запрос в Гильдию смогу...»

— И разве джентльмен может бросить даму в беде? Особенно, когда дам три и все такие милые.

В этот раз его улыбка даже ледок Энни подтопила. Всё же очень хорошо быть таким очаровательным.

— Так, ничего не трогать. И вообще стоять на месте, — велел он им.

Нана фыркнула и демонстративно подошла к дереву.

— Да ладно... Не ядом же тут всё намазано... — проговорила она.

— Как знать.

— Ты всё равно не знаешь, что искать.

Хотелось обидно рассмеяться, но Макс сдержался. Наполовину она права. Наличие ведьмы полностью меняет дело. Если она ещё и потомственная, то совсем кранты.

«Не могу поверить, что эта Роза... тощая, невзрачная, зашуганная девчонка могла устроить такой переполох. Хм, получается, будто я защищаю Найка. Противно как-то. Однако обида не повод разбрасываться проклятьями направо и налево. Но, видимо, ведьмы никогда не научатся сдерживаться...»

— Эй, я же сказал, ничего не трогать! — крикнул Макс, заметив, что Нана наклонилась над чем-то.

— Фууу! Что это? — с отвращением, зажав нос, спросила подошедшая к ней Энни.

Макс узнал остатки треклятого подношения, которым давился Найк.

— Гадость, которую хорошо бы сжечь, — коротко заметил он, — но у меня ни спичек, ни зажигалки.

— На нас не смотри, у нас такого тоже нет, — ответила Нана. — Фу, гадость какая. Что тут делал Найк? А это что?.. А-а-а! — заверещала она, рассмотрев что-то в зарослях кустарника.

Макс выругался про себя. Почему это он опять такой слепой? Лес вновь его отвлекал, отводил глаза, мешал? Здесь совершенно точно был ключ.

Чуть в стороне, в зарослях кустарника оказалась выкопана плоская ямка, похожая на тарелку или поднос. В ней лежало проткнутое в нескольких местах тельце — то ли кошки, то ли кролика, сейчас уже не понять. Энни и Грейс отбежали и согнулись под кустами с противоположной стороны.

«Бедняжки. Дохлая, подгнившая тушка для девчонок это уже слишком. Но что важнее... Я ведь был здесь. Почему я не заметил, а Нана смогла?»

Макс глянул на девчонку. Так сходу не определишь, есть ли в ней что-то, но...

— Нана, а ты часто выигрываешь? Может, удачливая?

Девушка вспыхнула и засмушалась.

— Ну не то, чтобы... Я просто искать люблю. И состою в сообществе поисковиков! —

гордо добавила она. — На самом деле, мне только на это и везёт, вот я и решила...

«Ох, мироздание, как ты меня любишь, неблагодарного. Я возложу тебе на алтарь шоколадку, как вернусь».

— Скинь мне свой заветный номерок. Если потеряюсь, непременно позову на помощь.

Нана захихикала. Есть, ценный агент завербован. Можно вернуться к делу.

По виду находка была похожа на подношение. Что это в точности такое и кого тут призывали, Макс по-прежнему не знал.

«Сфоткаю и покажу дяде, — решил он, вытаскивая телефон, когда Энни вдруг выскочила вперёд и пинком разрушила конструкцию. — Про... О, нет!»

Волна силы, злой и мстительной, прошла сквозь него, в лицо дохнуло сырой листвой и затхлостью. Макс схватил Энни за шиворот и оттащил в сторону, обозвав дурой. Она обиделась и наорала на него:

— Да как ты вообще можешь на это смотреть! Ещё и фотать собрался! Ты что?!

«Повезло, что тут никого нет... Никого нет? Рози!»

— Проваливайте отсюда! Живо! — рявкнул он на девчонок и во всю дурь припустил обратно к колледжу.

«Разрушение привязки может обернуться для заклинателя духов проблемами. Если дух злой... Если его заставили, подчинили... он нападёт... Святой Сиплепий, зачем я потащил этих дурёх с собой? Профи, значит? Болван! Болван!»

Опасения подтвердились: суматоха была слышна уже от парковки, но разобраться, что случилось, Макс не смог. К кампусу его не пропустили, сказали, взрыв газа. Двор засыпали стёкла — окна на нескольких этажах выбило. Смрад затхлоści заволок всё вокруг. Что-то кричали про пострадавших. У Макса шумело в ушах.

«Кошмар! Кошмар! Всё из-за меня... Я... должен сказать дяде. Дядя должен знать. Если позову его... Но если он скажет отцу? Значит, сам я не справился. Не смог победить, не смог доказать... Нет, это не важно. Я должен действовать здраво! Я не герой, я Лерой, в конце концов!»

Точку между бровей жгло, словно раскалённую печать приложили, и боль всё нарастала. На Макса накатывали невидимые волны. Сейчас снесёт! Захватит! Поташит! Он покачнулся, схватился за лицо, с ужасом увидел на руке кровь.

...Волны бились в него, захлёстывали с головой, людей размыло, краски смазались, яркий свет рисовал какие-то фигуры. И где-то впереди двигалось мерзкое, чёрное пятно.

Птичий клюв. Огромные глаза. Когти-крючки на здоровенных лапах.

Вокруг него ещё гремели обрывки цепей.

«Кажется... вырвался не до конца...»

Дух резко обернулся, его взгляд прошёл Макса насквозь.

Проклятье! Он увидел! Он знает...

Где-то сзади поднялось что-то большое. Дым? Тень. Оно заворчал, разворачиваясь...

Дух со стрёкотом рванулся прочь...

...Глаз закрылся. Макс провалился в темноту.

***

«Прекрасно. Похоже дух обернулся против хозяина, но Рози как-то выстояла... Значит, всё повторится. В любом случае, нужно дождаться дядю...»

Родственникам пострадавших об инциденте уже сообщили. Макс не то чтобы пострадал, но и причину своего обморока людям непосвящённым, конечно, объяснить не

мог. Теперь он ждал приезда дяди, готовясь выслушать много чего неприятного. Но противнее всего то, что Макс по-прежнему понятия не имеет, с чем столкнулся. Какой дух жил в этом парке? Как именно Роза его призвала и зачем? Внезапно открывшийся Глаз сбросил его в поток и лишил всех сил, как физических, так и духовных. Сейчас он не больше, чем бревно, владеющее жалкой кучкой разрозненных знаний.

Макс приподнялся на кровати, с трудом стащил с тумбы телефон. Тишина в медпункте пугала. Такого быть не должно. Значит ли это, что дух уже здесь и накрыл пространство саваном?

Либо же Макса настолько контузило собственным даром, что он оглох.

Макс стукнул корпусом телефона по тумбе. Нет, он слышит. Но башка трещит и все звуки идут, как из бочки.

«Вообще-то духу нужен не я, а ведьма... Отбиваясь от него, она так вцепилась своим даром, что вылетели стёкла, все решили, что прорвало трубу... А я всего-то и могу, что видеть... Отстой, отстой, отстой...»

В дно кровати что-то стукнуло. Макс похолодел.

Клёкот. Смех.

— Нашёл... Око...

Из-под кровати показались длинные, когтистые руки, из которых торчали редкие грязные перья. Звякнули цепи. Макс спрыгнул с кровати, тяжело бухнулся на колени.

«Какого?!»

Телефон остался на кровати.

Всю солёную воду Макс извёл на Найка.

У него ничего нет.

Макс очертил ногой защитный круг и вложил в него все оставшиеся у него силы, стал судорожно вспоминать все известные ему печати и барьеры.

Дух вылез полностью, расправил руки, расставил ноги, став ещё больше похожим на какую-нибудь костлявую цаплю с башкой совы.

— Не пойму никак... охотник ты или ведун... — проклёкотал он, по-птичьему склонив башку на бок. — Твои глаза... дадут мне... новое существование...

«Да он меня сожрать собрался... не иначе...»

Бесцеремонно распахнулась дверь. В палату вошёл сосед Макса. Вид у него был одновременно и встревоженный, и рассерженный. Увидев Макса, он удивлённо вскинул брови и пошёл к нему, конечно же, не видя духа.

— Ты чего сидишь на полу, как придурок? — озадаченно спросил ботаник.

Макса прошиб холодный пот.

«Нет! Нельзя! Не подходи!» — вытянув руку, мысленно прокричал он.

Дух развернулся, пригнувшись... и прыгнул в окно. Макс оторопел.

— Ну чего ты вылупился? Эй? Ты в порядке? Что-то не похоже... Мне позвать врача?

«Он... сбежал...»

Макс уставился на ботаника так, словно видел впервые.

В дверь вломился дядя.

— Максвелл!

Макс перевёл пришибленный взгляд на него.

«Кажется, я только что родился во второй раз...»

— Слушай... Эвортс... не оставишь нас? — сипло попросил Макс.

Тот всё ещё смотрел на Макса как на умалишённого, но кивнул, зачем-то извинился и вышел.

Макс наконец шумно перевёл дыхание, вытер пот со лба и растянулся без сил прямо на полу.

«Только что... здесь было нечто третье, что спугнуло такого стрёмного духа...»

***

Дядя чиховстил Макса всю дорогу до места подношения. Макс был совершенно с ним согласен, хмуро кивал, но уже молчал, устав извиняться.

«Рано мне в экзорцисты. Столько ошибок наделал. Позорище».

— Не говори отцу.

— Ты был в опасности.

— Ни за что не говори.

— Макс.

— Это не его дело.

Дядя вздохнул. Макс не был уверен, что дядя послушается: всё же отца, как Максу казалось, дядя побаивался. Да и зависел он от него, Макс понимал, и всё же страстно надеялся, что дядя примет его сторону.

— Я хочу научиться. Не хочу вновь так проштрафиться.

Дядя помолчал, а потом сказал то, чего Макс точно не ожидал услышать в ответ:

— Я должен написать отчёт об этой... девочке. Действия даже такой юной ведьмы чуть не обернулись трупами. Ты хоть понимаешь, насколько тебе повезло, остолоп? Связался с дураками, разважничался, переоценил себя, а всё же... Удачливый ты сукин сын, прости Создатель...

Макс рассмеялся. Да, вот за это он и обожал дядю Рона.

— Её заберут? Ты скажешь охотникам?

— Сообщи всем, кому следует, но... — дядя сплюнул под ноги. — Свои заберут её раньше. Подумать только, такая гниль и в таком престижном колледже.

«Гниль, — повторил про себя Макс, и его передёрнуло, стоило вспомнить Найка и подношение. — Зачем она это сделала? Для наказания это слишком».

— Дядя, я хочу стать сильнее. Чтобы такое не повторялось.

Дядя вздохнул. И согласился.

На поляне их уже ждали ребята из конторы. Ловцы духов.

— Просто стой тут и смотри, — велел дядя, поставив Макса в замысловатую фигуру-печать, созданную тонкой верёвкой, натянутой на длинные серебряные иглы. — Не двигайся. Нитка из серебра, вместе с тенью от неё выходит двойная печать. Вот... смотри и запоминай.

Макс кивнул. Головная боль наконец стала спадать: пришлось выпить таблетки, притупляющие дар, чтобы не получить ещё один откат и уберечься от возможных шпучек духа, которого Макс подпустил к себе непростительно близко. Макс бы соврал, если бы сказал, что ему не страшно. Подумать только, злой дух счёл его достаточно «питательной подкормкой»: поглотил бы его силу и вновь напал на ведьму.

Ловцы рассредоточились вокруг места привязки и начали обратный призыв. К этому моменту в парке стемнело, на поляне горели прожекторы, которые установили спецы из конторы. Макса всегда восхищало, как оперативно и слаженно они работают. Наконец он увидит их непосредственно в деле.

Духа вызывали в печать-клетку. Контуры её горели белым пламенем; как только начался призыв, земля в круге заклубилась, повалил дым. Затем воздух прорезал клёкот. Из земли показалась уродливая голова с клювом.

«Странно... Я думал, раз он похож на птицу, то должен летать...»

Дух кричал, его били белые сполохи, печать трещала, лица ловцов, поддерживающих её, были непроницаемыми. А Макс чувствовал, что у него от ужаса шевелятся волосы. И от чудовищного ветра, бушующего на поляне.

«Интересно, как потом дядя замнёт это представление в колледже... Так же, как и отец?»

Духа втянули в специально приготовленный сосуд, его последний крик ещё какое-то время звучал в ушах, а у Макса было такое чувство, будто тварь видела его за печатью, смотрела в упор.

«Надеюсь, эта печать защищает от проклятий...»

Дядя вытер пот с лица, посмотрел на Макса.

— Если вляпаешься, то это на всю жизнь, — глухо сказал он, тяжело дыша. — Затянет не хуже, чем банка этого духа. Пропишет на карму. Притягивать начнёшь.

Макс плюнул под ноги.

— Поздновато мне это говорить, дядя Рон. Я валюсь с ног... Что дальше?

— Дальше ребята тут прибираются, а я забираю тебя к себе, пока общагу не починят.

— А ведьма?

— Не твоя головная боль.

— А если я с ней столкнусь? Если она знает, что я про неё знаю?

— Уверен, сейчас её волнуют более важные вещи, чем встреча с тобой. Или... — дядя обхватил его за плечо и отвёл в сторону, — ты боишься, Максвелл?

Макс фыркнул и оттолкнул руку дяди. Боится, конечно. И не знает, как поступить, ведь рядом с ведьмой может оказаться ботаник, который как-то умудрился спасти Максу жизнь.

— Послушай, дядя Рон... Может ли человек напугать злого духа?

Дядя устало вздохнул и почесал в затылке.

— Поговорим дома. Но... я бы на твоём месте держался от такого человека подальше... Есть слишком мало вещей, которых боятся духи, особенно настолько опасные и страшные.

«Держаться подальше от соседа по комнате? Чудесно...»

Работы в кампусе приостановили до утра, студентов спешно рассовали по прилегающим корпусам и аудиториям. Почти полевой лагерь. Со стоянки лился яркий свет фар — за многими примчались родители. Счастливики уезжали с друзьями. Прежде чем сесть в машину дяди, Макс осмотрел парковку. Много знакомых лиц, все, похоже, целы. И чуть в стороне — ботаник и напуганная девочка с двумя тонкими косичками, вся в бинтах и пластыре. Макс только потрясённо покачал головой, не понимая, что же ботаник в ней нашёл. Может, приворожила?

Рози ему не было жаль нисколечко. Ведьме ведьмино наказание, чтоб не смела мнить себя судьёй или карателем. А вот за ботаника он бы поволновался- взгляд у того был такой, будто он собирался вцепиться в глотку любому, кто осмелился бы сейчас к ним подойти. Точно окрутили и мозги запудрили.

«Знал бы ты, кого защищаешь, осёл!»

Макс сел в машину. Указал дяде на девчонку.

— Она. Розалинда Маршбог.

- Семейка Болотных ведьм. Воистину, далековато они забрались. А парень...
  - Мой сосед по общаге.
  - Звать как?
  - Винсент Эвортс.
  - Хм. Любопытно...
  - Что? Почему?
  - Приглядывай за ним. Раз уж от него даже духи разбегаются...
  - Но ты же сказал...
  - А ты так бы прям и послушался.
- ***

От отца ничего утаить не удалось. Пришлось пережить весьма неприятный разговор, в ходе которого Макс выслушал достаточно угроз. Также была повышена ранее «оговоренная» с отцом планка обучения. Макс слушал и кивал, сцепив зубы, про себя пообещав засунуть эту планку отцу в глотку.

«Ну что ты мне сделаешь? Вышвырнешь из семьи? Лишишь наследства? Отречёшься? Валяй. Значит, у Лероев это в крови. Как и стремление выживать и лезть вверх несмотря на любые обстоятельства. Смог ты, смогу и я. В гробу я видел и тебя, и твои планы, и этот колледж с карьерой адвоката».

Занятия отменили на три дня до выяснения обстоятельств инцидента, после чего студентам разрешили вернуться в кампус за вещами, и учебный процесс возобновился. Но Макс прогулял полторы недели отцу назло, пока дяде не удалось-таки выпереть его обратно в общагу — пригрозил, что ни за что не возьмёт на работу в контору.

И даже так... В общагу Макс вернулся уже затемно.

Ботаник не спал, сидел за столом у окна, словно ждал Макса; встретил его суровым и злобным взглядом и гнетущим, угрюмым молчанием. Макс невольно поморщился. Неужели будет бить?

— Что? — бросив сумку на кровать, спросил Макс, пытаясь предугадать, откуда ему прилетит.

— Ты был с ними заодно?

— С кем?

— С теми тварями, что издевались над Рози.

«О, это ведьма ему так сказала?»

— Не знаю, о чём ты.

— Ты ходил в парк с тремя девками. Грейс, Энн. И ещё одна была из старших. Они распустили про Рози дурацкие слухи. Мало было постоянно портить её вещи. Надо было ещё после её ухода продолжить ядом исходить. Кто это придумал? Отвечай!

— Так, стоп-стоп-стоп! — выставив перед собой руки, заговорил Макс. — Я вообще не в теме.

— Не ври. Ты ходил с ними. И обещал подтвердить, что Рози прокляла всю общагу.

«Ох, девчонки, ну вы и тупицы... Когда я такое говорил? Остаётся надеяться, что этой Рози хватило урока выше крыши, и она больше не призовет никакую страховидлу, раз не в силах с ней справиться. Впрочем, надежда не ахти...»

— Ничего я не подтверждал.

«Чёрт, не стоило всё ж с ними тащиться... с другой стороны, вышло не так стремно... да и легче было бы убежать...»

— Слушай, я просто хотел проследить, что они не заблудятся и ничего не натворят.

— Да конечно!

— А что ты про порчу вещей говорил?

Эвортс посмотрел на него со смесью презрения и отвращения.

— Ты тут главный сборщик информации и чужих секретов.

— Она меня совершенно не интересовала, — Макс развёл руками. — Вообще хочу сказать, что неважную девочку ты себе в подружки выбрал.

Ботаник зло сощурился (ну куда уж злее?).

— А вдруг за дело ей досталось? Неприязнь не возникает на пустом месте, знаешь ли, всегда есть повод...

— Чушь! По-твоему, писать гадости — это нормально? Гнобить, обижать её. Распалиться всё больше, если она не отвечает?

— Ты-то где был, рыцарь? — не выдержал Макс. — Чего на меня орёшь?

Парня перекосило.

«О, по больному месту».

— А ты не знал, стало быть? Не рыцарь, значит?

— Я много раз спрашивал, но она ничего не рассказывала. Пока её не забрали.

«Забрали, как дядя и говорил».

— Прорвало напоследок?

Ботаник резко поднялся, глаза метали молнии, аура кровожадности зашкаливала. Он шагнул, Макс не стал дожидаться и ударил первым — выставил ментальную стену. И едва не зашипел, почувствовав, как в неё врезалось что-то очень большее и чёрное. Ботаник остановился. Макс сосредоточился на стене. Драка ему ни к чему.

Постепенно чернота улеглась, ботаник засопел, потёр переносицу и снова сел на стул, а через миг швырнул на пол какую-то книгу. Она чуть не отшибла Максиму пальцы, но он мысленно порадовался, что книгу не запустили ему в лицо.

«Ого, эта ведьма серьёзно ему нравится? Настолько? Держись от неё подальше, если жить хочешь, болван!»

— Слушай, забудь, — примирительно проговорил Макс. — Я вообще ни при чём.

— Что ты этим девчонкам наговорил?

— Ничего. Я просто хотел узнать, откуда слухи пошли. Я ведь обо всём тут должен знать.

— Только что ты говорил, что тебе не интересно.

— Верно. Было не интересно, пока с ними не поговорил. Слушай, я никаких слухов не распускал.

— Надписи, вроде «Сгинь, ведьма» в тетрадках, книгах. Обидные прозвища. Пинки. Шуточки. Она попала в банку со змеями! Но она им ничего не сделала!

«Однако... как он разговорился-то...»

— И даже после всего... видел бы ты, как она рыдала, как не хотела возвращаться домой. Может, это был её единственный шанс? А у неё его отняли.

— Слушай, Эвортс... Мне жаль, — выдал Макс, стараясь ещё больше разрядить ситуацию. — Но сам-то хорош. Догадывался же? Догадывался. А всё чего-то ждал. Когда на помощь позовут?

«А вот не позвали. Ведьмы на помощь зовут не горе-кавалеров, а проклятья, злых духов и демонов. Или других ведьм».

Эвортс раздражённо цокнул языком и встал, зашагал по комнате.

«Как колбасит-то... О тех, кому досталось, он, конечно, не думает... Мне, правда, тоже всё равно... Но кто-то мог и помереть. Найк, например. Хм, интересно, знает ли Эвортс, за что досталось Найку? Нет, не буду спрашивать, ещё снова взбесится».

— Ну какие проблемы-то? Телефон есть? Почта есть? Между городами поезда ходят. Захотите — свидитесь, — пожал плечами Макс и осёкся, когда ботаник резко плюхнулся на свою кровать, согнулся, обхватив голову руками.

«Ясно... От ворот поворот получил... Могу за тебя только порадоваться. Пронесло. С ведьмами связываться себе дороже».

— Слушай...

— Да пошёл ты, Лерой, — огрызнулся тот и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Макс выдохнул и стёк по кровати на пол, сел, уткнувшись затылком в матрас.

«Мироздание, зачем мне всё это? За что? Прости, с шоколадкой я пока не успел... Но, пожалуй, я всё-таки задержусь тут».

Макс расхохотался, хрипло и нервно.

От обычных людей духи не сбегают. Так кто же он, этот занудный ботаник?

«Я узнаю. Непременно».

Весна в год окончания колледжа выдалась вдохновляющей, как маршрут для фрирана, когда с каждой взятой точкой чувствуешь, что можешь больше. И можешь быть, кем захочешь. Избавиться от репутации мрачного ботаника — сложная штука, особенно, когда не хочешь ни от чего избавляться. В итоге даже новые приятели называют Винса кусакой или чертякой. Это даже лестно. Немного...

Винс уже выбрал свой путь и твёрдо решил обзавестись одной очень ценной книгой; ведь если ты можешь сказать себе «нет», то какой ты, к чёрту, коллекционер?

***

— Что ты делаешь?

— Составляю гороскоп. Для девчонок. В журнальчик. Офигеть, сколько за эту чушь платят! — счастливо отозвался Лерой.

Винс только вздохнул и закатил глаза.

— А ты не завидуй, — тут же добавил Лерой. — Лучше подключайся! Например, к кулинарной колонке.

— Иди ты, — беззлобно бросил Винс. — Стану я такой ерундой заниматься.

— Вай-вай-вай. Ну и чахни над своими грассами. А я состояние накоплю, ха-ха-ха.

— Что-то ты больно радостный с утра.

— А что такого? — спросил Макс, пожав плечами, и крутанулся на вертящемся стуле. — Суббота, солнышко светит, за окном тепло и сухо, дожди, наконец, прошли. Самое то, чтобы написать хороший прогноз. Хоть кому-нибудь...

— Тоже мне астролог, — про себя пожелав ему разок навернуться с этого чёртового стула, отозвался Винс.

— Предсказатель, — поправил его Макс важно.

Винс презрительно фыркнул.

— Всё не веришь? Хорошо. Ну-ка подойди. Дай посмотреть на твою руку.

— Отвали.

— Ладно, я считаю тебя с расстояния, — Макс вытянул руки и закрыл глаза, став серьёзным. — Не дыши!

Задерживать дыхание Винс, конечно, не стал: пусть своим «жертвам» про гороскопы и предсказания втирает, делец несчастный.

— Оу, тебя сегодня ждёт крупная неудача. Лучше не вылезай.

— Посоветуй это какому-нибудь другому Стрельцу.

— Я серьёзно! — возмутился Макс вроде как естественно, но с ним иной раз не поймёшь.

— Я тоже, — отмахнулся Винс. — Всё, я пошёл.

— Я предупредил, но дело твоё...

— Спасибо, что бесплатно.

И не дожидаясь ответа, Винс выскользнул за дверь. Но через миг вернулся и грозно крикнул с порога:

— Только попробуй сожрать всю мою колбасу!

— Как ты мог меня подозревать в таких намерениях? Жлоб! Эй! В зеркало посмотри!

Винс хлопнул дверью и поспешил прочь из общаги.

Ему нужно пробежаться, измотать себя хорошенько, тогда ночью, с большей вероятностью, он будет спать не только без задних ног, но и без снов...

***

Маршрут чётко вырисовывался в голове: Винс несколько дней примерялся, изучал дорогу, пробовал силы. Вроде, всё просчитал... Перчатки зафиксировал, кроссовки перепроверил несколько раз. Ноги ныли от напряжения.

Винс раздражённо вздохнул и запрокинул голову, уставился в небо. Создатель, ему хотелось завывать. Что с ним творится?

«Пальцы ломит. Хочу их размять. Вывернуть и вкрутить обратно. Не могу сосредоточиться... Разминки было мало. Так нельзя начинать».

Он глубоко задышал, положив руки на пояс.

Ладно, в конце концов он будет не один на забеге. Или в этом и проблема?

Винс поскрёб шею, больно ущипнул себя разок.

Почему-то он чувствовал себя очень дико. Это не было похоже на волнение или страх. О нет, его распирало, жилы горели, требуя немедленно выступить, а губы самопроизвольно растягивались в зловредной усмешке. Он хотел сорваться... в погоню? Нет, просто рвануться, помчаться, преодолевая пропасти.

Винс схватил ртом воздух и крепко зажмурился.

«Соберись! — скомандовал он себе и глянул на часы. — Пора...»

Начинался забег на небольшом мосту, продирался сквозь помпезную рыночную плазу, спускался в Старый город, скакал по его горбатым крышам, петлял в узких, ветвящихся улочках и, наконец, выходил к главной площади Старого города — Солнечной: нужно было забраться по каскадам ступенек наверх, к лучшим театрам столицы.

Одноклубники хотели записать забег на видео, а потом склепать стильный клип и выложить на страницу клуба в Сети. И ждать коммерческих предложений. Ральфа в последнее время распирало от удовольствия — его «Городские волки» набирают популярность. Наплевать, что там другие фриранеры думают и на что огрызаются, а его «стая» тщательно следит и за своей репутацией, и за своей славой, и за своим стилем. Нашивки, маски на половину лица с индивидуальными принтами зубов и клыков, толстовки с капюшонами и бело-серо-чёрными агрессивными орнаментами, специально подобранные аксессуары — всё это делает ребят узнаваемыми. И им это нравится.

Винс среди них чувствовал себя чужаком, показуха жутко раздражала. А ребята, похоже, искренне верили, что круты и что он втянется, станет своим (уже даже цепь с напульсником и клубную толстовку ему торжественно вручили). Конечно, ведь на тренировках Винс помалкивал. С другой стороны, ему правда нравилось мировоззрение этих экстремалов: свободное движение в любом направлении, чувство контроля над ситуацией, совсем другой взгляд на любые преграды. И... всегда приятно хорошо и красиво делать то, что бесит других.

Винсу нравился спорт, он с детства занимался в разных кружках и секциях, от борьбы до бега, но никак не мог найти для себя что-то родное, подходящее. Такую степень азарта и адреналина, которая могла бы его удовлетворить. А ещё — чувство свободы, соотносимое с его внутренним мироощущением. Когда он начал два года назад осваивать дисциплину фрирана, то наконец почувствовал: вот оно! А придя к «волкам», пусть и со всем своим скепсисом, на удивление быстро понял, что хочет приходить снова и снова.

Ох, ладно, если уж быть честным, то ребята они неплохие. Придурки, но... как-то...

почти свои уже.

У точки начала уже тусовался народ. Не только «стая», но и фанаты клуба, Винс даже удивился, сколько их притащилось. Соперники тоже пришли поглазеть, ещё подтянулись какие-то ребята с хорошими камерами, видимо, приятели Ральфа и Хани. Значит, быть ещё и фотосету. Винс пожалел, что у него нет балаклавы...

— Здорово, кусака! — Ральф, лидер «стай» хлопнул его по спине. — О, как и думал, толстовка отлично сидит! — показав большой палец, сказал он.

Клубная толстовка, почти что дар перед инициацией. И мишень для привлечения внимания.

Винс не ответил. Ральф добродушно улыбнулся. Виг за его спиной понимающе хмыкнул, Хани захрюкал от смеха.

— Что? Стесняешься? Всё равно заметят, — беспечным тоном добавил Ламберт. — Не удивлюсь, если ты нас по количеству фанов обгонишь.

Винс фыркнул, вот уж чего даром не надо.

— Готов к забегу, волк? — прокричал над ухом Ральф, бесцеремонно обхватив Винса одной рукой за плечи. — Готов преобразиться и всё отпустить?

Винс довольно грубо отпихнул его и ощерился. Вот чего терпеть не мог, так панибратства. И не отучишь никак.

— Вау, злости тебе на настоящего волка хватит, — рассмеялся между тем Ральф и хлопнул его по спине (да в который уже раз?). — Волнуешься? Всё будет путём, просто держись нас.

Винс стукнул его в ответ и натянул капюшон, заметив, что к ним идут ребята с камерами.

— Это ваш новенький? Фотогеничный! — обрадованно заметила одна из девчонок, проворно его обойдя и заглянув в лицо.

— Только близко не подходи, он кусается, — заметил Ламберт, подмигнув девчонке.

Винс едва удержался, чтобы не закатить глаза, и надел чёрную маску-респиратор, поправил капюшон и, хмуро глянув на Ральфа, хрустнул костяшками. Пальцы по-прежнему хотелось вывернуть.

Лидер пронзительно свистнул.

Пора на позиции!

Ещё немного и в ушах запоёт ветер.

***

О, ни одна пробежка не сравнится с этим. Нестись и чувствовать под собой высоту, пустоту, свободу. Секунды в воздухе, в прыжке над улицей, от которых сердце стучит быстрее.

На маршруте хватало опасных, узких, тесных мест, где чьи-то пятки проносились над головой, кто-то буквально дышал в затылок. Шли будто след в след — где только что была ступня одного, уже упиралась нога другого. Ребята менялись местами, то сбавляя темп, то вновь набирая.

Раньше они уже бегали вместе, тренировались, отработывали трюки, прыжки, сальто, просто вместе где-нибудь лазили и зависали, но сейчас всё было по-другому. Чёрт побери, Винс взаправду ощутил себя частью единого целого, однако важнее и приятнее оказалось другое — этот забег, этот маршрут, этот день выбрали для него.

И всё же... иногда в нём словно бес просыпался и подталкивал вырваться вперёд,

подрезать, оставить всех позади, удовлетворённо отметив, что он прыгает и выше, и дальше всех в «стае». Он ускорялся, отталкивался так, что опоры или перила под ним дрожали. Казалось, сила как нечто живое требовательно рвалась наружу. Не зря всё же в клубе его прозвали кусакой-чертякой... Чудом Винс не сбил никого из ребят. Словно очнувшись, раз за разом он в испуге одёргивал себя. Что за дрянь с ним творится? Ни с того, ни с сего его будто затягивает в омут с головой. И случается это всё чаще.

...Под конец Винс вырвался вперёд и толком даже не понял, как преодолел последние метры. Кажется, народ испуганно шарахался с его пути. Возгласы оглушали и раздражали, но сама гонка радовала и заставляла душу петь. Лишь бы не останавливаться...

— Ну задал ты темп, чертяка, — постучав его по спине, проговорил Ральф. — Ну разогнался!

— Что с тобой творится? — недовольно спросил Виг. — Как с колёс слетел. У тебя с головой-то в порядке?

— Ну-ну, Виг, не надо, — заступился за Винса лидер.

— Чо, не надо? Я из-за него чуть вверх тормашками не полетел.

— На первый раз все косячат.

— Да, рванул ты из шкуры и шелухи, — присвистнул и Ламберт. — Но ты улыбался. Улыбался, чёрт побери.

— Я тоже видел. И это стремновато, — заметил Виг.

— Простите, — глухо выдал Винс, чувствуя, что ему необходимо извиниться, хотя внутренне его ещё душила досада и злость и вовсе не на себя.

Лидер покровительственно постучал его по плечу, Винс с трудом удержался от того, чтобы не щёлкнуть зубами — это никогда не кончится?

— Новички на то и новички, чтобы косячить, — добродушно проговорил Ральф. — Но чес слово, чертяка, я нарисую тебе огромные зубищи на маске.

— О-о-о-о! Идея — класс! — поддержал Хани. — Пойдём разрабатывать! Новую серию! Сейчас же!

— Сначала в душ! — перекрыл его радостные вопли Винс.

— И пожрать! — поддержал его Виг.

— Без проблем, — согласился Ральф. — Ну что, стая? Возвращаемся в логово! Пошли кусака, отметим твой забег.

Все дружно поддержали идею и захлопали Винса по плечам.

Винс не дал себе зарычать в голос, хотя очень хотелось...

***

Друг-оператор уже прислал Ральфу куски отснятого, и они с Хани азартно чертили на салфетках какой-то таймлайн, представляя, каким будет клип, и спорили о музыке. «Зубищи» для Винса с индивидуальным дизайном они тоже отрисовали прямо на салфетках. С поистине гигантской порцией мяса ребята к этому моменту уже разобрались и с подчёркнутой ленцой допивали чай.

— О, красава.

Ральф вытянул на руке телефон, показывая Винсу удачный кадр с ним.

— Круто дружить с клубом папарацци, — заметил Ламберт, тоже взглянув.

Винс только языком цокнул.

— Что?

— Не выкладывай.

— Почему??? Очень хороший кадр. Спокуха. Уверен, с тобой в отряде наши шансы на рекламу взлетели. Жажду получать приглашения на съемки.

Это Винсу совсем не нравилось. С другой стороны... ему всё же было любопытно, каким выйдет ролик. Сам он честно (и тайно) лайкнул каждое видео в их блоге, но им об этом знать не обязательно.

— А как насчёт фестиваля? Деньги за выигрыш приличные, — заметил Хани, просматривая какие-то афиши и объявления.

— Чертяка, давай с нами.

— Лучше Хэйза позвать, — буркнул Виг.

— Будешь и дальше так бурчать — позову. Вместо тебя, — похлопал его по плечу Ральф.

— Он не любит фестивали, — заметил Ламберт, с досадой посмотрев на дно пустой чашки. — Давайте лучше в поход!

— Ещё не сезон.

— Так я не требую прямо сейчас. Рыбалка. Лагерь.

— Бег по пересечённой местности, — добавил Хани. — Хэйз классные места знает! Давай с нами, Винс.

— Не знаю... Я больше по раскопкам...

— Не беда! Мы кого-нибудь закопаем — откапывай на здоровье! — нашёлся Ральф, парни поддержали идею гоготом и смерили друг на друга взглядами, заранее прикидывая, кого закопать.

— Я подумаю, — всё ещё чувствуя себя лишним, тихо ответил Винс.

Ральф хитро сощурился, но наконец отстал от него.

Отказавшись пошататься ещё пару часиков, Винс попрощался со «стаей» и зашагал к Старому городу, на барахолку: пока перескакивал через лавки, заметил новый антикварный магазин с очень удобным подъёмом на крышу...

«Чёрт, совсем не устал. Мог бы ещё дважды пробежаться...»

Город оживлённо гудел, толпы тут и там раздражали, даже на тихих обычно улочках сегодня царило веселье, будто все разом решили отметить приход весеннего тепла. Видимо, не один Винс так любил атмосферу Старого города, где тихо поскрипывают вывески лавок, лавочек и лавчонок, много узких улочек, бегущих и вверх, и вниз, кое-где здания жмутся друг к другу вплотную, почти сходятся крышами.

Чудесный уголок старины запал в душу ещё в детстве, пока родители жили в одном из местных кварталов. Перед рождением третьего ребёнка, Лизи, они переехали в пригород, а квартиру занял старший брат Винса, Бри. После ремонта там не осталось практически никаких напоминаний об их детских годах и о том, какое это было славное время... Винс хотел бы вернуться сюда: например, поселиться в квартире с мансардой где-нибудь на северо-востоке и каждое утро наблюдать, как солнце золотит крыши внизу. Выпускные экзамены на носу, пора бы уже и задуматься о своём переезде (крайне долгожданном).

Так в мыслях о доме, жилье и выпускных экзаменах Винс подошёл к барахолке. Она располагалась в небольшом кварталчике, в котором семь веков назад селились мелкие купцы. Винс всегда видел в этом милую преемственность. Барахолку много раз пытались изжить: устраивали инспекции, драли штрафы, но самые упорные и предприимчивые торгаши всё равно остались и привлекли организаторов ярмарок, облагородились, и уже не первый год барахолка была украшением Старого города, с живой музыкой в скверах, какими-

то спектаклями и прочими культурными завлекалками. Неподдалёку имелось и неплохое кафе, «Кофейная руна», заманивающее посетителей гаданием в подарок за плотный обед и чашку кофе.

Лавки Винс обошёл быстро: ничего особо интересного не попало: монет у него и так навалом, хоть продавай излишек, игрушки его в данный момент не интересовали, среди книг тоже ничего примечательного. Осмотревшись и увидев искомую новую вывеску, Винс не спеша двинулся к ней, засунув руки в карманы толстовки.

«Забавно, никакого названия, просто антикварная лавка. Вывеска аккуратная, мне нравится. С виду магазин не выглядит дешёвым».

Крыльцо, четыре ступеньки, тяжёлая деревянная дверь благородного тёмно-бордового цвета, рядом складной стул с зонтиком. В витрине всего понемногу, от книг до золочёной посуды, но особенно Винса удивили разные амулеты: из кости, с бусинами, что-то с перьями, даже ловцы снов.

«Какое попури. Посмотрим, что там внутри».

Переливисто звякнул колокольчик, нос пощекотал запах лаков, дерева, книг и краски.

На звон в зал вышел худощавый белобрысый парень, на вид ему было не больше лет тридцати. Чистая белоснежная рубашка, жилет с цепочкой, а благообразия никакого — отчего-то сходу хотелось назвать его «торгашом», не иначе.

— Здорово, прыгун. Что-то подсказать? Может, желаешь купить что-нибудь на удачу? — спросил он с ухмылкой.

— Я подумаю, — серьёзно отозвался Винс, осматривая зал.

Секция с книгами, мебелью, посудой; серебро, позолота, даже люстры и канделябры — всё как в приличной антикварной лавке. Чёткий порядок, понятная система, дизайн, определёнno, этот магазин нравился Винсу всё больше. Осмотревшись, он остановился у книжных шкафов и с головой ушёл в изучение каталога. Сколько интересных книг. Дорогих. Редких. И не только, даже целая серия подарочных изданий классики, сделанных под старину, есть.

«Может, тут я наконец найду...»

— По тебе не скажешь, что ты букинист, — хмыкнул парень за стойкой.

Винс обернулся к нему и прожёл взглядом.

«Ничего себе, оскорбил с порога потенциального покупателя, как не фиг делать... Видимо, дела идут хорошо...»

— У меня разносторонние интересы, — все-таки ответил Винс и подошёл к стойке. — И что же у вас продаётся на удачу?

— Что душе угодно. Кому-то фамильный стол удачу приносит, кому-то пишущее перо, кому-то запонки, а кому-то шнурок висельника. Выбирай под свой вкус.

— Шнурок висельника? У вас и такое в ассортименте? Оккультизмом пахнет, — хмыкнул Винс. — Впрочем, если удача такая индивидуальная штука, то гарантировать её должны заряженные вещи. А почему вы заговорили про удачу? У меня, что, такой вид, будто она мне нужна?

— Удача нужна всем, а тем, кто перескакивает улицы и виснет над пропастью на краю крыши, особенно, — мило улыбнулся торгаш. — Чтобы пореже кости ломать.

Винс хмыкнул, смотря, что лежит под стеклом витрины: украшения, монеты, столовые приборы, всё в своих секциях.

«Нашёлся тут торговец удачей!»

— А с рук покупаете? У меня много хороших монет, — сказал он. — И не только.

— Приноси, посмотрю.

— А ты специалист? — спросил Винс, с интересом уставившись на торгаша.

— Нет, просто так тут торчу. Вещицы собираешь, значит? Давно?

— С младенчества, — съязвил Винс. — А заказы берёте?

— Конечно. Что-то интересует?

— Я посмотрел каталог, у вас много редких книг. Многие магазины позавидовали бы такому ассортименту. Но одну книгу я не смог найти нигде. И заказывать её не хотят, вот и спрашиваю.

— Гримуар Лютой дельсаррийской ведьмы ищешь? — усмехнулся торгаш.

Винс рассмеялся. Ему определённо нравилось направление, в котором мыслил этот парень. Даже появилось ощущение, будто он с давним приятелем-засранцем разговаривал. Почему-то подкупало.

— Нет, — ответил Винс. — Я хочу «Сказания Чёрного города».

Торгаш присвистнул.

— Ого. Не часто услышишь, чтобы кто-то такой книженцией интересовался.

«Гримуаром, можно подумать, интересуются!»

— Ну, а вдруг как раз она принесёт мне удачу?

— Ты, я смотрю, не суеверный. Интересуешься темой?

— Страшные сказки люблю.

— Годиков полных тебе сколько накапало?

— Сказочных восемнадцать.

— Ага, а деньги-то есть? Не сказочные такие.

— Сколько?

Торгаш прищурился, впившись в него взглядом, словно проверял, не с умалишённым ли он говорит. Или вдруг с пустозвоном.

— Не меньше ста тысяч, если сохранность книжного блока ну очень плохая, — заговорил за него Винс, не отведя взгляда. — А если хорошая... то цена зависит от года издания, числа оставшихся экземпляров с тиража, переплёта... Слышал, были уникальные экземпляры... Прежде чем говорить о цене, может, посмотрим на товар? — предложил Винс. — Смысл воздух сотрясать, если ты не сможешь «Сказания...» достать.

Торгаш снова присвистнул и уставился на Винса с большим интересом.

— А ты кусака, — хмыкнул он. — Торговаться со мной вздумал? — и добавил, усмехнувшись: — Будто я уже согласился на сделку. Такая книжица дёшево не обойдётся. Хочешь в хорошем переплёте и с полной сохранностью блока? Не проблема. Но тогда цена возрастёт... скажем, до миллиона.

— Не может такого быть. Экземпляров с инкрустацией не было. По моим подсчётам самый дорогой экземпляр стоит под половину миллиона...

— Да, в общем-то, тоже смешные деньги...

— Для такой книги? Вполне, — твёрдо заявил Винс.

Взгляд торговца изменился, вспыхнул хищной искрой.

— Ты это серьёзно... Так сильно хочешь? — спросил он заинтересованно.

— Очень.

— Хм... Даже дурная слава не пугает? Знаешь, ведь, что говорят?

Винс безразлично пожал плечами.

— Несчастливая книга, всё такое.

— Проклятая.

— Уж скорее заколдованная. Тайный гримуар демонолога, — поправил торгоша Винс и фыркнул. — Ерунда это.

— Смотри, назад потом не возьму, даже если приплатишь столько же.

— Не верну, даже не надейся. — Винс довольно улыбнулся. — Сделке быть? Тогда, поговорим о внесении залога... скажем... в сто тысяч. Не больше. По договору.

— Определённо, кусака... — протянул торгош с неподдельным восхищением.

— Я заплачу честь по чести, только достань мне эту книгу.

— Ну что ж, по рукам. Вот, заполни-ка форму, карточку. Позвоню через пару дней.

— Звать-то тебя, кстати, как? — не увидев на жилетке фирменного бейджика, спросил Винс.

— Тони Спаркл, к вашим услугам, — с шутливым поклоном отозвался торгош.

***

Щёлк. Отменный кадр.

Винс вздохнул, словно с его плеч вот-вот должна была слететь ноша мира, не иначе, убрал телефон в карман и зашагал прочь со стоянки. Улыбка от уха до уха сияла на лице сама по себе. Сколько всего он сделает одним махом.

Распахнув дверь в комнату, он застал Макса над тарелкой с толстенными бутербродами. Вернее, толстенно была нарезана колбаса, а хлеб и солёный огурчик, наоборот, тонко.

— Ага!

— Ты что-то рано... — невинно заметил Макс, попытавшись отодвинуть тарелку подальше, но Винс шлёпнулся на стул и выдернул её у Макса из рук. — Жадина... — обиженно припечатал он. — Ты бы руки для начала помыл, — добавил Лерой, пародируя его обычное ворчание.

— Да-да, верно... — надкусив один бутерброд, проговорил Винс и встал.

— Тарелку-то оставь, ты!

Помыв руки и умывшись, всё не переставая улыбаться, Винс вернулся в комнату.

— Щёки сча треснут. Смотреть противно. Девчонку, что ли, новую нашёл? — спросил Макс.

— Лучше.

— Нашёл и уже...

— Заказал кое-что в антикварном магазине.

Макс закатил глаза и засунул в рот кусочек плавленого сыра.

— Уж лучше б девчонку заказал... У старых вещей плохая энергетика. А ещё к ним может прицепиться призрак. Злой дух. Понимаешь?

— Да-да.

— Я серьёзно.

— Да-да...

Весь вечер Винс прикидывал, как распорядится финансами. Скорее бы уже поползли письма от возможных покупателей...

Макс, когда через пару дней узнал, что Винс продаёт свою «Пантеру», страшно обиделся и не разговаривал целый час: да как он мог повесить объявление втихомолку, а лучшему другу и слова не сказать, хотя предмет купли-продажи почти что у них под окнами?!

Ещё через час Макс попробовал поторговаться и отжать машину подешевле.

— Эвортс, ты болен на голову! Абсолютно! Это же «Пантера»! Да если б мне папаня такую на день варенья из кармана вытащил, я бы даже забыл, как его презираю. Серьёзно, Винс, одумайся...

Через три недели Винс избавился от машины, на которой, к слову, ездил всего пару раз. Этот «восхитительный, роскошный и неимоверно щедрый» родительский дар не вызывал в нём ничего, кроме крайней степени раздражения. Про себя Винс даже уверился, что с большей вероятностью разобьётся на ней к чертям, чем будет «козырять» (как виделось матери) перед друзьями.

Увы, вскоре выяснилось, что купил его «Пантеру» сын их соседа, приходившегося отцу коллегой по работе... Грандиозный скандал прямо перед выпускными экзаменами и зачислением в университет не сломил боевого духа, хотя в какой-то момент Винс думал, что его четвертуют прямо на месте и прикопают где-нибудь под окнами кухни. Выйдя из родительского дома с двумя чемоданами вещей и рюкзаком за плечами и дошлёпав до автобусной остановки (от которой каких-то полчаса до южных окраин столицы), «неблагодарный сын» всё не мог перестать улыбаться. Скоро заветная книга будет у него в руках!

Дотащившись до общаги и рассказав Максиму об изгнании из дома, Винс пообещал проставиться «напоследок». Как же давно он не чувствовал себя настолько счастливым... и свободным.

Вечером приехал старший брат, к счастью, капать на мозги и распекать Винса (как того мама просила), Бри не стал, за что его позвали за компанию в бар.

— Ещё мать не преминула заметить, что культурное образование портит, ибо занимаются им сугубо бескультурные люди, и плакала, что ты не пошёл в адвокаты, уж там бы сделали из тебя человека. Грозилась, что будет пить сердечные... но перед моим отъездом взяла коньяк... — рассказал Бри. — В общем, Винс... Через месяц или полтора можешь возвращаться...

— Не-не-не, ни за что. Я теперь в свободном плавании, — сразу же запротестовал Винс. — Сниму жильё и буду жить. Как хотел, где хотел. Человека она всё из меня хочет сделать...

— Правду говорят, что в каждой семье весело по-своему... — буркнул Макс, отставив пустой стакан. — Шторм утихнет, валы прокатятся... но осадочек, как говорится...

— И всё же, Винни... — проникновенно проговорил брат, — продать «Пантеру»... Мог бы хоть мне сказать, что тебе деньги нужны, я бы одолжил.

— Ещё чего, — обиделся Винс. — Что подарено, то моё. Какие предъявы вообще?

— Если ты помнишь, мама из-за каждой выброшенной открытки, подаренной ею на день рождения, обижается. А тут дорогущая офигенская машина.

— Я не просил. Ей захотелось шикануть. А я что?

— Ходить тебе теперь пешком.

— Я и так хожу.

— И прыгает через инсталляции, — вытащив телефон, проговорил Макс.

— Эй! — возмутился Винс, попытавшись отобрать телефон с видео.

— Хорошо, мать не видела... — только и заметил Бри. — Ладно, гений исторических наук, можешь перебраться жить ко мне. Боюсь, ещё одну «Пантеру» мать не переживёт...

***

Книга была в чёрном кожаном переплёте. Толстенная. Переплёт на застёжке. На ощупь... будто родная. Винс вертел её в руках, не дыша, потом бережно листал страницы. Буквицы. Шикарные иллюстрации. Прекрасно сохранившаяся бумага. Чудо. Он чувствовал себя самым счастливым человеком на свете: кажется, он мечтал об этой минуте со школы, и вот заветная книга наконец-то в его руках!

— Слюнями не залей только, — прокомментировал это Тони. — Чудак ты, Эвортс... Кто-то телефоны топовые берёт, а ты машину на книжку махнул. Жить теперь тебе на одну стипендию и лапшу быстрого приготовления. Не хочешь у меня курьером подработать, кстати? Тебе такие миры откроются — запредельные.

Винс фыркнул. Так радикально затягивать пояс не придётся, потому что средства после продажи «Пантеры» у него остались.

«Вложился и буду ждать, когда проценты прорастут и заколосятся...»

— Нет, спасибо. Слушай, может, у тебя и демоническую колоду заказать можно? — радостно спросил Винс, прижав книгу к груди.

— А давай я тебе чудесную кансальскую лампу в форме башмака со скидкой уступлю?

— Лампу? Может, ещё и с джинном? У тебя есть и такая? — весело поинтересовался Винс.

— Ламп в достатке.

— А джиннов?

— Джинна можно найти и в старом башмаке, если повезёт. Или если не повезёт. Это как посмотреть.

— Ну а колода карт? — всё допытывался Винс, чувствуя, что торгаш старательно уходит от ответа.

— Вот с чем-чем, а с такими вещами я не связываюсь. Удачи от них уж точно не жди, — серьёзно проговорил Тони.

— Это же просто карты для гаданий, — не успокоился Винс, удивившись перемене тона.

— Да-да, которые придумал сумасшедший художник, продавший душу демону.

— Не был он сумасшедшим. И про демона это всё бредни. Я не понимаю, ты... суеверный?

Тони только покачал головой.

— Я осторожный. А тебе, видимо, колоду прямо с автографом художника подавай...

— Уж лучше тогда с автографом того демона, так я хоть смогу убедиться, что он был...

Тони сощурился и скрестил на груди руки.

— Ага, а клочок из бороды какого-нибудь божка не хочешь? Чего мелочиться?

Винс облокотился на стойку и проговорил с наигранным воодушевлением:

— Можешь устроить? Нет? Тогда хватит про сказки, — уже раздражённо окончил он.

— Сказки сказками, а с некоторыми вещами нужно быть осторожнее. Энергетика плохая.

— Говоришь в точности, как мой друг, — фыркнул Винс.

— К другу ты, видимо, тоже не прислушиваешься.

Винс криво усмехнулся; Лероя куда полезнее держать в поле зрения, чем прислушиваться к нему.

— Вижу, ты не боишься найти больше, чем ожидаешь.

Винс усмехнулся и выпрямился, поняв, что разговор пора заканчивать:

— Это когда в старой книжке находишь раздавленного паука? Случалось. Что ж, бывай.

Общага встретила тишиной. Макс куда-то слинял к огромной радости Винса. Сбросил ботинки, он забрался на кровать и углубился в изучение купленной книги.

«Сказания Чёрного города» — сборник невероятных историй о сделках с демонами. В разное время фольклористы приписывали его создание многим именитым историкам, писателям и даже священникам. Кем бы ни был создатель (Винс втайне мечтал установить авторство), одно про него можно было сказать наверняка — он обладал потрясающим художественным стилем; народные сказки и байки были литературно обработаны и поведаны читателю с мельчайшими подробностями, из-за чего создавалось ощущение сопричастности происходящему.

Сборник пользовался дурной славой, находились даже те, кто верил, будто с этой книгой можно вызвать демонов, исполняющих желания. Возможно, такие слухи сложились из-за того, что в «Сказаниях...» наиболее полно был представлен блок историй о художнике, создавшем волшебную колоду для гаданий.

Уже одна карта якобы может повлиять на судьбу. Расклад — это комбинация ситуаций, цепочка событий или же один поворотный момент, а сама колода целиком олицетворяет желания. Или возможности. Кто-то даже считает, что это колода грехов и наказаний. Карты «приходили» — к игрокам и банкирам, маститым коллекционерам и меценатам, репортёрам, писателям и художникам (историями о злоключениях или успехах этих людей можно было зачитаться...) — и вершили судьбу. Кто-то сошёл с ума, покончил с собой или был зверски убит, кто-то разорился или разорил другого, ударился в благотворительность или несметно разбогател. А виной всему бедный, непризнанный художник. Если верить легенде, чтобы нарисовать волшебные карты, он продал душу демону. Вскоре после создания карт художник пропал, а у колоды появилось множество копий. И никто не смог собрать колоду целиком.

Ближе всего к заветной цели был известный авантюрист, живший в конце XIX века. Фелиций Данжой. Никто так и не узнал, каких же карт не хватало, однако Фелицию всю жизнь сопутствовала удача. Он прослыл влиятельным человеком, над которым, как казалось, Злой рок был не властен; он копил состояния и проматывал до нитки, он был бравым офицером и самым неуловимым шпионом. Смерть его окутана тайной, как и то, куда делась колода Данжоя. Позднее пошли слухи, что она вернулась к хозяину, демону, а сам Фелиций удостоился изображения на одной из карт... Интерес к колоде от этого только вырос.

В средней школе Винс гордился, что собирает редкие монеты и марки. Но вскоре он осознал, что монеты и марки собирают многие, это не оригинально. Не удивительно. На первом курсе колледжа оказалось, что добрая половина группы историков собирает кусочки керамики, редкие минералы, фрагменты крепостной кладки, модели ретро-автомобилей, пушек, карты, книги. Конечно же, коллекция монет была у каждого второго.

А осмелился бы хоть кто-то из них собирать «проклятую» колоду?

Винс осмелился и первым делом купил футляр для колоды — черный, прямоугольный, с символическим солнцем с одной стороны. Представлять, как он заполняется всё новыми картами, было очень приятно. Но заполняться футляр не спешил... Первую карту Винсу посчастливилось купить около двух лет назад на той же барахолке. «Вероятность». Никаких подписей, кроме традиционного названия самой карты. Потёртая, помятая, с надорванными краями, чудом не выцветшая, но он влюбился в неё с первого взгляда и прикосновения! Нет, никакой силы Винс не почувствовал (какой только бред ни придумывают про эти карты,

например, что изображения оживают и меняются, медленно сводя хозяев с ума), просто вещь оказалась очаровательно старой и притягательной. Свидетельница веков. На карте были изображены весы: глубокие золотые чаши, наполненные водой, а за ними — ясное, безоблачное небо (или просто голубовато-синий фон...). Стояли весы на белом камне — как есть весы мира, ждущие, когда беспристрастная рука Создателя кинет в чаши камушек.

Поиски продолжились: Винс создавал и просматривал объявления в темах на форумах и на торговых сервисах-порталах, куда только ни мотался, спрашивал о заказах в магазинах. К настоящему моменту он был счастливым обладателем пяти карт: «Вероятности», «Зámка», «Привлекательности», «Руин» и «Ловца». Капля в море. Словом, сколько карт в колоде точно неизвестно тоже, Винс надеялся, что «Сказания...» подскажут; то, что он в них нашёл, привело его в восторг. Иллюстрации некоторых карт. На всю страницу. Можно рассмотреть все детали! «Колесница», «Замок» (почти точь-в-точь такая, как его собственная карта!), «Хаос» и «Джокер» — самая вождеденная из всех карт, «Хозяин удачи».

Сфотографировав страницы, Винс залип на рассматривании деталей. Воистину, это уникальное издание «Сказаний...»!

«Кто сделал эти иллюстрации? Они с подлинника? Как бы узнать?»

Позабыв про своё желание спать без задних ног, Винс почти до утра читал о демонической колоде — так, словно столкнулся с ней впервые, а не гонялся за картами с колледжа. В голове закрутился хоровод мыслей и идей: какие статьи с исследованиями и открытиями об этом сборнике он когда-нибудь опубликует...

Тогда Винс искренне верил, что стоял на пороге великих открытий...

Неспящий

В это лето Винс впервые решился куда-то выбраться вместе с друзьями. Кажется, они и сами до конца не верили, что смогут его уговорить, но волшебное сочетание «шашлыки на природе» и «ночь у костра» произвело волшебное действие. Всё бы так и случилось, если бы не одна маленькая, но роковая ошибка.

***

— Как это не идёт до кемпинга? А куда тогда?

Возглас заставил Винса разлепить глаза и сонно осмотреться. Автобус всё также пыхтел по дороге, которая давно требовала ремонта, народу в салоне не прибавилось — пара туристов и их компания, — только ребята засуетились.

— Подъём, кусака, у нас проблемы, — проговорил Ральф, забросив сумку на плечо. — Выходим.

— Приехали? — ещё сонно спросил Винс, посмотрев в окно, взгляд упёрся в мрачный частокол леса.

— Ага, приехали, — буркнул Виг. — Чёрт тебя дери, Ламберт, куда ты смотрел?

— Ну я здесь был всего раз... — протянул он виновато. — И наш автобус тоже идёт до конечной, кто ж знал, что не до той...

Винс сразу проснулся, выругался и спросил, поднявшись:

— Мы что, сели наугад?

— Ну он же отходил... и всё такое...

— Эй, выходим, — скомандовал Ральф, взявшись за поручень перед дверьми.

«И зачем я согласился с ними ехать? Как знал ведь...»

Автобусная остановка сиротливо торчала на фоне тёмного леса и казалась каким-то тщедушным островком цивилизации с тощим фонарным столбом и большой картой в проржавевшей металлической оправе. Из встречающих — только здоровенная лоснящаяся чернотой птица важно прохаживалась вдоль обочины, косясь с неодобрением на ребят, столпившихся вокруг карты и пихавших друг друга локтями и плечами.

— Как знал, что ничего вам доверить нельзя, — пробурчал Винс, поправив сумку, и поочерёдно вперил недовольный взгляд в каждого из товарищей.

— Он тут был! И уверял, что знает маршрут, — прорычал Виг, снова пихнув Ламберта рыжий даже покачнулся и зацепился за Ральфа, чтобы не упасть.

— А что его знать? Автобус везёт и всё... — философски заметил Хани. — Ну, куда нас занесло? Что тут интересного? Хватит хмуриться, забудешь ещё, как улыбаться, — Хани хлопнул Винса по плечу и отскочил, когда Винс, не стараясь попасть, пнул его по ногам.

— Тише вы, не разнесите остановку, — осадил их Ральф.

Винс наградил его хмурым взглядом и повернулся к выдавшей виды доске, на которую клеили объявления и рекламу.

«Покупайте урожай такой-сякой ботвы... Акция на пасеке... О, предостережение о нападении волков... Просто чудесно...»

— В округе есть волки, — проворчал Винс вслух, указав на объявление. — Так, а это что? Объявление о пропаже... Видимо, очень злые и голодные волки...

— Угу, или кто-то похуже... — брякнул Хани. — Лес таит в себе чудовищ... Кто знает, кто разгуливает здесь безлунной ночью? Или в полнолуние...

— И что теперь? — спросил Винс, проигнорировав Хани. — Когда там следующий автобус в обратном направлении?

Винс поискал взглядом расписание, но его не оказалось — доску то ли оторвали, то ли сама отвалилась. Хмуро посверлив взглядом ржавый обрубок металлического крепления, он посмотрел на часы. Пятый час. За спиной что-то пробормотал Ральф, кажется Вигу, потому что тот сразу же выругался, бросил сумку на землю и гневно засопел. Все уставились на него.

— Эй, спокойнее, — коротко и жёстко велел ему Ральф. — Всё нормально, мы разберёмся.

Винса удивила эта непривычная жёсткость: Ральф почти что приказ Вигу отдал! Ни тени улыбки, ни шутливого тона. Он, конечно, вроде как лидер в их группе, но...

Строит из себя крутого жоака? Щенок...

Винс поморщился, ну вот, в ушах зашумело. Этого только не хватало.

Однако видеть Вига настолько взвинченным ещё страннее. Он вечно чем-то недоволен и раздражён, но сейчас сам не свой, словно напуган до чёртиков.

«Может, он... темноты боится? Или... дикой природы? Или и того, и другого».

— Далеко до станции? — спросил Винс, всмотревшись в дорогу, уходящую за поросшие лесом холмы. — Может, к ночи доберёмся?

— Должны, — кивнул Ламберт, изучая карту в телефоне.

Телефон поддаваться не хотел, сигнал был слабый, сам Ламберт, похоже, очень хотел спрятаться в какой-нибудь норке или дупле, пока ему не надавали по башке. Винс с радостью стукнул бы первым...

Словно прочитав его мысли, Ральф вздохнул и потрепал Ламберта по плечу.

— Ты нас сюда завёл, ты и выводи.

— Угу...

— Да что там выводить! Пойдём по дороге назад и всё, — раздражённо отозвался Виг.

— Чего-о-о? Это в мотеле ночевать, значит? Да ну-у-у-у! Я на мотель по-любому не согласен! Не хочу кормить клопов! — возмутился Хани. — Давайте лучше до кемпинга дотопаем! Чего тут идти? — бодро воскликнул он, отпихнув Ламберта и ткнув пальцем в стекло. — Вон, гору обойдём и на месте. Чуток срежем. Ну скажи, лис!

— Придурок, кто ночью через лес прётся? — стукнув Хани в плечо, беззлобно ответил Ламберт и вытолкнул его из-под навеса остановки. — Ещё и срезает.

— Чего это ночью? Ещё светло! Летом темнеет поздно!

— Так нам и не пять минут идти. И не час, — поддержал Ламберта Ральф. — Сумерки скоро.

— И чего? Сидеть тут и ждать автобус? Или может заночевать прямо на остановке? Но скамейки на всех не хватит!

— Заткнись уже, ради Создателя, — попросил Ламберт, уперев руки в бока.

— Костёр на обочине! Пикник! Можно консервы погреть. Нет, лучше роуд муви! — всё не унимался Хани. — Может, попутку поймаем? Нет! Засядем в засаде и стрельнем тачку у кого-нить из водителей...

— Дебил, заткнись! Просто заткнись уже!!! — рявкнул Виг, отвесив Хани смачный пинок, вернее, попытавшись, Хани отскочил с проворством кота и тут же спрятался за Ламбертом, а Виг в бешенстве уставился на Ральфа. — Это твоя вина! Нужно было остаться на ночь в мотеле, как Эвортс предлагал!

— Мы же не знали, что автобус идёт не в ту сторону... — смотря ему в глаза, проговорил Ральф с нажимом.

Между ними впору было молнии ударить, такая яростная и безмолвная борьба разгорелась. Ламберт открыл рот, но сразу закрыл, прикусив губу, будто вспомнив что-то, Хани вмиг растерял свою весёлость и перевёл испуганный взгляд с Ральфа на Вига, а потом на Ламберта. Винс резко ощутил себя лишним.

«Что, вашу мать, происходит?»

— Эй, уймись, идиоты! — одёрнул он Ральфа и Вига, когда оба опасно дёрнулись и зарычали друг на друга. — Вам уже напекло? Или от духоты мозги склеились ещё в автобусе?

Виг опустил голову и закинул сумку на плечо. Хани вытер лоб, после чего дёрнул Ральфа за рукав и заявил бодро:

— Так! В мотель так в мотель! Давайте!

Налетел ветер, будто вырвавшись из леса, зашумел недовольно листвой, забился в стекло остановки, заскрёб по доске. Все заозирались, видимо, испытав одинаково неприятное чувство. Ещё и птица оглушительно каркнула и улетела. Винс проводил её взглядом, с запозданием поняв, что это был лесной ворон. Нда, прекрасный знак...

— Пошли. Всё равно автобуса, скорее всего, не предвидится, — проговорил Ламберт и кивнул Ральфу, мол, давай, капитан, команду!

Ральф отдал команду — Виг, всё ещё недовольно сопя, зашагал по обочине. Парни вздохнули с облегчением и быстро его нагнали.

Только Винс задержался, не в силах побороть ощущение, что Виг только что бросился наперегонки со своим страхом.

***

Дорога быстро нырнула в узкий тубус леса, обочина истончилась, плавно перейдя в довольно крутой откос, за которым зеленела и стрекотала густо поросшая травой и кустарником низина. Никаких ограждений (споткнулся и уже где-то внизу), никаких указателей (правильно, дорога-то одна). Рой мошкеры и прочих чудесных гадов, чьё жужжание слилось в раздражающий гул. Очень хотелось достать баллончик и потравить всю эту дрянь.

«А мог бы поехать с Максом на море...» — эта унылая мысль крутилась в голове всю дорогу, то навевая вид пляжного бара с холодными напитками и соками, то бухту на закате, заполненную треньканьем гитарных струн... и ещё девушками...

— Скоро уже? — изнывая от усталости, спросил Хани. — Требую привал! Может это... и не дойдём мы до станции. Я так точно...

— Шагай давай, нытик, — рыкнул на него Виг, топающий впереди.

Хани страдальчески вздохнул и отёр пот со лба.

— Вот упаду я...

— Только попробуй, — мрачно одёрнул его Винс. — Кинем здесь.

— Изверги! Ну хоть отдышаться немного! Этот лес выпивает мои силы! Всё... без шуток, погодите...

Хани встал и упёрся руками в колени, тяжело перевёл дух. Ральф велел остальным остановиться. Виг выругался и прожёл Хани гневным взглядом. Ламберт посмотрел на друга с такой тревогой, будто тощий блондин мог откинуть копыта прямо здесь и сейчас.

— Мы спортсмены или кто? — ехидно спросил Винс, не чувствуя особой усталости.

— Не машины, знаешь ли, — задыхаясь, отозвался Хани. — Мы ведь проезжали поле?

— Поля, я бы сказал, — поправил его Ламберт.

— Ага... Вот и я о том, что мне они не привиделись... Скорее бы добраться... Я как-то больше по паркам. Скамеечки, урны, девушки на пробежке...

— Так меньше болтай, больше дыши и руки в ноги, кретин, — прорычал Виг и пошёл дальше.

Винс заметил, что он осматривался с плохо скрываемой тревогой. Это было совсем не нормально.

— Что с ним? — тихо спросил Винс у Ральфа, взглядом указав на Вига.

Ральф устало вздохнул и почему-то виновато улыбнулся.

— Вообще-то я думал, что ему эта поездка пойдёт на пользу, но...

— Для чего? Он, кажется, напуган до усрачки. Что с ним такое, чёрт побери?

— Тише, Винс, тише... — как-то невпопад одёрнул его Ральф. — Не ругайся.

— Даже не начал! Рассказывай, — потребовал он, искоса смотря, как Хани страдальчески вздыхает над бутылкой с водой, уже почти пустой.

— Ну, он... маленьким в лесу заблудился... — уклончиво ответил наконец Ральф.

Винс едва глаза не закатил: вот только травмы детства им не хватало.

— Честно говоря, я боюсь представить, что с ним будет, если мы... если ночь застанет нас в пути... — добавил Ральф и снова виновато улыбнулся, после чего нагнал Вига.

«Интересно, только я не в курсе?»

Из всех с Вигом он не шибко сдружился: парень вечно хмур и неприветлив, смотрит так, будто готов укусить за пересечение невидимой линии. Всегда на стрёме, всегда готов... раньше Винс думал, что драться, но сейчас его осенило: не драться, а защищаться. Но почему? И от кого (или от чего) он собрался защищаться?

— Клянусь, этот лес меня убивает... — пробормотал Хани, прервал размышления Винса.

Дальше какое-то время шли молча. Лес гудел, шипел, шуршал, постукивал; там птица какая-нибудь в кроне скакала, в подлеске кто-то копошился и этот проклятый рой насекомых... Винс не был фанатом природы и с трудом верил, что в детстве у бабушки его за уши было не втащить домой: и речка, и лес приводили его в восторг, а лучше была только мелкая речушка в лесу или родник, куда он так и норовил плёпнуться. Кажется, тогда он ещё говорил, что хочет работать лешим... Хани верно заметил, парк — вот это хорошо, культурно, спокойно. Ну или лесопарк, с аккуратными дорожками, лавочками и табличками — какая тут живность водится (не страшнее оленя или белки), когда как в лесу упорно кажется, что кто-то тебя окружает. Кто-то невидимый и голодный. И это пока светло, а что ночью будет?

— А что мы будем делать, если никуда не дойдём? Заночуем прям здесь? — спросил Хани.

С каждым пройденным участком дороги, которая, как казалось, и не думала выныривать из-под сени леса на солнце, он терял своё обычное радостное расположение духа.

— Отойдём немного вглубь и найдём место для костра, — отозвался Ламберт, но Винс подумал, что прозвучало это как-то неуверенно.

Что его смущает или не устраивает, Винс спросить не успел — Виг услышал и резко обернулся.

— Зачем? Мы будем идти и ночью! Прямо по дороге.

— Меня одного напрягает, что за всё время не проехала ни одна машина? — пробубнил Хани.

Вопрос проигнорировали.

— Идти всю ночь? Это уж слишком... Хотя... — Винс представил, как подлесок будет копошиться в темноте, и его передёрнуло. — Лучше бы мы до конечной доехали.

— Ага, чтобы обнаружить, что конечная это какой-нибудь заросший сорняками пустырь, где даже сортира нет?

— Так не бывает! Автобус бы развернулся и поехал обратно, — огрызнулся Винс.

— И что ж ты раньше молчал, умник? — наехал на него Виг.

— Ну молчал! — огрызнулся Винс в ответ. — Вы подорвались, выскочили, как ошпаренные. Что я-то всё?

— Это всё Ральф, — снова напомнил Виг.

— Так, хватит... Поезд, то есть, автобус всё равно уже ушёл. Давайте просто идти... — скривился Хани. — Пока не упадём... Ну где эти поля?

«Автобус ушёл... Но назад не поехал. До конечной так далеко? Или обратный маршрут другой? А, смысл об этом думать теперь».

Вскоре ноги заныли и у Винса, неумолимо наливаясь тяжестью. Наплевать на всё — лечь прямо тут и смотреть, как на небе будут появляться звёзды... Винс задрал голову и упёрся взглядом в густую крону деревьев. Нда, звёзд, похоже, не будет, только крошечная тьма и мерзостное копошение везде вокруг. И крики сов. Ночью. Пока-то кричат вороны.

Винса передёрнуло.

— Ламберт, как насчёт того, чтобы потравить страшилки у костра? — спросил он, очень надеясь, что уже пора остановиться.

Ламберт неоднозначно хмыкнул и вновь протянул не очень уверенно:

— В принципе можно... Сумерки уже наступают... Ральф, что скажешь?

— Нет! — взревел вместо него Виг (Винс думал, что уже исчерпал свой запас удивления на его счёт, но ошибся). — Идём дальше! Не останавливаемся!

Ральф дёрнул его за плечо и заставил остановиться.

— Хватит, ты еле на ногах стоишь, — жёстко проговорил он.

— Нельзя стоять. Нужно идти! — выпалил Виг, совсем потеряв самообладание.

«Что значит — нельзя?» — подумал Винс, рассматривая его.

Всю дорогу Винс всё ждал, когда же Виг рухнет, но Виг всё пёр и пёр вперёд, словно за ним гнались, а теперь выдал это...

Кстати, о погоне...

— Ральф, ты помнишь, что тут волки водятся? — спросил Винс.

— Поверь, медведь куда страшнее, — хмыкнул Хани.

— Не бойся, звери, особенно волки, избегают людей, — добавил Ламберт.

— Там, вообще-то, про нападения было написано, — угрюмо напомнил Винс, машинально взглядевшись в лес, будто волки могли выпрыгнуть на них прямо сейчас.

— Расслабься, — проговорил Ламберт, поравнявшись с ним. — Никто на тебя тут не кинется. Кроме роя комаров...

В стороне Ральф что-то говорил Вигу, Винс не слышал. Какое-то вредное чувство толкало подойти поближе, а то и спросить, съязвить... В ушах зашумело, звуки хлынули в уши, как волна на берег, Винс различил часть разговора:

— ... послушай меня...

— Нет!.. смотрит... нами... с самого... начала...

«О чём это Виг бормочет? Совсем от страха помешался?»

— Слушайте... ещё не привал? — задыхаясь, спросил Хани.

— Нет, надо идти! — громко скомандовал Ральф, глянув на остальных через плечо. —

Здесь костёр жечь нельзя.

И все вновь молча потянулись за ним.

Как стадо... Они все поникли и испугались. И пытаются сбежать.

— Пойдём, кусака, — позвал Ламберт, заметив, что Винс так и стоит на месте. —

Давай, ещё чуток пройдемся... Скоро уже выйдем в поля.

Выйдете ли? Интересно.

Сумерки сгущались, золотые краски потихоньку таяли, жар спадал, сильнее запахло травой, листвой и землёй, а они всё шли. Поля и не думали показываться, а деревья над дорогой расступаться. Макс часто говорил, что в лесу ему неуютно даже тогда, когда он точно один: любой звук пугает, но больше всего — сам лес, будто он живое существо и следит за тобой, что-то замышляя. Винс подобного страха не испытывал и Макса не понимал, но сейчас его всё больше напрягало ощущение, что здесь что-то не так. Ну как можно заблудиться, просто идя по дороге до станции? Сколько же они ехали? Вроде бы, немногим больше часа (правда, большую часть поездки он проспал...), зато идут целую вечность...

Вигу стало хуже. Пару раз он споткнулся, оглядывался по сторонам всё чаще, и каждый раз Винс отмечал выражение еле контролируемого ужаса на лице, блестящем от пота. Стоило им остановиться перевести дух, как Виг начинал орать, что они теряют время, словно он ждал чего-то, что пугало его до дрожи и потери рассудка. И Ральф гнал всех дальше, и все шли, как послушно стадо. Винс не знал, насколько его хватит, происходящее начало тяготить, как дурной сон.

«Да, сон... Чем дальше иду, тем больше это похоже на кошмар о вечном движении по дороге, которая никуда не приведёт...» — монотонно думал он, исподлобья смотря по сторонам.

Слух как назло обострился и маниакально вылавливал все звуки вокруг: стрёкот, крики птиц, постукивания, шуршание. Всё это сливалось в ощущение довлеющего присутствия чего-то огромного, всеобъемлющего, которое шло и от подлеска, и от угрюмого купола.

Почему-то всё это немного знакомо, навевает и тоску, и скуку...

И всё же чего-то не хватает. Чего-то такого, что очень хочешь услышать и одновременно не желаешь слышать больше никогда...

Барабаны — мерные, точные удары, расходящиеся по всей долине.

Ещё роса по утру, холодок на носу...

И много-много добычи вокруг.

Винс споткнулся и чуть не растянулся на земле. Прекрасно, он уже дремлет на ходу...

— Ты как? — к нему подошёл Ламберт, взгляделся взволнованно. — Уже падаешь...

Винс полусонно потёр нос, всё ещё думая о росе, потом устало взъерошил волосы и спросил:

— Не пора ли подбирать место для костра? Пока ещё не стемнело и можно хорошенько устроиться.

— Нет! Нельзя останавливаться! — ожидаемо возразил Виг.

Винс нехорошо усмехнулся и глянул на него исподлобья, медленно положив руки на

пояс. Сейчас у него лопнет терпение... А в гневе он страшен.

Впрочем, это-то они знают...

Между ними вклинился Ламберт, но сказать ничего не успел: протяжно вздохнув, вперёд вышел Хани.

— Слушайте! — вдруг крикнул он. — Я больше не могу это терпеть! Вы же заме...

— Хани, держи себя в руках, — оборвал его Ральф.

Хани упрямо мотнул головой и ощерился. Вот это уже совсем странно.

— Ральф, нам нужна помощь! Его помощь! — Хани указал на Винса (к огромному его удивлению).

— Эм-м-м, да?

«Я вроде не сказать, чтобы мешаю... Что я должен сделать?»

— Разве ты не чувствуешь? — спросил у него уставший и даже осунувшийся блондин. — Мы словно в заколдованное место попали. Идём и идём, а толку... Мы уже должны были выйти к полям. Мы попались!

— Куда?

— В ловушку.

— Кого? Лешего? — усмехнулся Винс.

— Нет, кое-кого похуже, — ответил Хани и приставил к голове пальцы, как рожки.

Ральф укоризненно цокнул языком, у Ламберта на лице появилось выражение «всё пропало!», даже Виг затрясся. Хани же внимательно изучал реакцию Винса на это бесспорное откровение.

«Ну приплыли...»

— Ага... Не смешно, — констатировал Винс. — Я устал, чёрт побери...

Последний звук ещё не успел сорваться с губ, как из леса что-то вылетело и врезалось в него, спихнув с дороги на откос. Удар был огромной силы, Винс несколько раз перевернулся, ничего не разбирая в круговерти перед глазами. Крики друзей смешались, а отчётливее всего прозвучало раскатистое карканье.

***

— Повтори ещё раз?

— Это была птица...

— Видимо, размером и силой с автобус... Что б её... — вытирая кровь с лица, шипел и ругался Винс.

Что произошло, он толком не понял. Голова трещала после удара о дерево, всё было как в тумане, а перед глазами застыла «галочка» — огромная птица с раскинутыми крыльями и растопыренными когтистыми лапами.

— Лесной орёл перепутал меня с кроликом? Что это было, чё...

Хани треснул его по губам, Винс чуть язык не прикусил от неожиданности.

— Тише, нечего в таких местах рогатого поминать.

Винс фыркнул. Вот это везёт ему на суеверных чудиков! Макс, Тони, а теперь ещё и этот!

— Как так вышло, что мы потерялись? — зло спросил Винс, снова приложив платок к ссадине на лбу. — Ох, повезло, что, пропахав кусты, только царапинами отделался. Создатель, поверить не могу, что это происходит со мной...

Сумерки сгустились, лес преобразился, а с ним и голоса. Вернее — повисла гнетущая тишина. А с ней нехорошее предчувствие.

И почему-то Винс был уверен, что проклятая птица тоже где-то здесь.

Пусть эта тварь только посмеет ещё приблизиться! Он на части её порвёт! Ощиплет по пёрышку и выдернет лапы... Уродец.

— Я ведь сказал, заколдованное место, — повторил тихо-тихо Хани, смотря в никуда.

— Да прекрати, — сложив платок и убрав бутылку антисептика в рюкзак, отмахнулся Винс. — Это прекрасно бы прозвучало у костра, на котором жарятся колбаски...

Больше книг на сайте - Knigoed.net

«Зря я об этом подумал...»

Сглотнув, Винс мрачно уставился на Хани. На том лица не было — испугался до смерти.

— Помнишь сказку про девочку в лесу? И про «не сходи с тропинки?» Вот мы сошли... — продолжил гнуть своё Хани.

— Мы, к счастью, не девочки, — раздражённо заметил Винс. — Соберись, тряпка! Надс найти остальных, пока совсем не стемнело. Не могли мы далеко укатиться...

«И вообще... спасать меня, значит, бросился только ты?»

— Винс, ты... — Хани запнулся, на его лице отразилась нешуточная борьба, верх брал то ужас, то отчаяние. — Ты правда... ничего не помнишь?

— Чего я не помню? — огрызнулся Винс.

— Как отогнал птицу...

«Видимо я стукнулся сильнее, чем думал... Я её отогнал? Мне казалось, она улетела...»

Винс поморщился, вновь слыша шум в ушах, перед глазами поплыли разноцветные круги. Он зажмурился, даже нос наморщил.

Сейчас бы что-нибудь пожевать...

«У Хани целый рюкзак припасов и консервов...»

Снова сглотнув слюну, Винс поднялся. С него слетело чёрное перо. Он поднял его, повертел в руках, тихо ужасаясь размеру. Что за нечисть на него напала?..

На миг он задумался, выкинуть перо или оставить. Было в его маслянистой черноте что-то по-своему притягательное... С другой стороны, кто его знает, где эта птица таскалась и что могла носить на своих крыльях. Передёрнув плечами, Винс бросил перо.

— Пошли, дорога в той стороне... должна быть... — проговорил Винс, осмотревшись в поисках своих следов.

След вскоре оборвался. На дорогу они не вышли, наоборот, Винсу показалось, что они только впилились глубже в лес. Темнота обступала, безумно хотелось разогнать её руками, как и обнаглевших здоровенных комаров.

«Почему так тихо? Куда все делись? Зовём их зовём... Если они поблизости, то услышали бы... Провалились-таки в овраг? Ещё куда-нибудь? Надеюсь, сейчас не копают волчьих ям?.. Кстати, о волках... темнеет, хищники скоро выйдут на охоту. Нам нужен костёр. Свет. На худой конец у нас есть фонарики, но...»

— Может, сами разведём костёр? — предложил Винс, чувствуя, что голова сейчас взорвётся от шквала мыслей.

— Я не умею. Не хочу спалить лес и нас вместе с ним. И... костёр нам тут не поможет, пойми.

Винс фыркнул, с трудом удержавшись от желания отвесить ему подзатыльник. Может, это вообще дурацкая шутка и ребята всё заранее спланировали? Квест, например. Или розыгрыш. Сидят где-нибудь в кустах и хихикают над ним. Но к испуганному виду Хани

было не подкопаться. Напуган, реально напуган.

Возможно, они давно и беспросветно заблудились, просто никто не решался сказать об этом вслух... Ноги гудели, спина тоже, и жрать хотелось всё сильнее. Чтоб он ещё раз согласился с ними куда-нибудь выбраться...

Представится ли такой шанс?

Пропавшие в лесу, двадцать первый век...

Может, подать сигнал бедствия? Задумавшись над перспективой спалить лес попыткой сделать сигнальный костёр, Винс потерял всякое ощущение времени, пока Хани не сказал рядом тихо:

— Смотри, тут раньше была дорога.

Между двумя сгнившими пнями виднелась заросшая просека. Пни, наверно, были частью ворот или столбами.

«Чёрная дорога в неизвестность. Или прямо на чай к лешему».

— Что там может быть? — указав на просеку, спросил Хани.

— Не знаю, на карте никаких знаков не было, это точно... Старая лесопилка?

— Может, ребята пошли туда? — предположил Хани, пытаясь рассмотреть хоть какие-то следы вокруг.

— Куда вообще эти придурки могли деться? Словно испарились...

— Может, леший забрал их? Обиделся, что путники не принесли ему даров, и... дорога эта напрямик к нему. На чай с плюшками.

— Не. Время. Для. Дурацких. Шуток, — отчеканил Винс, чувствуя, что он на грани срыва. — У нас нет связи! Нет сигнала! Мы заблудились и сорвали голос... хорошо, я сорвал, пока звал остальных. И ничего! А тебе бы всё шутить!

— Поверь, Винс, я не шучу.

— Пошли. Надо их найти. Не могли же они правда раствориться, — закинув рюкзак на плечо, глухо проговорил Винс и шагнул в сторону от просеки, но Хани схватил его за руку.

— Что? — вспыхив и круто развернувшись, прорычал Винс.

— Пойдём туда, — Хани указал на просеку.

— Ты сдурел? Мы даже не знаем, куда...

— Да мы вообще не знаем, куда мы идём!

— Я не пойду. Зачем? Мы ещё больше собьёмся и...

Хани скрестил на груди руки и глянул на Винса уничижительно.

— Мы уже сбились. Хватит вести себя как рассудительный зануда.

— Я пытаюсь мыслить здраво! — наорал на него Винс.

— А я пытаюсь до тебя достучаться! — проорал Хани в ответ. — Знаешь, зануды не выигрывают битв.

— Да ну? — Винс с вызовом глянул на него.

Он не понимал, чего ради Хани затеял этот разговор. По-хорошему, он вообще не понимал, что творилось в голове у этого энергичного и вечно радостного блондина. Так от страха одурел? Виг, Хани... И Ральф с Ламбертом хороши...

— Если хочешь и дальше ждать... чуда, жди, а я пойду, — выдал вдруг Хани и направился к просеке.

Винс от такой наглости опешил.

«В смысле ждать чуда?! Ах ты сволочь!»

Винс вскочил и зашагал следом, представляя, как запустит рюкзак засранцу в затылок.

— Ну и чего мы добьёмся? — сдержав ругань, спросил Винс, когда нагнал Хани.

— Увидим.

Закралась неприятная мысль, будто Хани знал что-то такое, что позволяло ему задирать нос.

Где-то над их головами захлопали крылья. Оба дёрнулись, осматриваясь.

Они тут не одни.

Винс нахмурился... С чего он это взял? Птица преследует их? Смешно же... Может, он напуган куда больше, чем сам думает?.. То есть и сам не лучше Хани.

Просека расступилась прежде, чем Винс успел себя накрутить. Они оказались перед покосившимися воротами кладбища.

«Вот это сюрприз!»

Винс всмотрелся в каменную ограду. Над воротами когда-то красовался герб, видимо, кладбище относилось к какой-то усадьбе. Герб, к сожалению, практически развалился, осталась только нижняя часть с фрагментом фамилии — «аль». Винс стал лихорадочно прокручивать в голове все известные ему семейства, шагнул ближе, собираясь заглянуть через прутья ворот, но Хани решительно его остановил, не дав коснуться ни ограды, ни кованых ворот.

— Не стоит этого делать, — уверено проговорил он, крепко держа его за руку.

В ушах зазвенело, Винс прикрыл глаза, а через миг схватился за плечо Хани, так его мотнуло, дыхание сбилось, перед глазами заплясали круги.

Снова этот шум... нарастает, будто прорывается изнутри, а с ним — недовольство, бурчание... и ощущение опасности, от которого волосы встают дыбом...

Он медленно выпрямился и повернулся к ограде, поводит носом, принюхиваясь: разорённая, сухая земля пахнет застаревшей кровью, чувствуется знакомый след — мальчишки здесь. Ещё пахнет бродящей смертью, грязным отравленным животным.

Наострил уши: скрип несмазанных петель, шелест, словно шёпот над заброшенными могилами. Ни голосов, ни воя.

Светловолосый мальчишка медленно отпустил его руку и напрягся. Он повернулся и насмешливо глянул на него.

— Ты собирался ему сказать... В который уже раз, — заметил он, склонив голову набок.

Как им не надоест пытаться? Он не позволит мальчишке узнать, таков уговор.

— Я хотел поговорить с тобой... Ты... ты мог бы нам помочь, — проговорил мальчишка, тщетно пытаясь скрыть свой страх.

Он сощурился, взвешивая слова. Что ж, верно, мальчишка расстроится, если щенки сгинут. И если он расстроится слишком сильно...

Он лениво перевёл взгляд на ворота кладбища. Так удобно приоткрыты, а в воздухе витают голод и обида, глядят множеством глаз... Он хмыкнул и пошёл вдоль ограды, проигнорировав приоткрытые ворота, слушая, высматривая. Здесь повсюду подлые ловушки — силки, расставленные трусом. И ещё один трус притаился где-то поблизости, и ждёт, и смотрит, он чуял его — пернатого мерзавца.

Восточный угол ограды оказался разрушен, камни так и лежали грудой, будто стену сломали только вчера. Он взобрался на них, пригнулся, остановившись, и снова прислушался. Ночь уже подкралась, кладбище молчало, ожидая. И всё же он что-то слышал. Скрежет. Тихий-тихий скрежет. Где же щенки? Кладбище съело их запах. Призраки? Нет, призраки это ерунда, в отличие от того, кто их тут держит.

Взгляд упал на полуразвалившийся склеп, перед входом в который лежало что-то, похожее на ещё один герб или родовую печать... Крылатый змей... Мальчишка любит рассматривать эту ерунду.

Хорошо бы подкрепиться, прежде чем начинать...

...Винс очнулся, шумно вздохнул и чуть не свалился с груды камней. Кое-как спустившись, он рухнул на четвереньки. Его прошиб холодный пот... Что он сейчас делал? Он испуганно заозирался. Только что же стоял у ворот...

— Эй, всё в порядке?

Он обернулся на возглас Хани и нервно вытер лоб.

— Что случилось? Споткнулся?

— Типа того... Я...

«Я не помню, как тут оказался...»

***

— Эй-эй, хватит, — Хани отнял у него бутылку с водой, закрутил и убрал в рюкзак. — Отдышись. Всё хорошо. Ты молодец. Нашёл вход. Ещё и герб опознал.

«Лучше б я ошибся».

Герб графа Дерваля. Винс зацепился за него, как утопающий цепляется за доску от обшивки корабля, чтобы не пойти на дно беспамятства. Или безумия, Винс не знал, что и думать. Раньше с ним такого не случалось... Мысли упрямо соскальзывали с герба на целый рой ощущений... Голова гудела, шум в ушах заглушал звуки вечера.

Нужно идти, нужно уходить отсюда.

Он голоден. Он хочет мяса. Консервы. Что угодно...

Нет, надо сосредоточиться!

«Так... — зажмурившись, заговорил Винс сам с собой, будто повторял материал очередного экзаменационного билета. — Граф Дерваль... жил в конце девятнадцатого века...»

Смысл это повторять? Надо порыться в рюкзаке, там есть еда...

Он сглотнул, открыл глаза, осоловело посмотрел на Хани, тот с тревогой смотрел на него в ответ, явно не зная, что делать.

У Винса вспотели ладони.

Кролик. Он хочет кролика.

Сейчас.

«В народе прослыл чудаком и чуть ли не колдуном и алхимиком, пытавшимся обуздать всякую нечисть. Народ на его земле умирал, как...»

Кро-ли-ка. Мя-са.

Дай поешь!

Винс что-то промычал сквозь сцепленные зубы. Его всего трясло.

— Знаешь, ничего, если ты хочешь ещё попить... или... — заговорил тихо Хани, придерживая его за плечи, видимо на тот случай, если он сейчас забьётся в припадке.

Винс схватил его за руку и с силой сжал. Шум в ушах стал вовсе нестерпим, словно ненастроенное радио прямо в уши воткнули. Голова разболелась, требование было только одно:

— Мяса...

Хани поспешно снял рюкзак и зарылся в нём, кажется, на его лице даже отразилось некое подобие облегчения, будто это была самая нормальная просьба в сложившейся

ситуации.

— Сейчас-сейчас... а то весь день на ногах, свежий воздух он... это... пробуждает аппетит... тебе чего дать?

— Без разницы... — просипел Винс, вновь зажмурившись.

С глазами творилась какая-то несусветная хрень, а не просто банальные красный-синенький-зелёный... Всё светилось и искажалось, в висках звонил набат.

Щёлкнула открываемая банка с консервами...

Нос пощекотал вожделенный запах мяса. Свинина.

Ну он же просил кролика. Упрямый мальчишка....

Винс успокоился, когда опустошил три банки и прикончил бутылку воды. Выдохнул и виновато покосился на Хани. Тот сидел напротив с невозмутимым видом. Да, мало ли кто и как психует... Винс был несказанно ему благодарен за это.

Наваждение, наконец, отступило. К этому моменту на кладбище уже опустилась темнота, голоса леса вновь изменились, тишина прерывалась хищными шорохами и одинокими вскриками ночных птиц, от которых душа сбегала в пятки. Могилы заволакивал туман. Вот это было не по погоде...

— Ну и чего мы сюда припёрлись? — прочистив горло, спросил Винс, нервно вглядываясь в подступающую ночь и будто ожидая, что вот-вот увидит призраков людей, павших от мора. — Бродить среди могил в темноте?

— Знаю-знаю, но какой у нас выбор? Надо найти ребят и валить отсюда. Ты говорил, где-то за кладбищем есть поместье, они могут быть там. Эх, такое местечко можно было б и под охрану взять.

— Да уж. Не ожидал, что тут всё так запущено. Может, поместье сохранилось лучше. Вообще-то здесь закрытая территория. Государственная.

— Только сторожей не видно... Слушай, Винс, ты правда... ничего не помнишь?

Винс вздрогнул. Снова этот вопрос. Он ничего не говорил...

— Что не помню?

Хани раздосадовано закусил губу. От него сквозило настоящим отчаянием.

— Чего я не помню? — с нажимом повторил Винс.

— Того, кто ты есть...

Винс фыркнул:

— Это-то я прекрасно помню, и имя, и фамилию...

— Только не вздумай называть их здесь, — резко перебил его Хани, чем удивил ещё больше. — Создатель, мы тебе уже столько раз говорили... всё без толку... Не понимаю, почему, — вздохнул Хани.

На задворках сознания вновь появился шум. Тёплое дыхание в затылок, ощущение обнимающего мрака, по сравнению с которым никакую ночь нельзя назвать достаточно тёмной. И этот мрак комфортно разлёгся у него за спиной, положив морду на плечо...

От хриплого и без шуток зловещего карканья душа свалилась в пятки и там задрожала. На крышу склепа сел здоровенный ворон, перебрал ногами, поползав по краю вправо-влево, и снова оглушительно каркнул, расправив крылья.

«Стоп, это же он был у остановки!»

— Это всё твоя вина! — крикнул ему Винс. — Это всё ты! Зараза!

Он погрозил птице кулаком, ворон не просто закаркал, заскрежетал. Звук этот пилил уши и неприятно щипал кожу — захотелось сжаться или поскрести себя, лишь бы прогнать

навязчивое ощущение.

— Из-за него мы сбились с дороги, — повторил Винс. — Слышь, сволочь! Выводи нас обратно!

Ворон склонил голову набок. Выглядело так, будто он смеялся над заблудившимися бедолагами.

— Нечего зырить, не то поймаю и начну ощипывать, — пригрозил Винс.

Хани в ужасе переводил взгляд с него на птицу.

Ну же, подходи, пернатый.

Ворон подпрыгнул и взлетел, Винсу показалось, что он снова кинется на него, но птица пересекла разрушенную временем аллею и взгромоздилась на ветку сухого дерева, стоявшего немного на отшибе. Снова громко каркнула.

— А что ещё ты можешь рассказать об этом графе? — спросил Хани, боязливо таращась на надгробия, видневшиеся шагах в двадцати.

— Сейчас не время для урока истории.

— Напротив... Может, есть что-то важное? Что там про поветрие?

— Это слухи. Много оккультных слухов. Будто бы он поставлял монарху всякие яды... Закончил он плохо. Крестьяне и рабочие верили, что он с нечистой силой связан и что все смерти на его земле тому в подтверждение, вот и подняли восстание. Расправа была жестокой... Чёрт побери, даже его призрак померещился...

Хани перестал дышать. Ворон за их спинами загремел хриплым набатом. Винс невольно поёжился и покосился на него.

— Уходим... сейчас... — прошептал Хани. — Он идёт... Нет, они идут...

Винс хотел отшутиться, но глянул вперёд и почувствовал, как по спине бежит волна холодных мурашек.

Между надгробьями маячили тени. Покачиваясь, они шли к ним, а с ними стенания. Ворон орал, как сумасшедший.

Винс вскочил. Глазам он не верил, но...

На них словно дышала могила. Туман затянул кладбище и полз на них. Он был похож на подол пышного платья... Вот лицо, высокая шея торчит из воротника, талия стянута корсетом и похожа на рюмку... А рядом ковыляет мужчина в пиджаке с длинными фалдами... В цилиндре, с горящими глазами...

Хани что-то швырнул на землю и, схватив Винса за руку, потащил прочь, туда, где предположительно было поместье — за разросшимися за аллеей кустами мало что можно было разобрать. Ворон сорвался следом за ними, закружил, опасно снизившись и едва не задевая их то крыльями, то лапами.

«Абсурд... Так не бывает...»

Из тени выскочило нечто, сверкая угольками глаз. Клацнуло зубами, раздался рык. Хани, выругавшись, отбросил Винса. Тот даже удивиться не успел, откуда у довольно тонкого блондина такая силища, и просто плашмя шлёпнулся в паре метров от того места, где только что стоял. Макушку задела когтистые лапы — ворон спикировал и завис перед ним, загородив собой всё, вцепился в Винса когтями.

Скотина! Да как ты смеешь?!

С болью от царапин вспыхнула ярость: не задумываясь, он бросился за птицей, ворвался в запущенный сад и на всей скорости врезался в огромный вазон. Опрокинулся, оглушённый треском, грохотом и звоном, и очнулся, напуганный до одури. Ворон тут как тут, снова

расправляет крылья.

«Мне кажется или он стал больше?..»

Винс поднялся и бросился к дому. Это ведь не реально?!

Ночь разрывали жуткие звуки грызни. Что-то трещало за садом, будто какая-то чудовищная дикая свора загнала огромного зверя и теперь рвала на части. Пронеслись лихорадочные мысли о волках... Нет, на волков это совсем не похоже.

Над головой прогромыхал ворон. Лапы взъерошили волосы, отвесив подзатыльник...

Винс побежал быстрее, не чуя под собой ни ног, ни земли. Да и себя не чуя и не зная. Прыгнул в провал, оставшийся вместо парадных дверей, перекатился по полу и провалился в омут из чёрных перьев.

***

Карканье ещё долго звучало в ушах. То ближе, то дальше. Но очнулся Винс только после того, как получил клювом по лбу. Ворон проворно отскочил и затаился, кося на Винса красным глазом. Винс не ошибся, размером этот гад был с доброго упитанного орла. Ворон ли это вообще?

— Куда ты меня притащил? — спросил его Винс. — И... что ты такое?

Ворон, будто издеваясь, важно прошёлся перед ним.

Хотелось схватить его, за хвост или за крыло, перевернуть башкой вниз и хорошенько потрясти. И выпотрошить...

Обругав тварь и потеряв с опаской лоб (нет ли крови?), Винс сел и осмотрелся. Небольшая комната под стеклянным, светящимся всеми цветами радуги куполом выглядела так, будто её хозяин только-только вышел: на столике у глубокого кресла стоял поднос с чайником и чашка чая, от которой шёл дымок, рядом раскрытая книга. Пахло морёным дубом и немного дымом. Дверь была только одна, расписанная сложными символами. Они же покрывали пол вокруг кресла и столика и брали в кольцо постамент, на котором стояла большая серебряная клетка. Тонкие прутья образовывали искусное плетение, похожее на заросли терновника, а внутри бился, роняя холодные искры, тёмный сгусток.

Ворон взлетел и уселся на спинку кресла, каркнул. Винс поморщился: грубый, низкий, хриплый голос эхом разошёлся от стен комнаты, чтобы ударить со всех сторон. Винс осмотрелся внимательнее. По периметру комнаты стояли шкафы: большие и маленькие, высокие, узкие, застеклённые и прячущие свои сокровища за толстыми дверцами. Между ними торчали колченогие витрины. Винс прошёлся вдоль них: камни, украшения, ножи и кинжалы, книги и какие-то причудливые футляры-цилиндры.

Вспомнился магазин Тони. Любопытно, похожие штуки он видел у него в витринах.

«Интересно, нет ли среди этой солянки моих карт?»

Винс стал осматриваться, позволив вспыхнувшему любопытству захватить себя с головой, но стоило пройти мимо кресла, как ворон не преминул клюнуть Винса и нетерпеливо захлопал крыльями.

Винс ощерился, ворон закаркал громче и требовательнее.

— Ну чего тебе? Сказал бы, — проворчал Винс сердито.

— Клетку открой!

Кажется, он почувствовал, как шевелятся волосы. Ворон смотрел в упор, и ничего звериного и дикого в его взгляде не было.

«Вот чёрт!»

Комната затряслась, да так, будто кто-то решил раскачать хорошенько опоры, на

которых могла бы держаться башня или вышка. Шкафы затряслись, что-то посыпалось, мебель заскакала. Только клетка осталась царственно недвижима.

— Скорее! Открой! — стал кричать ворон.

Винс глянул на клетку, потом на ворона, сощурился.

Так вот чего ты хочешь. Кто же поймал тебя — граф или тот, с кем он справиться не смог?

Комната затрещала, грозя развалиться, Винс испуганно заозирался. Да что происходит?

Откуда-то послышались шаги.

Ну вот, хозяин идёт, дозвался.

— Открой клетку! — всё повторял ворон, в голосе его звенела сталь и дикая жажда свободы, в этом нельзя было ошибиться.

«Открою, а дальше что?»

— Как ты мне отплатишь? — спросил Винс.

Лампы стали темнеть, шаги зазвучали громче. Определённо не ворон хозяин в доме, а кто хозяин — Винсу узнавать совсем не хотелось.

— С тобой пойду. Открой!

Последнее сказано уже было с трудом, птица вновь перешла на карканье, будто человеческий язык у неё отняли — шаги звучали уже из-за двери. Лампы звенели, угрожая разлететься крошкой. От ударов дрожал пол.

«Зануды не выигрывают битву», — вспомнились слова Хани.

Винс выругался и повернулся к клетке.

Сгусток пульсировал.

«Похоже на сердце».

Скрипнула дверная ручка.

— Кар!

Винс протянул руку и взялся за дверцу клетки.

***

В крыше была дыра, часть стены от флигеля обвалилась. Как можно было довести культурное наследие до такого состояния? Когда-то тут было на что посмотреть, как внутри, так и снаружи. А теперь? Картины потемнели и оказались замазаны какой-то дрянью, а то и варварски порваны. Старинные вазы разбиты, мебель испорчена. Но больше всего Винса поразило и напугало впечатление остановленного времени. Нет, не было ни осколков, ни щепок, застывших прямо в воздухе, в полёте или падении. Физически ничего не застыло, но казалось, будто жизнь из помещений выпили. Он уже какое-то время ходил по комнатам, ища кабинет, который был в видении; от формулировки любого учёного бы покорило, но Винс не знал, как ещё обозвать то, что он... видел. Образ витрин с различными интересными вещами не выходил из головы. Вот бы найти эту комнату, вот бы покопаться в ней...

Ворона и след простыл, будто он вообще приснился. Ни звука не доносилось снаружи, молчал и старый, покинутый дом. Осторожно, не спеша идя по ветхим коридорам, Винс нет-нет да останавливался, словно рассудок вдруг включался и начинал вопить, что это всё бред, абсурд, нереальщина, надо проснуться! Нападала тревога. Чем он занят? Что он должен делать? Он должен быть не здесь! Он начинал метаться, пока взгляд не падал на какую-нибудь более-менее сохранившуюся вещь или фрагмент предмета. Тогда его снова захватывал странный азарт, поиск продолжался.

Посуда, металлические украшения, даже фрагменты гобеленов, куски шикарных рам

от картин, как печально, что все эти вещи свалены здесь как на свалке и забыты. Как всё это может быть не нужно?

Разум снова шептал: тут что-то не так, неправильно, будь осторожен, а лучше — уйди отсюда поскорее. Лёгкости, присущей снам, в теле не было, наоборот, движение причиняло боль, напоминая о бесславном падении сначала в лесу, потом в самом поместье... Как он рухнул в груды хлама, Винс опять же не помнил, повезло, что не зазанохнулся. Где-то снаружи остались ребята-фриранеры... Что там с ними?

Но с новым поворотом и пройденной комнатой Винс будто о них забывал, полностью отдавшись своему поиску. Его любопытство всё крепло, он желал осмотреть каждый уголок в этом месте. Всё потрогать, повертеть в руках. Зачем спешить? Ему необходимо всё тут узнать.

Вместе с тем нарастало раздражение и голод.

Поместье было похоже на лабиринт. Казалось, что внутри оно намного больше, чем выглядело снаружи. Это стены раздвигаются? Кажется?

Интересно, какой была жизнь здесь несколько веков назад? Никакой спешки. Прогулки и чай по расписанию. Гости, балы, званые обеды, сплетни со всей округи. Здесь любили пиры. Вот бы...

Не смей даже думать об этом!

Надо идти, искать.

Сколько можно бродить? Очнись, открой глаза! Иначе это никогда не закончится!

Винс останавливался, прислушиваясь. Он слышит голоса? Они идут из комнат? Или от него самого? Может, снаружи? Эхо былого? Оцепенение не спадало, пока из глубины души не поднимался яростный рёв.

Моргнув и помотав головой, Винс шёл дальше. Он должен искать.

Ты должен очнуться! Пока тебя не сожрали!

Бред какой... Кто может его сожрать? Такого не бывает.

Всё же он вдруг заметил, что за ним ползёт противный шорох. И запах. Как он не обратил внимания раньше? Запах грязи, сырой земли и... фу, нет, это что-то большее, нежели просто грязь, какое зловоние.

Винс обернулся, осмотрелся с опаской. Смутный страх похолодил внутренности. Мысли пронеслись, одна сбивчивее другой.

Ему показалось или он и правда обмотан цепями, на которых висит здоровенный замок? Как он вообще ходит тогда?

Ерунда, показалось, нет ничего интереснее этого места. Он всё тут осмотрит. А потом найдёт стол, стул, хоть что-нибудь да и уцелело, наверняка. И начнёт писать. Да, можно поискать пергамент. И перо! Чернила. Он напишет об этом месте что-нибудь удивительное...

Напиши: «Спасите, помогите!», идиот!

Кто это всё время передёргивает? Хорошо бы зашить этому гаду рот...

Не смей! Ты...

Наконец стало тихо. Наконец-то! Так вот, это чудесное поместье...

Из комнаты на него вылетело нечто большое и чёрное, врезалось, оглушив карканьем, когтистые лапы впились в плечи. Он попытался вырваться, но ворон легко поднял его и потащил в черноту. Всё вокруг потемнело, смазалось: коридоры, комнаты, залы, лестницы — всё помчалось с огромной скоростью, в нос ударила затхлость и вонь. Ворон будто решил

протащить его сквозь поместье, а потом...

Винс тяжело рухнул на пол, выбив собой дверь. Хорошая птица, ничего не скажешь... Откашлялся от взметнувшейся пыли и с трудом приподнялся.

Он оказался в большом зале. Кажется, это библиотека. Ворон взгромоздился на один из высоченных книжных шкафов и призывно каркнул. Какой же он громкий.

— Никак не пойму, есть ты на самом деле или же... всё со мной плохо... И не пойму, спас ты меня или что?..

Ворон снова что-то прогаркал. Винс мог поклясться — птица понимает его. Устало вздохнув, Винс поднялся, отряхнулся кое-как. Как же он устал.

Сейчас бы ещё консервочек. Баночек десять...

— И чего? Как отсюда выбраться? Эта экскурсия порядком затянулась... — оглядываясь, сказал Винс ворону.

И тут его взгляд упал на знакомого вида витрины. Затаив дыхание и позабыв про усталость, Винс бросился ходить между шкафов. Ворон поскакал следом.

Под мутными, где-то треснувшими стёклами витрин были в основном книги и какие-то металлические цилиндры, похожие на тубусы. Должно быть, внутри что-то есть... Что? Вещества? Или... «поветрия в склянках»?

От этой мысли стало не по себе, Винс отшатнулся и руку отдёргнул, задумавшись. Как-то он расслабился в столь подозрительном месте.

— Ищи сокровище резче! — гаркнул ворон, смахнув с верха шкафа тучи пыли.

Винс не успел ни удивиться, ни испугаться — закашлялся, чихнул, прикрыл глаза рукой. А когда отнял руку от лица, то увидел перед собой окованную металлом коробку на четырёх ножках, уютно примостившуюся между затянутыми паутиной фолиантами.

Он подошёл, затаив дыхание, вытянувшись от макушки до носков ботинок, весь подался вперёд и глянул на крышку. Вязь узоров, символов, но в центре — до боли знакомое солнце. Точно такое же было на его футляре. В мозгу как свисток раздался. Винс склонился над коробкой, протянув к ней руки, но ещё боясь коснуться. Странно, солнце как будто светило через слой пыли. Коробка высокая, скорее, это ларец. И с каким-то замком. Винса охватило волнение наполовину с нетерпением. Открыть? Взять её с полки? Не обязательно там будут карты...

Тихий звон.

Винс напряг слух, едва не приложившись об коробку.

Звон повторился.

«Изнутри...»

Не помня себя, Винс схватился за крышку, потянул. Она не поддалась. Он фыркнул, сердце, казалось, сейчас вырвется и убежит, крича. Нет, надо успокоиться.

Он сдвинул коробку (Тяжёлая! Камни там, что ли?), взял в руки, сдул пыль, осторожно покрутил, рассматривая. В пазухах были выемки, похоже, надо нажать на них. Просто нажать?

Звон повторился ещё несколько раз, а с ним то рокот падающих камней, то тихое пение, то свист стрел... Коробка, даже закрытая, исторгала какие-то звуки. И почему-то Винс совсем не думал, что коробка эта музыкальная. Его охватила дрожь. Что если перед ним величайшая отгадка? Если там карты... и если они... как говорят... О, этот звон сводит с ума... это словно... словно... бубенчики на скипетре...

Винс онемел, вспомнив, на какой из карт, по описаниям, был скипетр.

«Джокер».

Он вцепился в коробку ногтями, но тут же себя обругал.

В голове как петарда разорвалась: шум, гул, его оглушили собственные мысли.

Открыть... заглянуть внутрь...

Карканье застучало по голове. Винс шикнул на проклятую птицу, но ворон заголосил громче и яростнее. В нос ударила вонь. Да, верно, здесь же что-то нечисто...

Клацанье и стук по полу, как от когтей. Скрип половиц. Приближается что-то большое.

Винс уставился на дверной проём, так и держа коробку в руках. Он не расстанется с ней ни за что на свете!

В дверном проёме появились горящие глаза, из темноты высунулся кончик уродливой морды с дрожащим большим носом. Из приоткрытой пасти капала слюна, чуть светящаяся или даже дымящаяся. Очертания твари угадывались с трудом: четыре лапы, выгнутая коромыслом спина и косматая шерсть, торчащая как грива.

Гончая.

Он бы многое отдал за возможность сцепиться с этой тварью и вонзить зубы в её хребет. Сломать, выдернуть, разодрать глотку и собрать клыки как трофей. А потом он бы выволок из тени трусливого хозяина этой гадины. Легко бы чёрт не отделался...

Вырваться захотелось нестерпимо, ощериться, обнажить клыки, ударить, высвободив все силы.

Но мальчишка сломается, он не готов и... а, он уже на пределе. Но впился в коробку, как пиявка впивается в ногу, — не выбросить, даже не надейся. И чем ему всё это так нравится? Будь его воля, он бы зашвырнул эту гадость как можно дальше, а потом ещё бы и землёй присыпал. Мальчишка знать не знает, как эта коробка жжёт руки.

Как досадно, остаётся только одно.

— Эй, пернатый, не спи, раз ввязался! — тогда рыкнул он птице и процедил с отвращением: — Твой ход...

Ворон взлетел со зловещим карканьем и исчез под потолком.

Дом задрожал в приступе гнева, в коридорах завыл ветер. Смерд усилился. Гончая с низким рокотом медленно, царственно шагнула в зал, вперив свои мерзкие, мелкие угольки глаз в добычу.

Ах ты дрянная безродная шавка!

Он зарычал, с ненавистью уставившись на тварь. Когда-то одного его рыка хватало, чтобы остановить не только разъярённого медведя, но и дружину, ощерившуюся топорами. Какой-то шавке он даже с этим мальчишкой не уступит!

Гончая дрогнула, села на брюхо и прижала уши, подпав под мираж его былой силы.

Перед глазами всё поплыло, прорвалось чувство паники, непонимание, страх. Шум отбросил его.

Мальчишка... дурак, сиди тихо!

Гончая опомнилась, мотнула мордой и припала для прыжка.

Издали донеслось хлопанье крыльев, четыре пера упали из-под потолка и превратились в четыре мохнатых силуэта. Всё-таки уцелели. И накинулись на гончую скопом.

А, визг раздираемого врага... есть в этом что-то приятное, навевающее воспоминания... Однако даром щенкам это не пройдёт, особенно сломленному... в конце концов, они не многим лучше этой шавки...

К ногам вместе с чёрными перьями упала металлическая колба и сломалась, будто стеклянная, из неё повалил зеленоватый дым.

Очень кстати, пернатый.

В дом ворвался ураган, продул насквозь, унося вонь и дым, где-то под потолком торжествующе загремел о свободе ворон...

Мальчишка пошатнулся... рухнул пластом. Но коробки так и не выронил...

Ну что за молодёжь пошла? Слишком культурная и хлипкая, даже хребтов не поломать никому...

***

Когда на дороге вдали показалась точка автобуса, никто не смог сдержать ликующего вопля. Высыпав на дорогу, они перекрыли её лентой, чтоб наверняка.

Как же хотелось нормально поспать. А ещё помыться. Поест, само собой. Чего-нибудь посытнее банки консервов, а главное — побольше. И открыть эту коробку!

Винс думал о ней, как проснулся, но ковырять при всех не стал. К счастью, ребятам было не до его находки. Убраться бы поскорее из этой глухомани. Никто не сказал вслух, но перспектива доехать-таки от станции до кемпинга висела на волоске.

Загрузившись в автобус и растёкшись по сидениям (благо автобус был пуст), парни с облегчением расхохотались.

— Всё, я с вами больше никуда не поеду, — заявил Винс, обведя остальных взглядом.

— Переночевать в поместье ты решил, — поддел его Хани.

— Но я не предлагал шататься по всему строению и испытывать его на прочность, — напомнил Винс. — Сами виноваты, что провалились.

«Создатель, мы разрушили культурный объект...» — взъерошив волосы, подумал Винс и откинулся на спинку сиденья.

— Повезло, что никто ничего не сломал... А поместье... Ну оно всё равно не охранялось... — сказал Ламберт.

— Так, это всё останется между нами, — проговорил Ральф, оттирая лицо влажными салфетками.

Вид у всех был побитый, даже пожёванный. Ссадины, царапины, уже проступали синяки, словно они не по заброшенному (и хлипкому) поместью лазили, а с кем-то дрались. Мда, поездка на природу оставила не самые славные воспоминания. Мало было леса со всеми шорохами и скрипами, так поместье добавило впечатлений. И кладбище тоже. А они всего-то хотели рыбалку, цивилизный кемпинг, шашлыки, страшилки у костра. Конечно, в тёмном поместье страшилки вышли круче, но вот консервы встали колом, а до утра всякая дрянь снилась.

Повисло молчание, которое, однако, быстро прервало чавканье. Все уставились на Вига, который, похоже, посчитал своим долгом уничтожить запасы Хани до прибытия на станцию. Мясо он уплетал с аппетитом, но от одного взгляда Винсу стало дурно. Он отвернулся к окну и стал смотреть на лес, который, к счастью, вскоре сменился бескрайними полями, над которыми синело небо без единого облачка.

«Чувствую себя выжатым... — подумал он, прикрыв глаза. — Надо будет рассказать Максу про эту поездку. Может, стоило его позвать? Хотя... Вряд ли бы он был рад заблудиться в лесу... И вряд ли бы он смог стоически всё снести, как наш Виг... Ему, вроде, после ночи в лесу полегчало... Зачем вообще я предложил идти в поместье? Хмм... Ну, не на кладбище же ночевать», — как бы ставя себе зачёт, заключил Винс и потёр переносицу,

когда в ушах слегка зашумело.

— Когда-нибудь... мы всё это обсудим... вспомнив вновь, — проговорил вдруг Ральф.

Винс повернулся и посмотрел на него. И обнаружил, что стал центром внимания, по-другому и не скажешь: почему-то все сверлили его внимательным взглядом.

— Типа, вспомним на старости лет? — усмехнулся Винс.

— Надеюсь, что раньше, — ответил Ральф.

Как ни старайся не будить лихо, однажды оно всё же откроет глаза и взыскательно уставится на тебя, будто говоря: «Ты мне задолжал...» Винс очень надеется, что его «лихо» всё же не проснулось, а лишь... А что, собственно, оно сделало и во что его втравило?

Один октябрьский день затянул Винса в водоворот невероятных событий, перевернувших все понятия о реальности, а также принёс горькое знание, что не всякую дверь стоит бездумно распахивать, а тайну извлекать на поверхность.

Это случилось снова — Винс проснулся на крыше какой-то заброшки. Поднялся с трудом, осторожно размялся, похлопал себя по плечам, по бокам, по ногам — за ночь тело затекло, но вот что странно: он нисколько не замёрз. Наоборот, он чувствовал распирающий изнутри жар. Голова была удивительно пуста — как всегда после полнолуния.

«Не помню, что делал... По ощущениям — словно десяток километров на полной скорости бежал без передыха, а потом рухнул пластом. Может, так и было?»

Винс осмотрелся. На крыше никого, дверь шахты лестничного пролёта приоткрыта. Глянул с крыши вниз — ничего примечательного, кроме большой территории, обтянутой колючей проволокой. Заброшка же — это высокое здание с какой-то вывеской, торчащее на отшибе от квартала, над которым дымили трубы. Судя по всему, он где-то на окраине Коптилки, большого производственного района. Как его сюда занесло? Почему сюда?

Нос раздражал запах сырости, грязи и ржавчины. Винс поморщился и чихнул. И сам испугался, каким оглушительным вышел звук.

Скрипнула дверь, Винс обернулся. Никого.

«Так... где телефон?»

Он обшарил карманы, но ничего не нашёл. Который сейчас день, час? Борясь с подступающей паникой, Винс подошёл к двери, заглянул внутрь.

«Темень! Ни телефона, ни фонарика... Надеюсь, что просто забыл всё дома, а не растерял по пути сюда... Очень не хотелось бы ползать тут и искать... Что со мной творится? Что я делал вчера? Я пришёл сюда один? Кажется, у меня не было никаких планов, но... Я никогда ничего не планирую на полнолуние. Я был дома, допоздна работал над статьёй для сборника конференций, потом правил главу диплома... Потом... кофе... — желудок болезненно сжался при мысли о горячем и крепком напитке. — А потом я... будто выключился? Всё хуже и хуже...»

На прошлое полнолуние он проснулся дома и обнаружил у себя в кармане фигурку из материала, подозрительно похожего на кость. Где он мог её достать? Тайна, покрытая мраком и грязью — вернулся он заляпанным с головы до ног, будто на брюхе ползал по лесу или парку после сильного ливня. А летом, когда в столице проходил фестиваль еды с праздничными ярмарками и с торжественным открытием парка аттракционов, Винс ходил сытым неделю, потому что у него было ощущение, будто за злополучные три ночи он сожрал весь запас сахарной ваты вперемешку с колбасками, попкорном и лимонадом из автоматов.

«Уж лучше бы и сейчас очнулся где-нибудь в тепле и с набитым брюхом...»

Хотелось обхватить голову руками и завывать. И сколько длится это... безумие? С недавних пор он стал подозревать, что давно, просто «странности» оставались незамеченными. Рассказать о лунатизме он никому не осмелился.

«Нужно взять себя в руки... и подумать... Что мне снилось?»

Он заходил взад и вперёд, хмуро посматривая вдаль. Тело требовало действия. Немедленно. Движения. Иначе разорвёт от жара.

В ушах шумело. Этот проклятый шум преследует его несколько лет, ни с того, ни с сего. В шуме так легко спрятать слова...

Не выдержав, он разбежался, прыгнул, перекатился по крыше, сделал кувырок. Да, так лучше, движение всегда помогало.

Прыжок, перекат, сальто, поворот в стойке на руках. Перекат, прыжок, колесо, перекат. Винс гонял себя, пока не сбил дыхание. Наконец, совсем выдохшись, он остановился.

Он тут что-то искал.

Зачем? Что он искал?

Нужно сосредоточиться. Что бы с ним ни происходило, он в силах справиться. В силах контролировать себя.

Он хотел на что-то посмотреть. Что-то проверить.

Переведя дыхание и отметив, что внутренний жар спал, а голова потяжелела, Винс кинул ещё один взгляд на крыши домов и заводов, черневших под пасмурным небом.

«Что ж, попробую узнать, что меня сюда привело...»

Винс вошёл в здание. Море недружелюбных, мерзких звуков. Скрипы, эхо, пустота. Биение сердца казалось гулким и непростительно громким. Винс шёл медленно, больше на ощупь. И наудачу. К счастью, пол был цел. Когда глаза привыкли к темноте, Винс зашагал увереннее.

Он не боялся заброшек, хотя опасаться всегда есть чего: наркоманы, гопники, провалы в полу, торчащая арматура и много других приятных сюрпризов. Пока Винсу везло, споткнулся он всего пару раз, навстречу никто не попался. Заброшенный завод взирал ему в спину бесстрастно, словно ему было всё равно, выберется Винс отсюда или задержится ещё ненадолго. Задерживаться не хотелось: воняло тут страшно, строго говоря, место было запущенным, но не таким уж заброшенным — бутылки, окурки, старые грязные матрасы, какие-то коробки, упаковки из-под дешёвой еды, груды мусора. От отвращения нахлынула тошнота, но среди этой вони Винс с удивлением выцепил запах краски и лака, сильный, агрессивный и свежий.

«Кому-то приспичило рисовать тут граффити? Надеюсь, не мне?..»

Странно, на нём самом ни брызг краски, ни запаха баллончиков и прочего «художественного» сырья не было. Да и не было у него никогда тяги к художествам, тем более в столь сомнительных местах. Вот фотографии — это ему нравится, а лезть на заброшку, чтобы что-то расписать...

«Может, во мне живёт злой двойник со своими хобби?» — усмехнулся Винс.

Без приключений добравшись до первого этажа, Винс вздохнул с облегчением.

Через разбитые большие окна в здание лился свет пасмурного дня.

«Выход! Ура!»

Однако перед тем как выйти, Винс решил осмотреть первый этаж и пошёл на запах краски.

На дальней стене за квадратными колоннами виднелся уголок рисунка. Большого рисунка, сделанного фосфоресцирующими красками. Винс обогнул стену, загораживающую его, и остановился перед граффити во всю высоту зала. Оно мерцало в полумраке, будто вырастая на игре света и тени — реалистичное, жуткое, омерзительное. Какой-то

талантливый, но злой художник изобразил на стене нечто, подозрительно похожее на выпотрошенную проститутку. Причём выпотрошенную буквально некуда... Полуголая, с короткими чёрными волосами, разметавшимися вокруг маленькой головы зловещим полукругом, с длинными руками и ногами, с изуродованным лицом и двумя рядами зубов-сабель, она смотрела на Винса с безумным весельем.

Его передёрнуло.

«Создатель, зачем рисовать такую дрянь? Видимо, местные постояльцы разбежались из-за неё».

И всё же он не мог оторвать от неё взгляд. Чудовищная до отвращения, захватывающая до потери дыхания. Как настоящая.

Винс помотал головой, почувствовав, как поднимается в груди тревога наполоам с гневом.

Нечего на эту гадость смотреть!

Он отошёл на несколько шагов, всё ещё рассматривая граффити, и заметил в самом низу, у пола маленький светящийся силуэт. Крысу. Её мерзкий длинный хвост свивался в подобие подписи.

«Был бы у меня фонарик... Хотя не важно, любоваться тут нечем», — сказал он себе и отвернулся.

Дойдя до квадратной колонны, Винс услышал звук, с которым цокает по полу каблук. Шорох, шум. Хрип.

Он обернулся. Вспоротая бледно-светящаяся женщина стояла посередине комнаты, стена была пуста.

Как он оказался за забором завода, Винс не вполне осознал. Он просто сорвался с места и полетел, преодолевая препятствия... Кажется, он никогда не брал настолько высокие и неприветливые стены, а тут перескочил играючи. Он пересёк улицу и сквер и только тогда остановился перевести дыхание.

«Что это только что было?»

Непроизвольно поёжившись, Винс глянул через плечо... и чуть не заорал. Из-за угла ближайшего здания выглядывало это чудовище. На свету оно оказалось ещё отвратительнее. Бездонные пустые глаза, полуоткрытый, искривлённый в ухмылке рот. Волосы застыли неряшливой копной, будто на них вылили литры лака. Руки, почти кокетливо обнимающие стену, оказались в крови. На выставленной длинной ноге в узкой туфле на шпильке — порванные блестящие чулки, заляпанные грязью, плечи обнимает слипшийся от крови полусубок. Живот с вывалившимися внутренностями...

Почему она так реальна???

Почему она так смотрит на него? словно собирается его выпотрошить...

Винс попятился. Она склонила голову на бок и улыбнулась, отделившись от стены и шагнула следом за ним.

Мысли появились, одна страшнее другой, почему призрак (а кто бы это ещё мог быть?) преследует его, вплоть до подозрений: в конце концов, терять память на полнолуние — это очень-очень плохой знак.

Винса захватила паника. Что делать? Куда идти?

А что будет, если она его догонит?..

От мысли, что это может притащиться за ним домой, Винса передёрнуло. Да и с трудом представлялось, как бы в такой ситуации могли помочь экстренные службы. Или друзья.

Если только...

Она шагнула к нему.

Винс побежал.

***

— Ну и зачем ты сюда притащился? Мне-то она зачем? Клиентов привлекать? Сомнительная замануха, — проговорил Тони, задумчиво смотря на окно с витриной.

— А нужно было привести это домой? — ткнув пальцем на фигуру, прижавшуюся к стеклу, ответил Винс.

— А нечего было шпяться не пойми где!

— Откуда я знал?! Тони, клянусь, она... сошла со стены. Ожила и... и пока она... ходит за мной, я не могу... домой мне нельзя. Мне никуда нельзя... — задыхаясь от волнения, Винс плюхнулся на стул и вытянул ноги.

— Поэтому ты решил поселиться в моём магазине? — хмыкнул Тони. — Вряд ли кто-то возьмёт эту красотку даже в качестве бесплатного бонуса к старинному комоду. Этот стул, кстати, продаётся, не поцарапай.

— И тем не менее, оно сюда не входит. И ты, я смотрю, совсем не удивлён, — заметил Винс, пропустив слова про стул мимо ушей. — Почему?

— Я ведь предупреждал тебя. Столько раз, Эвортс.

— Тони, помоги мне, — попросил Винс. — Это... эта... хочет меня убить...

Тони развёл руками.

— Я просто суеверный торгаш. В таких случаях нужен экзорцист.

— Тони, где я тебе сейчас возьму экзорциста? И потом... — Винс нервно облизал губы, — ты явно слишком много знаешь для «просто торгаша». Помоги. Пожалуйста. Если не ты, то кто? Я же вижу, ты не удивлён. Ты знаешь, что это.

Тони молчал, смотря на призрака в витрине, и во взгляде этом не было ничего привычно весёлого или ехидного. Он будто что-то взвешивал в уме или оценивал. Таким серьёзным Винс ещё ни разу его не видел.

«Думает, спасти меня или нет?..» — невольно предположил Винс, нервничая.

В конце концов, что торгашу стоит отказаться?

— Ну а сам-то ты что думаешь?

Вопроса Винс не ожидал и туповато уставился на Тони. Мыслительный процесс ну никак не хотел набирать скорость.

«Что я сам думаю?..»

Он по-прежнему ничего не помнил, это пугало до жути. Раньше ничего ужасного не случалось, за исключением пробуждений в самых внезапных местах. Кажется... От раза к разу туман в голове после полнолуния становился всё плотнее, а за ним...

Винс сглотнул и принялся осматривать руки. Нет ли на них пятен крови? А на одежде?

Мог ли он вчера встретиться с этой... дамой?

Он запустил пальцы в волосы.

Такое ему точно не свойственно. Он бы никогда не связался с проституткой.

Тихий смешок привёл Винса в чувство. Он поднял голову и осмотрелся. Тони стоял за прилавком, облокотившись, и широко улыбался.

— Примерил костюмчик убийцы? Успокойся. Это вообще не призрак. Это кое-что похуже. Это... что-то вроде сущности, созданной очень могущественным магом. Изошрённый мерзавец, такое накалякать.

— В смысле? — глупо переспросил Винс.

— Ох, ну хорошо. По дружбе расскажу, — изрёк Тони и повернулся к витрине. — Она никогда не существовала. Её создал какой-то засранец с очень редким и без шуток страшным даром.

— Как создал? Что, нарисовал и... она ожила?

«О чём он? У меня голова кругом... И трещит...»

— Да, именно так. Она оживает и бродит в поисках еды. Источника силы.

— Поэтому она увязалась за мной? — спросил Винс. — Я... еда?

— Типа того.

Винсу немного полегчало. Не призрак, значит, он никого не...

— Но что мне теперь делать? Если я выйду...

— О, она будет рада. Видишь, она настырная. Какую-нибудь мелочь стены моего магазина бы отпугнули на раз, а всё несуществующее развеяли. Но самое противное в другом. Она проделала за тобой такой путь, не свернув, не отвлекшись на кого-то ещё. Видимо, ты очень ценная дичь. Боюсь, это только первая ласточка. Ситуация будет повторяться.

— Почему? Почему я — дичь?

Навалилась тяжесть, усталость, но вместе с тем вернулся жар. Винс почувствовал себя разбитым и сбился с мысли:

— Тони... Я просто хочу всё решить здесь и сейчас... Постой!.. Ты сказал, «маг»? Её нарисовал маг? Как это? Что ты имеешь в виду под словом «маг»?

Голова затрещала сильнее, Винс поморщился, коснулся виска.

Тони выпрямился и вышел из-за стойки, направившись напрямиком к нему.

«Нет, постой, не подходи... Что-то не так... Тону в шуме...»

— Ай-ай-ай, как некрасиво подслушивать, — проговорил торгош.

Он вскочил с кресла и ощерился.

— Хочешь уйти? Пожалуйста, не держу, — отвесив насмешливый поклон, проговорил торгош. — Могу даже собственноручно вышвырнуть за порог. Но долго ли вы протяните после этого?

— Ты ничего ему не скажешь! — прорычал он.

— Всё ещё рвёшься всё решать за него? Тебе так удобнее. Но ты ведь не думал, что твоя скука приведёт к прорастанию? Процесс начался. И его не остановить.

— Не лезь. Это не твоё дело!

— Это дело моего клиента.

Он зарычал во весь голос и угрожающе сжал кулаки. Торгош даже не шелохнулся.

— Не смей ему ничего говорить. Просто избавься от этой дряни, — прорычал он.

Торгош рассмеялся и прислонился спиной к книжному шкафу.

— Указывать мне на моей же земле, до этого попросив об услуге? Духи такие беспардонные. Скаль зубы перед друзьями мальчишки, а я не боюсь.

— Я — ни о чём не просил, — отрезал он.

— Твоё мнение не в счёт, Фреки, — язвительно закончил торгош и звонко щёлкнул пальцами. — И твоё время давно вышло...

— Что? Что вышло? — не расслышав, спросил Винс и озадаченно нахмурился.

Голова раскалывалась, но шум внезапно утих.

— Пора святого незнания для тебя прошла, говорю, — отозвался Тони, усадив его

обратно на стул. — Работай на меня, Эвортс. Сотрудника я в беде не оставлю.

С минуту Винс озадаченно смотрел на него, не понимая, как это ему поможет. Но у каждой услуги своя цена, сообразил он с небольшим запозданием.

— Что я должен буду делать? — спросил Винс, встав.

— Иногда помогать с магазином. Но в основном — курьерская доставка. Пока. Я выдам тебе все необходимые бумаги, инструкции. И договор.

Перспектива остаться с жутким не-призраком один на один пугала Винса куда больше махинаций хитрого торгаша.

— Я согласен. Согласен! Только избавь меня от этого! — воскликнул Винс, указав на женщину в окне.

Тони удовлетворённо хмыкнул и вернулся к стойке, взял с неё листок бумаги и прошёл к двери. Прежде чем Винс успел спросить, торгаш уже вышел.

Винс затаил дыхание.

Женщина повернулась, растопырила руки, собираясь схватить Тони... и превратилась в дым. Через миг Тони вернулся.

— Это останется у меня. Случай требует расследования, — заметил он, показав Винсу лист бумаги.

У Винса глаза на лоб полезли, когда он увидел на бумаге тот же проклятый рисунок, что был в заброшенном здании. И снова Винс отметил подпись-крысу.

— Расследование? Ты детектив? — сипло спросил он.

— Просто любопытный. И люблю нос по ветру держать. Вот это — слишком жирно для случайности. Или шутки. Ну что? Я свою часть выполнил. Не передумал?

Восторг от того, что Тони так лихо разобрался со страшной, нереальной проблемой и что он, Винс, не ошибся, примчавшись сюда, испарился, как от звука тревожного звонка.

Очень гладко всё вышло.

Не надо было приходить.

Он моргнул. Нет, бред какой в голову лезет! Что ещё ему было делать и к кому идти? Уговор есть уговор.

Винс ответил, всё ещё не слишком уверенно:

— Не передумал. Только я хочу... хотел бы... мог бы ты... ещё кое-что объяснить?

Голова поплыла, Винс вдруг почувствовал себя выпитым, обессиленным и очень уставшим. А ещё голодным. До смерти голодным.

— Штормит? — хмыкнул Тони (на удивление с пониманием).

— Ничего. Что ты про договор говорил?

— Иди за мной, — открыв дверь за стойкой, Тони провёл Винса по коридору и пропустил вперёд в свой кабинет. — Садись, — указав на стул, велел торгаш и, вытащив из своего стола стопку каких-то документов, положил её перед Винсом, — Вот, трудовой договор, все дела. Изучай. Можешь не спешить. А я пока закажу поесть.

— У меня с собой ни бумажника, ни карточки, — признался Винс, хотя при упоминании еды у него чуть не потекли слюни.

— Угощаю. Работник должен быть сыт и здоров.

«Да, всё, конечно, уже решено...»

Но от странного ощущения подвоха избавиться не удалось, а когда Винс взял бумаги и стал читать, то почувствовал, как по спине бежит волна мурашек:

«"Сей контракт заключается на основе обоюдного соглашения сторон... между

вступающим в должность курьера и далее именуемого Курьером, и Правой рукой Чёрного короля, далее именуемого... Нанимателем... Предмет данного договора — представляет собой услуги по доставке посылок, в том числе вне пространства мира, откуда родом Курьер..." Чего?!»

Винс набрал воздуха в грудь и трясущимися руками отложил бумаги, выдохнул и спросил, срывающимся голосом:

— Тони, это что ещё за...?

— Ты ведь хотел побывать в Чёрном городе? Вот, теперь у тебя будет такая возможность.

Винс пялился на него с минуту, после чего перевёл взгляд уже на лист с инструкциями, который имел заглавие «Свод правил и памяток по поведению в Чёрном городе»:

«Свод правил. Чего?! "Не заключать никаких сторонних сделок". "Ничего не подписывать". "За Ворота Привратника ни ногой..." "Про архонта ни одного слова худого". "И осторожнее с тем, что покупаешь и ешь вне означенных в приложении мест". Приложения... Список мест, куда можно зайти в Чёрном городе... Кажется, я понял...»

— Вот же чёрт... — вырвалось у Винса.

— Так, попрошу не выражаться, — погрозив пальцем, проговорил Тони. — И даже не вздумай кого так в Чёрном городе обозвать. Оскорбишь насмерть.

— С чего это?

Торгаш закатил глаза.

— Не путай хилую полудикую нечисть с приличными демонами.

«Создатель, он это сказал!»

— Пусть тебя ничего не удивляет, — беззаботно проговорил торговец, видя, как у Винса вытянулось лицо. — И пугаться тут нечего. Я тебе предлагаю честный бизнес. Ну, подписываешь?

— Я ещё не дочитал! — возмутился Винс, чувствуя, как душа крадётся в пятки прятаться.

Он вновь уткнулся в бумаги.

«"Взаиморасчеты сторон. В качестве платы за услуги Курьер получает покровительство лично Правой руки, неприкосновенность на территории Чёрного города и его окрестностей, помощь в решении проблем, связанных с угрозой жизни и здоровью, а также жалование Курьера в валюте родного мира..." Контракт с демоном. Серьёзно? Я это подпишу?!»

Винс шумно выдохнул и откинулся на спинку стула, невидяще уставился перед собой. Как всё дошло до такого?

«Я свою часть выполнил. Не передумал?»

Винс закрыл глаза и рассмеялся. Вот ведь сволочь!

«Здесь ничего не сказано про срок и... Всё уже решено».

Винс выпрямился и хмуро посмотрел на Тони (чего ему сейчас стоило сохранить спокойное выражение лица):

— Душу? Служение? Тёмные дела? Что там ещё с меня?

— А, это контракт не на душу. И ни в каких мессах участвовать не придётся.

— Ты меня подловил! Сначала помог, а потом договор показал.

— Ну сделай я наоборот, ты бы отказался? — сев на стул, спросил Тони, с хитрым прищуром уставившись на Винса.

Он фыркнул и повернулся к столу, где лежал договор. И размашисто его подписал.

«Смысл теперь отнекиваться. Противно даже».

На листе тут же появилась подпись на месте Нанимателя. И чёрная сложная печать. Она набухла чернилами и отделилась от бумаги. Прежде чем Винс сообразил, она коснулась его ладони и исчезла. Он вскочил и ошалело уставился на руку, вцепившись в запястье.

— Вот и славно! — воскликнул Тони, хлопнув в ладоши. — Знаешь, по правде, работки немного скопилось, вакансия давно висит... Надо будет расшвырять барахлишко вот из этой комнаты, — он указал на открывшуюся в глубине кабинета дверь.

— Что? Погоди... Сейчас? — опешил Винс.

— Я ведь обещал, что накормлю тебя. Я держу слово, так что — сразу после обеда. Да не трясись ты, всё просто.

— Тогда у меня ещё всего одна просьба. Стопку рома. А лучше две.

— Замётано.

***

— Это всё правда реально? — спросил Винс, смотря на стопку коробочек и пару свёртков, рядом с которыми «курьера» дожидалась чёрная, как смоль сумка-почтальонка.

Тони отвесил ему подзатыльник, Винс выругался.

— Не бойсь, тяжело не будет, — повторил Тони и впихнул Винса в комнату. — Памятку только возьми на первый раз и прям штудируй. Правила простые, — начал Тони, встав в проёме и скрестив на груди руки. — Нос внутрь посылок не совать. Посылки не ронять. На сторону не загонять. За каждую доставку тебе дадут по монете, отдашь их потом мне. С этой сумкой ты хоть слона утащить сможешь, так что не надорвёшься. Ещё в неё сложно засунуть загребущие ручонки, но ты всё ж следи, всякие психи непуганые и в Чёрном городе есть. За доставку отвечаешь головой.

Тони сунул ему в руку листок с адресами и названиями и подтолкнул к ещё одной двери.

— Начнёшь с главного рынка. Он чем-то на местную барахолку похож. Лавочники там разные. Отдашь три посылки. Скажешь, что работаешь на Проныру.

— Лавочники? А что так мелко?..

«На Проныру? Создатель, вот тут бы я насторожился на месте лавочника... Кстати...»

— А мне хоть можно Создателя упоминать?

— Упомянай, кого хочешь, хоть родную бабушку, если тебе от этого легче. Всё, вперёд и с песней.

— Погоди! Ты не можешь просто взять и забросить меня... Я же ничего не знаю! — Винс упёрся в косяк. — Не умею... Объясни!

— Могу и заброшу. Время — деньги! Тем более, Эвортс, про Чёрный город ты же столько читал. Справишься. Ты умный, я в тебя верю.

— Нет-нет-нет, Тони, подожди...

— Ах, да, ключ.

Он взял со стола карту, щёлкнул по ней пальцами и вручил Винсу. У него глаза на лоб полезли. «Дверь». Приоткрытая, словно приглашающая заглянуть в черноту.

— Тони! Ты же говорил, что у тебя нет этих карт!!!

— Мало ли что я говорил не работнику. Это твой личный пропуск. Прикладываешь к стене или двери и представляешь вход. Карта всё сделает за тебя. Удачи, Эвортс.

С этими словами он приложил карту к стене, распахнул дверь и втокнул туда Винса.

***

Винс стоял, вжавшись в стену, под какой-то причудливой аркой, кривой и покосившейся. Тупик. Несколько маленьких зарешёченных окошек и одна узкая дверь. Винс не припоминал, чтобы в столице было такое место, но верить в то, что хитрый торговец засунул его в другое измерение, используя карту из легендарной колоды, которая, к слову, похоже, всё-таки оказалась демонической и волшебной... Хорошо, что Винс стоял, вжавшись в стену, а то колени предательски подгибались.

«Что ж... кажется, слухи о влиянии карт на судьбу и легенда о сделке художника и демона приобретают новый смысл... Понять бы ещё, какой именно... Тони сказал, что "Дверь" это пропуск, ключ... Логично... Тогда... за каждой картой стоит какой-то смысл и... сила? Создатель, я хочу побыстрее вернуться домой и открыть ту коробку!!! Ломом!»

За два года он как только вокруг неё ни скакал и к кому только ни обращался — результат нулевой. Помнится, когда Винс приволок эту коробку Тони, тот сказал буквально следующее: «Оставь ты её и радуйся жизни. Не видишь, девушка капризная? Придёт время — и сама откроется». Тогда Винс подумал, что это шутка. Открыть коробку и с Тони не получилось, будто она была заколдованной. Теперь... о да, теперь всё обретает новый, мать его, смысл!

Или нужен волшебный лом. Может, здесь такие продают?

Но у него сейчас с собой денег нет.

«Хорошо. Для начала надо отклеиться от стены и выглядеть непринуждённо...»

Так и не сдвинувшись с места, Винс осмотрел улочку, насколько хватало глаз. Разномастные, кособокие, жмущиеся друг к другу домики. Ни огонька в окнах. Ночное небо пронзительного иссиня-чёрного цвета. Огромная сюрреалистичная башня с хищным шпилем распарывала тощие сиреневатые облачка.

«Похоже на иллюстрации к сказкам. Крайне мрачным сказкам...»

Тишину ночи разорвал бой часов.

«Один, два, три... тринадцать ударов? Тринадцать часов?!»

Зажглись огни, распахнулись ставни, открылись двери, кто-то с шумом и смехом вывалился в темноту. Топот. Грохот. Цокот. Стук копыт. Бодрые голоса.

— Гуляем! Гуляем!

— Опять тринадцатый час!

— Слава Архонту Чёрного города!

— Тёмного здоровьица ему!

— Гуляем!

И вновь тишина.

Сердце чуть не остановилось. Винс был бы рад вообще слиться со стеной, ожидая, что на него вот-вот набросятся какие-нибудь твари. Это же Чёрный город! Но ничего не происходило. Никто не примчался, размахивая вилами или трезубцами.

С плеча шлёпнулась сумка, Винс испуганно вздрогнул и опомнился: у него вообще-то было важное дело. Работа.

«Соберись же, чё... кхем... Создатель, спаси и сохрани мою душу...»

Это ведь Чёрный город...

По улочке прошли... люди (по крайней мере, выглядели они как люди). В плащах, при оружии, с витающими вокруг них огоньками. Они не таились и по сторонам не озирались, обсуждая торговлю. Это окончательно отрезвило: Винс вытащил инструкции, перечитал. Ничего сложного. Вроде бы. Сверился со списком и покопался в непроницаемой сумке,

смотря нумерацию на упаковках. Удивительное дело, любопытство скромно молчало и отводило глаза, кажется, даже не дышало, вовсе и не предлагая заглянуть внутрь...

«Осталось понять, как тут ориентироваться».

Винс прошёлся по улочке, заглянул за угол и увидел небольшую площадь. На ней гулял народ. Разный... У кого-то были светящиеся посохи и причудливые слуги. Кто-то, судя по всему, торговал прямо на площади, разложившись на небольших столиках, нагромоздив вокруг мешочки, прозрачные коробки со светящимися шариками, маленькие клетки, деревянные шкатулки и прочее барахло.

«Как Тони и сказал — чисто барахолка... только... выглядит круче! Так, первые получатели тут. Вперёд, всё получится».

Винс почувствовал себя чуть увереннее, отряхнул куртку, поправил воротник и вышел на площадь, с интересом осматриваясь. Несколько магазинов со стеклянными витринами, булочные и даже кофейня. Вывески, куча каких-то эмблем и знаков. Похоже, кособокие домики остались где-то на задворках, но это ещё даже не центр. Никаких оторванных голов или грешников в котлах. Снаружи, по крайней мере. Душераздирающих воплей тоже не было.

«Мелкая брусчатка под ногами. Огромная башня на горизонте. Скопище запахов и какофония звуков. Непонятные разговоры и вполне понятные. Это и есть Чёрный город... Хм, фея в клетке для птиц выглядит интересно... Спросить, что ли, для удовлетворения любопытства, сколько стоит?»

На миг Винс представил, как бы клетка с феей смотрелась у него на столе.

Мимо прошли существа, подозрительно похожие на бесов — низкие, толстые, грязно-серые, с рожками и хвостами.

— Как сегодня много магов.

— Вольный город. Все торгуют. Пошлины текут Архонту.

— Я всё боюсь, что на нас войной наедут. Кто-нибудь из князей. Что чёрных, что красных.

— Дубина. У Архонта, говорят, печать Чёрного короля имеется. Никто на нас не наедет, куда связываться с главой чёрных не захочется.

— Так какой ж мы вольный город?

— Молчи, а?

«Торговля? Пошлины? Архонт? Чёрный король? Князья? Видимо, жизнь тут идёт полным ходом. Или не жизнь... Хоть бы статую Архонта этого в центре площади воткнули, чтобы представлять, кто тут всем заправляет. Магов много, значит? Они люди? Не все, — подумал Винс, разглядев у некоторых уши разной степени остроты и длины, да и цвет кожи попадался, мягко говоря, не человеческий. — Как они все сюда попадают? Откуда приходят? Ладно, к делу. Мне нужна мадам Ромера, уважаемый Тротфольт и продавец пикси Мейрс... Пикси... наверно это их я принял за фей, каких любят рисовать в детских сказках... Тогда Мейрса найти легче...»

Продавец пикси буквально забаррикадировался всевозможными клетками. Зрелище напомнило Винсу птичий рынок: щебет и гвалт тут стояли такие же, а буйством расцветок пикси легко поспорили бы с самыми экзотичными попугаями.

— Добрый... вечер. Мистер Мейрс?

Мистер — серокожий тощий мужичок с небольшими рожками, торчащими над бровями, козлиной бородкой и козлиными же ножками (Винс постарался не пялиться), —

окинул Винса любопытным взглядом и добродушно закивал.

— Он самый. А вы?

— У меня посылка для вас. Я... работаю на Проныру.

Продавец пикси просиял и даже отбил копытами счастливый и бодрый ритм.

— Ох, как я рад! Как же я рад!

«Что ж, это было легко», — заключил Винс, отдав мистеру его посылку и убрав монету в карман сумки.

Мистер, правда, с профессиональным маниакальным энтузиазмом попытался впарить Винсу пикси и даже успел показать пять видов, расхваливая каждый: эти вот умные, эти шустрые, третьи — и умные, и шустрые и т. д. Насилу отделался и побежал дальше.

Собственно, что такого сложного в этой работе? Почему вакансия простаивала?

Чёрный город захватил его неумолимо. Всё вокруг вызывало восторг и опровергало законы здравого смысла и родного мира Винса. Однако сумка с посылками быстро пустела — Винс не отлынивал, хотя и оторваться от созерцания некоторых объектов и явлений удавалось с трудом, — а значит подходило время возвращения, а с ним и некий страх и неуверенность, будет ли у него ещё возможность здесь побывать.

Закончив с доставкой, Винс ещё какое-то время просто шатался по улицам, не в силах покинуть Чёрный город. Он немного устал и хотел есть, но возбуждение от пережитого чуда не отпускало и гнало всё осмотреть ещё раз. А ещё потрогать. Создатель, материал этих стен тёплый, а этих холодный, здесь есть переливающиеся северным сиянием камни и лампы, а тут будто звёздочки вставлены в кулоны. Как повезло, что у него нет с собой денег. Правда, в паре лавок ему предложили обмен, но Винс усилием воли заставил себя уйти прочь (так ведь и без штанов остаться можно из-за какой-нибудь волшебной штуковины).

Ещё Винс думал, что уж здесь-то точно должны знать про демонскую колоду карт... А что если это карты привели его сюда? Вот ведь одна. Самая настоящая, подлинная. «Дверь». Ключ-портал. Потрясающая вещь! Но почему остальные были обычными? Здесь бы он мог найти ответы. Он мог бы найти того демона...

Во что мог бы вылиться разговор с таким существом, Винс не подумал. Всё же, хорошо, что у него нет денег. Он должен сперва тут освоиться. Узнать как можно больше о Чёрном городе и его обитателях. Не из книжки, а в реальности. Это же реальность! Теперь-то он поговорит с Тони по душам! Совсем по-другому поговорит!

Вытянув себя с площади (почти за уши), Винс отошёл в переулок, осмотрелся на всякий случай, нет ли кого поблизости, и приложил карту к стене. Глубоко вдохнул и закрыл глаза.

«Хочу вернуться в магазин Тони».

Почувствовал он при этом себя немного глупо.

И одновременно заволновался, так ли всё сделал? Достаточно ли чётко представил?

Карта нагрелась, Винс открыл глаза и увидел, что от неё расползся по стене прямоугольник. Появилась дверь.

«Получилось! Так, теперь открыть и... выяснить, туда ли она ведёт».

Он открыл дверь и заглянул. И вздохнул с облегчением. Справился, это кладовка магазина.

Мимо ног что-то промчалось с громким похрюкиванием. Винс вздрогнул, успев рассмотреть только чёрный хвост, оканчивающийся пикой.

Выругавшись, он поспешно зашёл (почти впрыгнул) и захлопнул дверь, повернул ручку. Щелчок, карта отвалилась от двери и легко порхнула в ладонь.

«Как удобно. Похоже, её не потерять и не забыть».

Винс осмотрелся. Что бы только что ни шмыгнуло в открытую дверь, оно где-то схоронилось. И ждёт момента.

«Надеюсь, это была местная кошка... но Тони вряд ли обрадуется. Засечка на будущее, не распахивать варезку».

Стоило подумать, как открылась дверь и тут же из-за аккуратной стопки коробок выскочила какая-то шипящая хрень, огребла от Тони пинка и заносилась по комнате, как ошпаренная.

— Эх, вот о чём предупредить забыл, — вздохнул торгош, смотря на носящуюся зверюгу. — Не стоит существам из одного мира просачиваться в этот. Это может плохо кончиться. Так что...

— Да, я понял, поосторожнее с дверью. Но я его не видел! Что это вообще?

У существа было круглое тело, обтянутое грубой, толстой серо-чёрной кожей, короткие ручки и ножки (или лапки с когтями) и длиннющий хвост с пикой. И уши как у летучей мыши. Голосила тварь на противной высокой ноте, пока вдруг не запнулась и не рухнула ничком.

— Это серый имп. Мелкая нечисть. Если натренировать, бывает даже полезной. В своём роде, — проговорил Тони, спокойно подняв тварь с пола за шкурку, как животное.

Имп, похоже, рассудил, что пора прикинуться мёртвым. Винс шагнул ближе, с интересом в него всмотрелся.

— Он вроде пикси? Мейрс, кстати, пытался впарить мне одного, — вспомнил он.

— А, терпеть не могу эту мошкарку, — поморщился Тони. — Эту, в общем-то тоже.

Тони извлёк из какого-то шкафа клетку и засунул в неё импа. Через миг имп «ожил», подглововато разлепил глазки и забесновался снова.

— Ну что, справился? Пойдём в кабинет.

— А этот? — указал на импа Винс.

— Потом разберусь, — небрежно бросил Тони и вышел в коридор.

Винс бросил на тварюшку ещё один любопытный взгляд и последовал за торгошом.

— Ты не торопился, — заметил торгош с ухмылкой, устроившись за столом. — Почувствовал, что попал в мечту?

— В своём роде... Тони, кто ты такой?

«Тоже демон?»

— Я просто привратник и работаю на очень важную шишку. И ты теперь работаешь.

— Мог бы побольше о нём рассказать, чтобы я не попал впросак.

— Ещё расскажу. Постой, ты даже не будешь ругаться? Что я тебе за работку подсунул и всё такое? — подавшись вперёд и облокотившись на стол, спросил Тони.

Винс пожал плечами. Вот теперь на него навалилась усталость. Слишком много впечатлений. Оставив ехидный вопрос без ответа, он высыпал на стол собранные монеты и посмотрел на Тони.

— Как часто мне нужно будет разносить заказы?

— Несколько раз в год. Я буду тебе писать.

— Контракт бессрочный... Ты всё равно что жизнь у меня украл...

— Вай, нагнал жути. Вся жизнь с тобой, никто ничего не крал. За доставку я буду платить, не волнуйся.

— Почему вакансия простаивала?

— А ты думаешь, что можно первого встречного привлечь?

Винс задумался. Тони ещё два года назад упоминал про подработку, сразу после того, как Винс купил «Сказания Чёрного города»...

— А кого можно?

— Того, кому это по силам.

Винс хмыкнул.

«С учётом того, что я сегодня проснулся на крыше заброшки и понятия не имею, как туда попал, я, без сомнения, личность надёжная и подходящая».

— И ты не отправишь меня никого убивать, совращать и тому подобное?

— Нет.

— Гарантии?

Тони расплылся в одобряющей улыбке и ответил:

— Клянусь Чёрным королём, что ты не чистильщик, грязной работы не будет.

— Это вроде как нерушимая клятва?

— Верно, для демонов и всех, кто с ними связан. Оплату сегодняшнего дня я отправил. Можешь идти.

— У меня ещё слишком много вопросов, чтобы просто так уйти. Тони, расскажи мне о колоде карт. Ты знаешь, не отпирайся.

— Я расскажу тебе о «Двери», — отозвался торговец, Винс чуть не зарычал, но вовремя сдержался. — Это универсальный ключ, который черпает силы в твоей способности визуализировать и чётко представлять точку назначения. Также на открытие двери уходит энергия, чем сложнее и дальше искомая дверь, тем больше сил надо отдать. Не надо такое лицо делать, будто я тебе про карту-убийцу рассказываю, всё восстановится. Просто помни, что надо рассчитывать силы.

— Хмм, тогда... Звучит так, будто Чёрный город ну совсем близко.

— Считай, что для Чёрного города у тебя VIP-пропуск, — усмехнулся Тони.

— И я смогу туда попасть, когда захочу?

— Да-да, только не выпрыгивай из штанов. Тебе ещё о многом надо узнать.

— А что насчёт других мест?

— Задумался, как попадать в разные концы страны зайцем? В принципе, можно... но помни об отдаче. И секретности. Обычные люди не любят всю эту хрень с магией, иными, пугаются, хватаются кто за оружие, кто за фотик. Дела нужно делать тихо и незаметно.

Винс обалдел. Нет, он, конечно, контракт с демоном подписал, а не с ангелом или каким праведником, но так спокойно разрешить скакать «зайцем»...

— А колода? А демон, для которого её создали?

— Чего не знаю, того не знаю, — протянул Тони, разведя руки.

«Лжец!»

— Хорошо справился, должен сказать, — сказал вдруг Тони серьёзно. — Теперь тебе придётся знать. Много чего. Чтобы и работа шла как по маслу, и чтобы сегодняшняя страшилка не повторилась. По правде, меня больше волнует страшилка... Нет ничего опаснее, заступив за черту, продолжать думать, что мир вокруг всё так же обычен. Но знания сами по себе уже довольно опасная штука, никогда не знаешь, куда заведут. А принимать их иной раз очень больно. И если в чём-нибудь накосячишь, подставив нашу честную организацию, то... Лучше до этого не доводить. Город должен спать спокойно.

— Понятно. И всё же... Почему я? Из-за книги?

Тони ухмыльнулся и встал, показывая, что разговор окончен. И выдал перед тем, как открыть дверь:

— Какая уже разница? К любой ситуации всегда ведёт цепочка действий, а не одно происшествие. Считай, что твоя жизнь теперь станет увлекательнее.

***

По пути домой Винс думал только об одном: упасть и спать. Нет, сначала опустошить холодильник, а потом упасть и спать. Голова была тяжёлой и какой-то тупо опустевшей. Восторг прошёл, искры угасли, произошедшее стало рисоваться в новом свете.

Случилось что-то нереальное!

И сколько всего ещё произойдёт.

«Первым делом возьму лупу и рассмотрю карту. Она выглядит совершенно новой, ни царапинки, ни помятых краешков. Восхитительно. Сравню её со своими, похожий ли рисунок... Так, но ключей у меня нет... Хорошо, если Бри дома, иначе ночевать мне под дверью... Чтоб этот мой лунатизм...»

Сначала он чуть не рассказал о своей проблеме Тони, но спохватился, решив, что это необдуманно — рассказывать о своей слабости такому мутному типу. С тем, кто связан с демонами, нужно держать ухо востро. Иначе ни уха не останется, ни головы.

«До сегодняшнего дня я ни в каких демонов не верил... И сейчас не знаю, что и думать. Я узнал, но чтоб поверил... Это что, мне теперь всю систему своих взглядов перестраивать? Пф».

Подойдя к дому, Винс с облегчением вздохнул — в окнах горел свет. Прекрасно, Бри дома и откроет ему. Ещё бы он не задавал лишних вопросов...

Брат встретил Винса крайне мрачным взглядом. Ну всё, сейчас будет допрос.

— И тебе доброй ночи, — буркнул Винс, заходя.

— Ты оставил открытой балконную дверь! — сказал Бри, недовольно скрестив на груди руки.

Винс вопросительно глянул на него. И что? Это одиннадцатый этаж.

«Стоп, я что... ушёл через балкон? С одиннадцатого этажа?»

Винс чуть не сел прямо в прихожей.

— Сколько раз говорить? Всё закрывай, когда уходишь. Эта сволочь снова прилетела! Я упарился, пока сумел загнать его к тебе. Сам его выгоняй!

— Ну спасибо, тебе братец.

Ну конечно, ничто так не может разозлить Бри, как большой лесной ворон, нагло лезущий в дом через форточку. Ничего не обещая, Винс ушёл к себе.

Птица важно прохаживалась по его письменному столу.

— Ну привет, бандит.

Ворон презрительно отворотил клюв и продолжил свой променад. Винс упал в кресло и вытянул ноги.

«Да фиг с ним, с этим вороном».

Винс уже успел привыкнуть к этой заразе. Как говорит народная мудрость, дурака себе в попутчики мудрая птица не выберет, соответственно Винс может считать себя немножко гением.

— Кар!

Винс встрепенулся.

«Что, я заснул? Не время дремать, нужно в душ и изучать карту. Ну же, ну же».

Ледяная вода взбудрила более чем. Сцапав на кухне чашку кофе и украдкой вытащив из холодильника миску с мясом, Винс вернулся к себе. Ворон оживился, когда почувал угощение.

— Знаешь, Бри жутко недоволен, когда ты вламываешься, — заметил Винс, поставив миску с мясом на тумбу у открытого окна (видимо, брат надеялся, что птица улетит сама, не получив ничего съестного, наивный). — Может, уже вернёшься к себе в лес? Или ты вроде как ассимилировался в городе?

Ворон перелетел на тумбу, посмотрел на угощение и пристроился на углу.

— Да, толку с тобой говорить...

Винс вытащил из кармана карту и сел за стол, засветил все лампы, вооружился лупой и фотиком на телефоне.

«Хм, стиль художника кажется схожим. Звёзды над дверным косяком такие же, как на "Руинах". Но эта карта не выглядит старой... Какая-то демоническая копия? Раз это ключ, то такой может быть не один? А что, если Тони служит демону, который и является хозяином этой колоды? Это самое простое объяснение. Но почему он не хочет ничего рассказывать о колоде? Неофиту не положено знать? И что насчёт моих карт? И коробки... Может, теперь она откроется? Приложу ключ и представлю... Хм... Или тогда меня затянет в коробку, ещё чего доброго?»

Винс раскладывал карты на столе так и эдак, ничего не происходило. Ни треска, ни свечения. Карты молчали. Просто кусочки картона, как по логике и должно быть. Устав, Винс откинулся на спинку стула и задрал подбородок.

«Думал, что вот оно, но... Я так ничего и не узнал».

Ворон сбросил миску на пол, от грохота Винс чуть не рухнул вместе со стулом.

— Эй, не свинячь, ты!

Проклятая птица ускакала на шкаф и там важно распушила перья.

— Свали уже отсюда в ночь, — буркнул Винс, подняв пустую миску.

Ворон демонстративно начал чистить перья.

«Клянусь, он надо мной издевается».

Как бы Бри не заводился, но пытаться выгнать птицу — дело почти гиблое. Ворон ничего не боится, поймать себя не даёт и клюётся очень больно. Как эта сволочь вообще увязалась за ним? Вернее, что он такого сделал? Детали поездки как-то уже поистёрлись из памяти.

С ребятами он бегал последний раз этим летом. Они выиграли соревнования и стали ещё чуть-чуть популярнее в определённых кругах, а потом Ральф уехал, забрав с собой Ламберта и Вига, перед этим он что-то говорил о семейных делах (но они ведь не родственники...), в городе остался только Хани.

Макс совсем зашился с делами в конторе: дорвался-таки до своей работы мечты и оказался спецом нарасхват. Разважничался, частный детектив, все дела, иголку в стогу сена найдёт. Однако Винсу показалось, что он стал более резким, нервным и... странным. Отшучивался он теперь чаще, но как-то помрачнел, будто соприкоснулся с чем-то, что не забудешь, как ни пытайся. С чем-то определённо неприятным. Что ж, чего он ожидал от такой работы? Быть детективом, значит вскрывать всякие грязные делишки, и чем они мелочнее, тем горче послевкусие.

Ворон зашуршал крыльями. Похоже, он и не думал убраться вон. Винс посмотрел на него недолго, думая о друзьях и о том, как они бы распорядились картой, если бы она попала

им в руки. Максимум она для его деятельности точно бы пригодилась.

«А как бы я поступил? Куда бы я мог попасть с этим ключом? В закрытые секции Центральной государственной библиотеки и музеев? Заманчиво, но сначала придётся подучиться всяким штучкам в стиле ниндзя... Меня видно, меня не видно... — Винс усмехнулся довольно, представляя. — Дорвался бы до таких источников. Без записей, очередей и толп людей. А если серьёзно... хочу побывать в доме деда, давно туда не выбирался. Может... вообще уехал бы туда лет через десять-двадцать. Природа, тихий город, в области есть минимум два престижных университета, куда можно было устроиться... А ещё... — он посерьёзней. — Я бы смог найти Розы и узнать... Смог бы поговорить... Столько воды утекло, как у неё всё сложилось? Не могу выкинуть из головы...»

— А ведь я правда могу... Не откладывая... Вот прямо сейчас узнать...

Он вскочил, охваченный внезапным волнением. Конечно! Как он сразу не подумал! Он может всё узнать прямо сейчас! Найти её!

Может даже...

Всего-то надо приложить карту к двери и представить... пожелать оказаться у Розы.

Он заметался, сбивчиво думая, куда приложить ключ — к двери комнаты или к шкафу? Как это дико получится. Она испугается, конечно.

Винс улыбнулся, с жаром представив, как пошутит, что он теперь волшебник.

Может быть, она давно уехала от своей семьи? Хорошо, если она живёт одна...

А если не одна?

Винс остановился. Столько времени прошло, девчонка выросла. Она и замуж могла выйти.

Нет, всё ерунда!

Скажет, что ошибся комнатой, если что... Или домом... Придумает, что-нибудь.

Вдруг она будет рада?

Какой она стала? Всё ещё носит косы?

— Сейчас... или уже никогда... — прошептал он себе под нос и облизал губы.

***

Дверь отворилась бесшумно. Винс немного успокоился: в самый первый момент ему показалось, будто сквозь него с треском пронеслась буря. Его даже ударило током от дверной ручки.

Он вошёл и замер. Небольшая комната. В каждом углу прямо на полу стояли лампы, дающие тёплый, мягкий свет, от которого казалось, что середина спальни заключена в прозрачный кокон. И насколько этот свет позволял увидеть, стены были разрисованы сложными узорами: линии, знаки и овалы соединялись в своего рода схемы или фигуры, даже на лампах; должно быть в этом заключалась какая-то система, но Винс мог думать только о том, что нарисовано всё это кровью. Сладковато-ржавый запах вьелся тут повсюду. Захотелось зажать рот, не дышать...

«Что это значит?»

В правом углу, спиной к нему стояла девушка в ночнушке до пят, и водила по стене худыми руками. Подол был грязным, как и рукава, стояла она босиком. Две растрёпанные косы кончиками почти доставали до пола. Знакомо и всё так же смешно торчали уши...

— Розы... — позвал он её.

Она что-то замурлыкала под нос. Винс позвал снова, чувствуя, как во рту пересохло.

Она обернулась. Его сердце сжалось. Лицо всё ещё детское, бледное, щёки худые-худые,

зато скулы стали шире.

— А, сегодня ты снова пришёл? Я очень рада, — проговорила она. — Но мне нужно трудиться.

— Розы, о чём ты? — спросил он, осипнув от волнения.

Её взгляд — одновременно и возбуждённо блестящий, и мертвенно пустой — напугал его до жути. Винс шагнул к ней, с содроганием осматриваясь. У стен свалены книги, какие-то игрушки. И деревянные украшения. Целые горы. А ещё коробки с мелками. На окнах решётки, всё наглухо закрыто.

«Что случилось?.. Почему? Ох, Розы...»

Он подошёл и осторожно тронул её за плечо. Она обернулась, улыбаясь. Безмятежно и радостно, как может улыбаться ребёнок, который ничего не знает об ужасах и трудностях мира.

— Розы, ты меня узнаёшь? — спросил он, разглядывая её лицо.

Она кивнула и потрепала его по щекам, а потом ответила, задумчиво нахмурившись:

— Странно, сегодня ты выглядишь лучше... Я, наверно, даже могу... Да, я могу сделать так! — воскликнула она и прыгнула ему на шею, обвила руками и повисла, мотая ножками.

Он опешил. Розы вздохнула и спрыгнула, улыбнулась снова и отвернулась к своему углу, который она разрисовывала чёрным мелком.

— Ты всегда приходишь. И рассказываешь о том, как племена с севера заселили центральную равнину. Мне очень нравится часть про курганы и сокровища, с которыми хоронили вождей. Ты мечтал там всё разрыть и найти много всякого интересного.

— Розы... я... да, я говорил...

«Шесть лет назад, когда был глупым пацаном...»

— Я знаю, — хитро сощурившись, отозвалась она.

Раньше она была тихой, слова громкого не услышишь, ни восклицания, ни смеха, а сейчас...

Горло перемкнуло, Винс отвернулся, хватая ртом воздух.

Как это произошло? Почему?

— Розы... а давно ты... трудишься? — спросил он, осматривая стены и всё больше чувствуя, что попал в кошмарный сон.

Шорох стих. Винс поспешно обернулся. Розы опустила голову, руки безвольно повисли.

— Розы...

— Я тружусь, и тружусь, и тружусь. И сейчас! Эти чудесные знаки! — воскликнула она, всплеснув руками, и указала на стены. — Они мои! Но они не могут выйти. И я. И я... — повторила она тихо. — И я должна трудиться. Снова и снова. Нет ничего совершеннее моих знаков. Ничего! Если бы мы могли выйти... Если бы они не жужжали, — махнула она грязным рукавом на дверь и вдруг замерла, раскрыв рот и издав протяжный изумлённый стон.

— Розы...

— Они не жужжат, — прошептала она и подняла голову, уставившись перед собой широко раскрытыми глазами. — Они не жужжат. Не жужжат. Жу-жжат... Нет... они замолчали... — Розы повернулась, неестественно медленно, как в замедленной съёмке. — Когда ты пришёл...

Зрачок у неё затянул всю радужку. Винсу стало не по себе.

— Ты ведь сегодня другой... Ты не будешь рассказывать... — она тихо захихикала и

бросилась скакать по комнате, бесшумно и легко, будто бабочка. — И они не жужжат. Они затихли. Они умерли.

— Кто умер, Розы?

Она покружилась и подошла к груде книг, раскидала её и вытащила что-то, подозрительно похожее на гвоздь. Винс похолодел. Розы повертела гвоздь между пальцами, приговаривая то ли считалку, то ли просто какую-то неразбериху. А потом она улыбнулась так, что Винса мороз продрал по коже.

— Ты сегодня настоящий, — проговорила Розы по слогам и стала серьёзной. — Ты открыл мне дверь.

«Она совершенно спятила... И не похоже, что её тут лечат... Что это такое вообще? Ох, Розы, Розы...»

Она приложила палец к губам и прошлась по комнатухе. Винс беспомощно следил за ней. Хотелось и броситься отсюда со всех ног, и вытащить её, забрать с собой. Может, ещё можно что-то сделать, найти специалиста, хорошего врача, клинику...

Может, ещё что-то можно сделать.

Она мурлыкала под нос и раскидывала босой ногой книги и вещи, царапнула гвоздём стены пару раз, а потом с размаху вогнала гвоздь себе в ладонь. Винс не успел ни вскрикнуть, ни дёрнуться — капли крови, полетевшие на пол, вспыхнули огнём и зашипели, упав. Розы продолжила вычерчивать гвоздём какой-то узор, полоумно улыбаясь. Винс прирос к месту, испытывая самый настоящий ужас. И только позже до него дошло, что Розы не мурлычет песню, не лопочет неразбериху. Она читала заклинание.

Завершённый знак засветился так, будто свет был внутри, где-то под кожей. Или в крови. В глазах Розы появился восторг, сравнимый, наверно, с экстазом. Кажется, она не чувствовала боли. Пол вокруг неё дымился, из-за двери послышался какой-то шум. И Винс мог поклясться, что карта у него в кармане ожила и захлопала нарисованной дверью.

«Что-то будет...»

Наконец Розы посмотрела на Винса. В её глазах горел огонь, буквально. Языки пламени облизывали радужку, и прочитать можно было только одну эмоцию — удовлетворение.

Она вытянула руку и чиркнула по воздуху — Винсу в руки упала книга. От неожиданности он вцепился в неё, прижав к груди.

— Когда-то я не вернула тебе книгу, — сказала Розы, и в голосе её зазвучал треск костра. — Возьми эту. Хочу ещё нарисовать знаки на твоей двери... И послушать про курганы...

— Розы... мы ещё можем...

Она выбросила вперёд руку, будто хватая воздух, и Винс почувствовал — ведьма схватила его. Швырнула на шкаф, под спиной затрещали доски, из груди вышибло воздух. Он рухнул вперёд, а когда приподнялся, дверь была распахнута настежь, по дому, усиливаясь, летел вой и треск. Винс осоловело посмотрел на книгу, зацепился взглядом за треугольник, выцарапанный на толстой кожаной обложке, и сердце сжалось от какого-то смутного предчувствия. Такой он однажды видел на двери своей комнаты в общежитии колледжа. Перед самым отъездом Розы и... инцидентом с газом.

«Проклятье... Так все слухи...»

Громыкнуло, дом затрясся, запах гари и дыма потянулся в комнату. А где-то в глубине творилось что-то страшное... Что-то, причиной чему стал он.

Винс закашлялся и поднялся, дым повалил густой, глаза заслезились, снизу поднимался

жар.

Какая-то часть его всё ещё хотела кинуться в дым и огонь на поиски, а другая рычала на его глупость и звала убраться отсюда поскорее — ничего уже не сделать, никого не спасти. И что он может — несчастный безголовый болван против настоящей сумасшедшей ведьмы?

Он вытащил карту и шагнул к двери, споткнулся о книгу, замешкался, но всё же поднял её. Последнее, что останется от Розы...

Он захлопнул дверь, приложил к ней карту и подумал о доме. Дышать было уже почти нечем, сознание ускользало.

«Розы... я правда...»

Из распахнувшейся двери посыпались чёрные перья, где-то рядом прохлопали крылья, и Винс провалился в темноту.

***

Очнулся он от того, что по нему внаглую прохаживался ворон. Стоило пошевелиться, и проклятая птица улетела. Винс слабо застонал. Кажется, он провалился на полу плашмя до самого утра, тело затекло. И всё можно было счесть кошмарным сном, если бы не книга, которую он крепко сжимал в руке. Сев на полу, Винс тупо уставился на неё. Зачем он её забрал? Розы оказалась...

«Розы...»

Скрипя зубами, чувствуя, что его сейчас разорвёт от боли, Винс поднялся и проковылял к столу с ноутбуком. Что-нибудь, хоть какую-нибудь зацепку...

«На юго-западе страны сгорел особняк главы фармакологической компании. Есть пострадавшие. Возгорание произошло около трёх часов ночи... По предварительным данным погибло пять человек...»

Он откинулся на спинку стула и так сидел, пока полностью не рассвело.

Может, позже, он сможет узнать имена...

Он не предполагал, что всё так кончится...

Как вообще? За что?..

— Проклятье! Почему?

Он уткнулся в согнутый локоть и зарыдал.

***

Винс примчался в магазин Тони сразу после открытия, взъерошенный, сам не свой. Торгаш вопросительно вскинул белобрысые брови, когда Винс навалился на прилавок и уставился на него, не в силах ничего толком объяснить.

— Так, что-то мне подсказывает, что табличку на двери лучше повернуть, — протянул Тони и вышел из-за прилавка.

Винс поймал его за локоть и наконец выговорил:

— «Дверь». Я использовал её. И...

— И попал в сущий кошмар... Так, рассказывай.

Упав на стул в его кабинете, Винс стал рассказывать, сначала сбивчиво, невнятно, потом взял себя в руки и изложил всё обстоятельно. Втайне он надеялся получить от Тони нагоняй. Пусть забрал бы у него, идиота, столь опасный ключ, прописал бы сверхурочные, ещё как-нибудь наказал. Но Тони лишь сказал без тени усмешки или гнева:

— Что ж, с первым грузом знания тебя.

— Но я не понимаю, что произошло... кроме того, что Розы... Она... скорее всего, она...

Винс разбито замолчал. Тони достал из шкафа бутылку и какую-то закуску.

— Что ж, хотел отложить рассказ о всяких сложных магических штуках, продлить тебе детство, но... в общем, слушай. Эта карта может отпереть практически любую дверь. Универсальный ключ. Но это значит, что она может сломать почти любой замок или сдерживающее заклинание, наложенное на дверь.

Винс с ужасом уставился на него, догоняя смысл сказанного.

«То есть... это я... открыл дверь... выпустил Розу... и случилась трагедия? Из-за меня?»

Навалилось гнетущее, неподъёмное чувство вины.

Всего один ключ, одна дверь и такой кошмар!

Он стал виновником трагедии! Если бы не его любопытство, если бы не...

Но он ведь не думал, что всё может так кончиться!

Он закрыл лицо руками и зажмурился, чувствуя, как разлетается на осколки.

Это он убил Розу?

— Пусть это тебя не ломает, Эвортс, — серьёзно отозвался Тони и, судя по звуку, поставил перед ним стакан. — Магия не терпит ошибок и страха. И когда проводник энергии, то есть маг, колдун или ведьма, ломается, его остаётся только нейтрализовать, пока не замкнуло.

— Вдруг ей можно было помочь? Её заперли... её могли вылечить...

— Простых сумасшедших часто вылечивают? — спросил торговец, не скрывая скепсиса. — Сидела бы она под замком всю жизнь... Пока не нашла бы какой-нибудь другой лазейки. Исход был бы тот же. Или хуже. Поверь, всем лучше от того, что сумасшедшая ведьма не выбралась из того дома. И сама она отмучилась. Конец истории, можно закрыть книгу, отложить на полку и забыть.

«Книга!»

Винс отнял руки от лица.

У него осталась книга несчастной Розы.

Он повернулся, глянул на стол, на стакан с портвейном и тарелку с сыром и ветчиной. Он не чувствовал ни усталости, ни голода, только пустоту и боль, которая разлилась и заполнила все уголки его существа.

Вздыхнув, Винс осушил свой стакан и поднялся, но торговец усадил его обратно и велел поесть.

...Имя Розы было среди имён погибших в пожаре. Судя по её последнему выражению лица, такой исход её не пугал... Впрочем, её уже мало что могло напугать, как показалось Винсу. В голове по-прежнему не укладывалось, что эта тихая, робкая и зажатая девочка могла оказаться ведьмой, способной спалить собственный дом. Или напасть на учеников колледжа.

Способной кого-то убить.

Что с ней случилось? Почему? Как она сломалась?

Вряд ли он когда-нибудь узнает подробности.

Она ещё долго снилась ему в кошмарах: кружилась и смеялась, а потом исчезала в огне и дыму. Он носился по горящему дому, звал, искал её, но находил только оплавленный огарок гвоздя.

Книгу, которую оставила ему Роза, Винс набрался духу пролистать только через два месяца. Казалось, что она жжёт руки, всё время напоминая о том, что случилось по его вине. Что он убийца. В книге были схемы, магические печати, какие-то схемы, заклинания.

Просто какой-то ведьмовской Джек-пот, как подсказывала интуиция. Почему-то даже в таком состоянии Роза отдала ему самое дорогое, ведь «нет ничего совершеннее её знаков».

С того дня исследовательского рвения в нём поубавилось: коробка (предположительно с картами) и футляр были отложены подальше, как и книга Розы.

Больше он не будет относиться к открытию чего-либо столь бездумно, а время, возможно, подлечит раны.

Приятно хоть где-то не чувствовать себя чудиком. Вот ты можешь почти с каждым обсудить теорию течения энергии в живом теле, систему магических трансформаторов и мощность удара молнии в гипотетического противника в зачарованной броне, а лучше — сразу пристать с этим к Наставнику и записывать, записывать умные мысли...

Ковен стал для Найджела не просто школой, а домом, миром — родным, понятным, идеальным. Одна беда, он (теперь уже Школяр, а не Найджел) слабак и после сложных чар падает, как подкошенный. Если бы можно было стать сильнее. Наставники мудро говорят обождать, поспешать медленно, но Школяр просто не может ждать! Он жаждет открытий, которые уведут его от всего ненавистного и тягостного насовсем.

В ушах ещё шумело. Школяр сидел в небольшом зале, рассеянно пялясь в пространство перед собой и держа в руках полупустой кубок. Содержимое — горькую-горькую отраву — надо было допить, целительница обещала, что тогда станет лучше, но он всё тянул.

«Опять ничего не вышло. Мне не хватает сил. Я уже кучу учебников проштудировал, про минералы начитался, представляю всё чётко. Я могу, но...»

Он вздохнул и поёрзал на скамье.

«Ещё и из класса выгнали».

Стояла сосредоточенная тишина. Казалось, что вокруг не было ни одной живой души. И лишь он неприкаянно торчал вне занятий.

Кое-чего он не понимал решительно. Его хвалили, часто хвалили, — у тебя есть потенциал, талант, говорили Наставники, — и при этом постоянно останавливали, не давая провести опыт до конца. И вот сейчас. Подумаешь, из носа опять кровь пошла. Тут так со всеми ведь! (Ну, может, с ним и немного чаще...) Приходится преодолевать порог, этот жалкий лимит своего брэнного тела. А его, получается, вечно в него тыкают, ну что за свинство?

«Ничего, сейчас посижу, потом перерыв, потом ещё попрошусь взять меня на преобразования. А там до ночи».

Скорее бы уже лето! Летних занятий он всегда ждал и не мог дождаться. Во-первых, можно было проторчать на территории Ковена весь день до самой ночи. И занятия, и библиотека тебе открыта, и залы. Столько можно узнать и выучить, столько овладеть. Народу опять же много и все такие же счастливые, как он. Ну или почти. Или просто он счастливый. А в другое время занятий так мало, и вместо школы нельзя, и на всю ночь нельзя. Ну что за расписание? Хотя он всё равно приходил. Его отчитывали, сначала выгоняли, иногда по несколько раз на дню, потом стали разрешать сидеть в библиотеке или в зале тренироваться с чем-то простеньким. Он и этому был рад. Библиотека и чудесно! Он записи делал, что-то с собой забирал, но больше, конечно, тут оставлял: не приведи Создатель, мать найдёт. Тоскливо, конечно.

К нему подошла выплывшая откуда-то Курица и натурально закудахтала, догадавшись с одного взгляда на кубок, чего он тут расселся, и потащила на кухню — пичкать едой, силы восполнять. Он поплёлся нехотя. Конечно, сейчас опять будет причитать, какой он тощий, что не в коня корм, хотя при чём тут конь он никогда понять не мог. Да и что-то дурацкое в этом сравнении было. Если лошадь, то пахнет навозом, но при чём тут корм? Потому что ли

не в коня корм?..

— Ох, опять в облаках завитался, — вздохнула Курица, открыв холодильник.

— Задумался, — внушительно поправил он. — Только с горкой ничего не накладывайте.

— Цыц! Сколько положу, чтоб столько и слопал!

— Стошнит же...

— Цыц, говорю! Вот, поклюй пока что.

Она поставила перед ним плоску с мелкими, похожими на бульжнички булками. Он нехотя взял одну, надкусил. Ржаные, гадость. Впрочем, он должен был догадаться.

Курица гремела посудой, что-то уже грела в ковше.

— Опять перенапрягся? Пожалел бы себя. Загонишься.

Курица была невысокой, полной тёткой. По всему видать не шибко-то умной. Разве соображающего кого Курицей обзовут? А тут всех по справедливости вроде как называли. Курица учила кое-чему из алхимии, но больше тут была за няньку и кухарку. Кормила на убой и добрая была, что злиться на неё и не позлишься — за что?

Из-за этого обиднее прям, иной раз, выходило.

— Что ты сотворить хоть пытался?

— Аа, кварц... простецкий же, — как бы оправдываясь и сетуя, сказал он. — Состав вообще тьфу! Да я столько изучил, а результат пшик.

— Ну, не расстраивайся, ещё пару годочков пройдёт, силёнок прибавится...

— Да я только это и слышу! Надоело! А что я сейчас? Ноль, что ли?

— Дурачок ты, вот что, — сказала она, поставив перед ним миску с густой похлёбкой какой-то, прям как из книжки исторической сняла. — Ешь давай. Ещё ведь заниматься побежишь.

Он стал вяло есть, внутренне нахмурившись. Чего хорошего, что его вечно раскормить хотят? Прям вот силы появятся. Они и так есть. Просто он человек. Не великий, не легендарный Древний.

«Чего-то мне недоговорили ещё. Чую, вот прямо чую, что чего-то не додали. Как они сами это проворачивают? Солька создаёт такие камни и минералы — красота, а ей что? Да даже за двадцать с большим хвостом не заступило. Скульптор с материей играет, завидка меня так и берёт, как он это делает. Хотя он, конечно, не мальчик, не как я, но всё равно... Почему я так мало могу?»

Шум шагов оповестил, что занятия окончились, адепты высыпали в коридоры и залы, кто-то заплыл на кухню, Курица сразу захлопотала и оставила наконец Школяра, а то сидела напротив и блюла, ест он или нет.

Он какое-то время ещё посидел, потом вскочил, как ужаленный, вспомнив о важном. Подлетел к столу с выпечкой, выхватил вкусную булку, ещё тёплую и ароматную, и помчался в коридор. Сердце у него бешено стучало. Чуть не забыл про план! Сегодня же непременно! Обязан!

Перерыв в занятиях. У адептов был час времени отдохнуть, но никто не разбежался: кто-то искал уголок в библиотеке, кто-то в зале для переписывания и ведения записей, кто-то обедал, кто-то выбирался в сад, а кто-то шёл практиковаться в залы. А он шагал к центральной секции библиотеки. Вульгарно, с булкой. Внутренне он трясся до самых пяток и до глупости был счастлив. Лишь бы перехватить Галочку перед входом, звать её вслед будет совсем уж смешно и неловко.

Ему повезло. Девушка стояла в коридоре и что-то записывала в свой дневник чародея прямо на весу. Мысль, стало быть, в пути настигла! Как это на него тоже похоже!

Сегодня Галочка как всегда была в чёрном: узкое платье с горлышком, длинные рукава, блестящие серебряные пуговицы и пряжки. Длинные-длинные волосы заплетены в толстую косу, а коса закручена сзади в тугий и сложный узел. Строгая, собранная и не обращающая внимания на ерунду.

Школяр набрал в грудь воздуха и заговорил (голос предательски сорвался):

— Я... я вот... самый вкусный забрал.

Галка посмотрела на него не то с опаской, не то с обидным вопросом. Он схватил ртом воздух, чувствуя, что уши у него уже горят, и добавил:

— Тебе принёс.

И протянул восхитительную булку, любовно завернутую в салфеточку.

Галка нахмурила красивые бровки (а у неё всё красивое было, по его мнению) и сказала:

— Не нужно.

Впору было понурить плечи, что Школяр и сделал. Вокруг активно зашептались. А Галочка ушла с чинным и неприступным видом.

— Ну... ты знаешь... Она очень вкусная! И... я хотел тебя угостить, — пролепетал он себе под ноги.

Так он и остался стоять, как дурак, с булкой в руках.

Отшили в лучшем виде. О, жестокая Галочка.

«Но под конец ей стало меня немножко жалко, я уверен, я видел...»

Он поплёлся прочь от библиотеки. И буквально через пару шагов в него врезалось что-то твёрдое, жёсткое и невидимое, в следующий миг булку из руки выдернули, а под зад отвесили хорошего и обидного пинка.

Он шлёпнулся и больно припечатался подбородком, зарычал, разворачиваясь. Саранча звонко и противно смеялась, победно держа булку.

— Ишь, на кого нацелился! — с издёвкой протянула она. — Губёшки-то закатай, неудачник.

Адепты, ставшие свидетелями его фиаско, тоже засмеялись.

Он поднялся и зашагал прочь, сгорая от стыда. Конечно, Саранча решит, что он сбежал, и будет рада. Он и правда хотел бы сбежать. Хоть на край света, только бы её морду не видеть. Вечно издевается над ним и при этом умудряется строить из себя жертву.

«А всё-таки она права... Неудачник я. Неудачник. Даже простейший кварц вырастить не могу. Галка на такого и не глянет. Вообще не знаю, на кого она глянуть может... Надо быть... демоном, наверно. Или тёмным властелином. Иметь сотню-другую душ в рабстве, огромный особняк или вообще замок. Пыточную?.. — Он передёрнул плечами, но быстро вновь погрузился в угрюмые размышления. — Дурак я, оно понятно. Разве тут кого булкой удивить? Мастерство показать надо! Вот выращу кристалл и подарю. Точно! А если его не разом выращивать, а постепенно?»

Он прибавил шагу, потом почти побежал, уже строя тысячи схем в голове и представляя триумф. Надо найти кого-нибудь из Наставников и поговорить.

Не откладывая, Школяр напрямик направился к кабинету Ваятеля, постучал, бодро и нетерпеливо, и — ответ показался ему застрявшим в веках — буквально вломился внутрь. Наставник вытирался салфеткой, перед ним на тарелке лежал надкусанный сэндвич, рядом плоская салатная тарелка.

— Знаете, я тут подумал!..

Наставник взвёл глаза горе и вздохнул.

— Я хочу вырастить кристалл! Но постепенно! Я буду поливать его энергией, прямо как растение... Давайте я нарисую! — воскликнул Школяр, плюхаясь на стул перед наставническим столом и на ходу вытаскивая ручку из кармана рюкзака...

***

План казался ему идеальным. Нужно было только время и место, чтобы растить свой великолепный кристалл. Над этим Школяр думал всё занятие по стихиям, за что под конец Наставница оттаскала его за уши и задала сдать ей упражнение в следующую встречу. Чтобы как-то исправиться, он задержался, решив вымыть кабинет с помощью магии воды, но только всё подтопил и одними ушами не отделался...

— О, Тёмный создатель, ну что ты за егоза? Магу непростительно таким быть! Отвлечёшься на миг... нет, на долю мига — и бац! — всё в руинах! Используй уже голову по назначению! — отчитывала его ведьма Погодница.

— Я и использовал!

— Ты должен серьёзнее относиться к своим способностям! Хватит витать в облаках. Хватит радоваться всему, как идиот! Ты здесь обращению с высшими материями обучаешься!

— Так я...

— Одно движение, один вздох — и ты можешь развеять целый город. Любой из вас.

— Ну не лю...

— Да, не любой! — сама же согласилась она. — Но ты — можешь! И многие могут. И пока у тебя голова забита играми, другие...

— Ну-ну, сестра, довольно его отчитывать, — пропел мелодичный, ангельский голос.

Школяр подскочил со шваброй в руке и круто обернулся к двери. И сразу же расцвёл, засиял, увидев прекрасную Леда.

С её появлением в комнате стало светлее и будто просторнее, а ещё свежее. Леда улыбалась, как величайшая из муз.

— Простите меня, — поклонилась Погодница, — но от него одни неприятности.

— Все мы были молоды и неопытны, но не все так рвались к знаниям. Дорогой Школяр, однако, ты слишком торопишься.

Он втянул шею в плечи и промямлил: «Простите».

— Может, вы сможете его вразумить? — с надеждой спросила Наставница.

Школяр непроизвольно покивал.

— И что с тобой делать? — с притворным укором покачала головой светлейшая Леда. — Пойдём-ка, я кое-что тебе дам.

Он полетел за ней как на крылышках, едва не утащив с собой и швабру...

Они прошли ярус, за ним ещё один. Прошли все коридоры, к которым у Школяра был доступ, и ступили туда, где он ещё ни разу не был. Леда привела его в комнату, где на стеллажах из белого дерева в пузатых стеклянных колбах хранились кристаллы всевозможных форм и расцветок. У Школяра челюсть отвисла от такого великолепия и многообразия.

— Что это? Что? Они будто живые! — воскликнул он, обернувшись вокруг на каблуках, жадно поедая взглядом колбы и их содержимое. — Что это? Что это? И кто это создал? И что в них? В них же что-то есть? Есть ведь!

Леда мелодично рассмеялась и поманила его за собой вглубь комнаты. Оказалось, что это было подобие библиотеки, только вместо книг тут хранились кристаллы. Мысль Школяра уже безумно работала, предполагая и связывая догадки воедино.

«Библиотека! Конечно! Совершенные носители! Вот они — флешки магов!»

Леда жестом предложила ему сесть за стол, он поспешно сел, поёрзал на стуле, всё ещё осматриваясь. Как ему хотелось потрогать эти кристаллы! Рассмотреть вблизи! И узнать, что на них записано.

— Я очень горжусь твоим рвением, дорогой Школяр. Не у каждого нашего адепта встретишь столь страстное желание... нет, жажду к познанию. Вдвойне мне приятно оттого, что ты сотворитель до мозга костей. Я верю, в будущем ты с лёгкостью сможешь вырастить любой из кристаллов, подобный этим.

— Но когда ещё будет это будущее? — жалобно заметил Школяр. — Я должен буду потратить годы?

— Почему эта мысль так тебя огорчает?

— Не знаю, — соврал он.

Леда вздохнула. Может, не поверила.

Он досадно прикусил губу, глянул на неё из-под чёлки.

— Ну... я просто... не могу я ждать...

— Почему? Насколько я знаю, ты не болен, тебе не надо спешить...

Он вновь досадно вздохнул, словно тут стало душно, невыносимо, тяжело.

— Я просто... просто хочу сделать что-то такое, чтобы...

— Чтобы что?

— Выбраться из того места, где я нахожусь... Может, если я смогу... смогу что-то, как полноценный маг, то... — он затрясся, понимая всю свою наглость и нахальство, но слова уже лезли: не из горла и не из головы, а из самого сердца, — то вы разрешите мне поселиться здесь.

Кажется, его признание Леду нисколько не удивило. Школяр боялся, что признание её расстроит. Так и вышло, на лице Леды появилось озабоченное, взволнованное выражение. Школяр и сам непроизвольно заволновался и даже извинился — на всякий случай.

Леда улыбнулась.

А его вдруг как током дёрнуло. Школяр выпрямился, облизал губы, вмиг растеряв дыхание, почувствовав, как в лицо бросилась кровь, и выпалил:

— Помогите мне, умоляю!

Лицо у Леды слегка вытянулось, Школяр запаниковал, но остановиться уже не мог и заговорил быстро и сбивчиво:

— Я чувствую, что мне какой-то ерунды не хватает, какого-то... ну будто винтика, фигни какой-то! Она меня отделяет от прекрасного кристалла!

— И как же я помогу тебе с этой... «фигнёй»? — улыбнулась Леда.

— Я знаю, вы можете. Ваши советы на вес золота! Я знаю! — повторил он почти нагло. — Те, кому вы подсказываете, поднимаются до высот!

Она вздохнула, будто обречённо, подняла на него ясные и добрые голубые глаза. Школяр вжался в стул и стушевался.

— Ты так одержим идеей вырастить кристалл. Ты хочешь какой-то особенный? Или дело в чём-то другом?

— Я... я бы хотел его подарить.

Она удивлённо воскликнула и вмиг оживилась.

— Подарок, как необычно. Кому-то из адептов?

Он угрюмо кивнул и пробубнил:

— Кристалл может быть амулетом, накопителем. Очень красивая и полезная вещь. Это хороший подарок...

— Ты точно знаешь, что хочешь подарить. И кто это счастливица?

Школяр смолк и густо покраснел, съёжился под пронизательным взглядом.

— Ну... это секрет...

— Какой ты милый, добрый мальчик, — почему-то вдруг с грустью проговорила Леда. — Что ж...

Она поднялась и скрылась за стеллажами. Школяр сидел, как на иголках, ловя каждый шорох, стук, лёгкое клацанье. Леда вернулась с колбой в руках, Школяр впился взглядом в золотисто-янтарный кристалл.

— Можешь подсмотреть немного кристальной мудрости здесь, — сказала она, поставив перед ним колбу. — Только будь осторожен. После использования у тебя может кружиться голова, посиди, не вставай резко.

Он сглотнул, сосредоточенно кивнул и протянул дрожащие руки к колбе. Леда улыбнулась и сняла крышку...

***

...Голоса долетали издалека. Один — чудесный, ангельский — принадлежал Леде, другой — мягкий и плавный, но мужской — был Школяру незнаком.

Голоса стихли как по команде, стоило Школяру отлепить от стола голову. Из-за стеллажа вышла Леда.

— Как всё прошло?

Он поморгал, всё ещё держа в голове формулы и знания, а потом вскочил, напугав Леду, поклонился, чуть не приложившись лбом об стол, и выпалил:

— Я хочу испробовать на деле! Позвольте! Немедленно!

— Но уже позд...

— Позвольте! — повторил он и рванул вон, боясь потерять мысль.

— Школяр!

Он пронёсся по комнате к выходу, отметив, что краем глаза видел в библиотеке кого-то ещё, какое-то светлое пятно... Но мысли о кристалле вытеснили всё остальное.

Он добрался до нужного яруса бегом, запыхался (спорт никогда не был его сильной стороной) и по нужному коридору уже шёл, тяжело переводя дыхание. После чтения кристалла Школяр и правда чувствовал слабость, как от погружения на глубину, но в нём всё бурлило и искрилось, Школяр испытывал высшее счастье и хотел скорее его выплеснуть. В коридорах стояла тишина: кажется, все уже разошлись, занятия окончены. Сколько же он проспал?

— Ты куда это крадёшься? — окликнул его кто-то из Наставников.

Школяр вытянулся, будто правда крался и был пойман с поличным.

— Мне назначили дополнительную практику!

— Кто?

— Я сам...

Наставник вздохнул. Школяр приготовился к тому, что его сейчас за ухо выдворят вон, но его спасла Леда.

— Откройте ему класс 23-А, — велела она. — У Школяра есть важное дело.

Возражений больше не последовало.

В классе Наставник (а это был профессор по вызову гроз и бурь) не оставил Школяра одного, оно и понятно; Леда тоже осталась, изящно и деликатно села у выхода.

Получив в своё распоряжение стол и все необходимые инструменты, Школяр немного успокоился, размял руки, хрустнул костяшками, постучал себя по шее. Теперь он сможет, непременно!

На смену волнению и чувству собственного ничтожества пришло волнение алхимика, затаившего дыхание над пробиркой с гомункулом.

Заученными, точными движениями он начал смешивать ингредиенты. Вода. Соли. В самом начале почти что чистая химия, но потом — в действие пошла магия. Дыхание творца. Пальцы покалывало, виски быстро налились тяжестью, на позвоночник давила тяжесть мира, но Школяр продолжал. Под его руками на стеклянном блюде шло преобразование.

Он создаст великолепный камень. Такой, чтобы смог выдержать все магические реакции и не разбиться, чтобы оградил хозяина от помарок, собрал его силу и умножил множеством своих граней.

Кристалл вышел почти с ладонь. Мутновато молочный с золотыми искрами внутри.

«Нет, недостаточно... ещё не...»

Из носа хлынула кровь. Школяр пошатнулся, зацепился за стол. Наставник уже был рядом, что-то говорил, совал под нос какую-то пахучую дрянь, но Школяр с трудом воспринимал, что он говорил и делал, все его силы были направлены на то, чтобы держаться за стол. Леда угадывалась рядом светлым участливым пятном, её холодные руки коснулись его лица, жар стал постепенно отступать, а шум в ушах утихать.

— Поэтому и я говорила, что ты не должен спешить, — сказала она, подавая ему платок. — Для твоего организма это пока слишком большая нагрузка.

— Нет! — упрямо воскликнул Школяр, неуклюже попытавшись отмахнуться. — Пусть привыкает! Пусть...

Он зажал рот, внезапно почувствовав тошноту.

— Пожалуйста, позаботьтесь о нём, — попросила Леда и оставила Школяра на Наставника.

«Почему? Почему я так слаб? Проклятье! Проклятье!»

***

В скверике на лавочке его ждала Саранча. С одного взгляда на неё Школяру сразу же захотелось опять нырнуть в тайный ход, ведущий к убежищу Ковена.

Саранча встала, хрустнула костяшками и вперила в него свой коронный убийственный взгляд. Школяр втянул шею в плечи и поплёлся по улице, решив ничего не говорить.

Мощный удар свалил его на брусчатку, Школяр треснулся подбородком, клацанье зубов отпечаталось в мозгах.

— За что? — заскулил он, повернувшись на бок и потирая ушибленное лицо, глянул на Саранчу.

— Ты хотел улизнуть. Хотел остаться там на всю ночь и дольше.

— Нет.

— Хотел-хотел! Трус! Ты всё хуже и хуже!

Он зло скрипнул зубами. Сестра воинственно задрала подбородок, в презрительном и

злобном взгляде так и читалось: давай, ударь в ответ!

— Тебе не мешало бы поработать над своим характером, — проворчал он.

На лице сестры появилось разочарование.

— Я ведьма, Найдж, а ведьме положено быть злой.

— Нашла, чем хвастаться.

— Я ведьма, а ты — хрень на палочке! — шагнув и схватив его за грудки, прорычала она ему в лицо. — Всё никак не очнёшься.

Тут она, похоже, рассмотрела, что футболка у него залита кровью.

— Снова надрывался? Дурак.

Он оттолкнул её и поднялся, раздражённо посмотрел сверху вниз, мстительно даже. Однако Саранчу это только больше разозлило.

— На кой чёрт ты этой ерундой занимаешься? Ты! Ты, блин, кто способен на большее!

— Я занимаюсь тем, чем хочу, — одёрнул её он. — Кажется, это одна из догм Ковена.

Саранча разъярённо всплеснула руками и схватила его под руку, потащила по улице с удивительной для её росточка и комплекции силой.

— Дебил! Какой ж ты дебил! — рычала она, а он флегматично думал, толкнуть её-таки в спину или пусть тащит дальше.

Агата давно и безнадёжно хотела с ним подраться, но он никогда не поддавался. Смысл, если она и без ответа частенько его избивает?

— Ненавижу тебя! Ненавижу больше всего на свете!

— Я знаю... плачу тем же... Не тяни.

Она рванула его, оторвала от земли и перекинула через плечо, долбанув плашмя об брусчатку и выбив из него дух. Да, Саранча наострилась в использовании своего дара, ничего не скажешь.

— Бесишь!

Ему было чертовски больно и перед глазами всё потемнело и расплылось, но Школяр всё же выдал как можно спокойнее:

— Вряд ли Леда просила меня бить.

Агату перекосило.

— И маме не понравится моё разбитое лицо.

Агату перекосило ещё больше.

— Вот никогда ты не думаешь...

Он осёкся, уставившись на подошву ботинка, зависшего над лицом.

А, конечно, она всегда-всегда хотела его раздавить. Или выдавить вон, он знал. Ей никогда не хватало ума оценить возможные последствия, но что-то её всё же удерживало. Интересно, что же это было?

Так и сейчас Агата топнула рядом с его головой и, круто развернувшись, зашагала вперёд, бросив на ходу, что он без труда может себя подлечить.

Он посмотрел на небо. Чёрное, ровное и украшенное звёздочками. От брусчатки тянуло лютым холодом — март выдался промозглым и с проливными дождями. В голове пронеслась шальная мысль: если он простудится, сильно заболит, позволят ли ему спешить? Конечно, до совершеннолетия меньше месяца, но разве мать так запросто его отпустит на волю? Скорее, она Агату выставит, а его ни за что. Когда же наступит тот момент, когда он сможет сопротивляться? Когда сможет уйти? Когда все вокруг сочтут, что пора, что он вырос?

«Не хочу ждать. Не хочу терпеть. Хочу, чтобы всё менялось здесь и сейчас. Я ведь маг. Почему я должен ждать?»

Он закрыл глаза рукой, уткнулся в рукав и заплакал.

...Саранча ждала его у подъезда. Хмурая, насупившаяся и закутавшаяся в тонкий шарфик. В глазах — мысли о бегстве. В этом они очень похожи. Он прошёл мимо, не позвав, не сказав ничего, окунулся в вонь подъезда, внутренне застыл. Нет, ещё месяц и он всё же уберётся отсюда. Ему будет восемнадцать, мать не сможет его удержать.

Квартира оказалась пуста. Выдохнув украдкой, Найджел прошёл к себе.

В последнее время мать всё чаще где-то задерживается, спускает деньги на дорогие и роскошные (по её мнению) вещи, строит из себя прожигательницу жизни (особенно перед соседями), а на деле экономит на всём, чтобы покупать себе косметику, духи и прочую женскую дребедень. Но всё всегда оборачивается одним и тем же: она начинает пить, нервно курить на балконе и жаловаться на весь свет лицемерной подруге.

«Иногда мне правда интересно, как она ещё не отвела Агату какому-нибудь сутенёру...»

На письменном столе Найджел обнаружил программки из университетов и любовно написанную записку, которую он пробежал глазами и скривился. Мать печётся о том, чтобы её возлюбленное и будто бы единственное чадо выбрало себе университет. Воплотить её несбывшиеся мечты. Записку он смял и выбросил, а программки, не глядя, засунул в стол.

В дверь забарабанили. Он открыл, Агата, пыхтя и комкая домашнее платье, пытливым взглядом смотрела на него. Почти ритуальная ломка перед тем, как попросить его об услуге.

«Ни стыда, ни совести. Сначала бьёт, потом просит».

Она ткнула ему в руки фото матери и буркнула: «Сделай».

— А сама? Раз ты ведьма, — поддел её он.

Она вспыхнула, скрипнула зубами, сжала дешёвую рамку так, что Найджел подумал — сейчас сломает.

— Сделай, если не хочешь остаться сиротой, — глухо добавила она.

«Кишка у тебя тонка... И ума мало. Как раз. До греха не далеко».

Он взял фотографию, всмотрелся в лицо матери. Здесь она молодая, заманчиво улыбающаяся, привлекательная. Украшения, кольца, серьги, ухоженные руки. Красивая кожа. Дорогая женщина. Увы для неё, состарилась мать рано, и теперь это фото ей покоя не даёт.

Школяр закрыл глаза матери ладонью. Агата нервно переминалась с ноги на ногу. В этот момент она переставала дышать, чтоб не спугнуть чары.

— Смотри, но не замечай. Помни, но не примечай, — бормотал он, тоже закрыв глаза.

После наложения чар в висках появилась противная тяжесть, его вновь затошнило. Он отдал Агате фото и привалился к дверному косяку, смотря, как Агата ставила фото на место. Каждый раз в этом было что-то вороватое. И ничтожное. Но хрень на палочке он?

«Кишка тонка у меня. Отчитываю её, за то, что она не в состоянии даже глаза матери отвести, а сам... думаю, что она своей криворукостью могла бы нас освободить...»

Школяр захлопнул дверь и упал на кровать, уткнулся носом в подушку. Он чувствовал себя выжатым. Где же взять ещё сил? Как стать выносливее, сильнее? Как отвечать за себя?

«Не хочу ждать. Я больше не вынесу. Я хочу жить. Сейчас! Как я хочу! Мне только семнадцать, а как сюда возвращаюсь, так кажется, что всё. Конец. Дыра!»

Он перевернулся на спину, схватил ртом воздух, обвёл взглядом тёмный потолок и ленту света, падающую от неплотно занавешенного окна.

Завтра день практики. Нужно будет спрятаться где-нибудь, может, в парке каком, и потренироваться, чтобы потом сдать экзамен.

«Моя жизнь уже почти у меня в руках. Я не хрень на палочке, я сотворитель, маг. И когда-нибудь обо мне будут говорить».

***

Что ж, можно констатировать, что глаза он научился отводить мастерски. Школяр примостился на скамейке и глазел на народ, распространив вокруг себя ауру незаметности. Пару раз на него чуть не сели, тогда Школяр вплёл в колдовство ещё один тон — желание держаться подальше от этого места. И скамеечку стали обходить по небольшой траектории. Он мог бы попробовать забрать у кого-нибудь из прохожих кофе или ещё какую снедь, купленную здесь же в парке, но тогда он бы оказался вором, а этого ему не хотелось. Достаточно того, что магически он на это способен.

День выдался прохладным, ночью прошёл очередной дождь. Из-за этого ли или ещё почему-то, Школяр ощущал себя по-настоящему прозрачным. Сидеть в метре от людей, мочь протянуть руку и ухватиться... и быть незаметным при этом.

Словно одновременно существовать и нет.

Он мог бы фантомом пройти сквозь толпу, как воздух, как вода. Менять формы, быть гибким, неуловимым. Разве это не мастерство?

Смысл напыщенно называть себя ведьмой? Да ещё и говорить, что злой быть положено. Ерунда.

Он представил себе Галку. Она всегда собранная, отчуждённая, такая невероятно красивая, захватывающая... и холодная. А ещё было в ней что-то звеняще чистое. Один взгляд на неё вызывал у него восторг, немой и всеобъемлющий. Он очень надеялся, что смог создать кристалл ей подстать.

Только очень страшно было, что она его не примет.

«Может, подкинуть?.. Нет, это в началке подарки в портфельчик или в шкафчик подбрасывают. Надо вручить. И объяснить. По-мужски».

Вечера он ждал, как заговорённый, то усердно тренируясь и отвлекаясь от мыслей о признании, то отвлекаясь уже от магии на вздохи по Галочке. Кончилось тем, что он вызвал буйное цветение трав и каскад «зонтиков» из тёплого пара. Из парка он сбежал к реке, спустился к самой воде, испачкал джинсы в грязи и чуть не рухнул прямоком в холодную воду. Отдышавшись и взяв себя в руки, Школяр занялся преобразованием камушков, но предварительно свёл с себя всю грязь и зелень.

С каждым часом ему становилось всё беспокойнее.

До вечера он голодал, лишь после четырёх часов дня купил в палатке пончик и кофе.

«Ничего, вот освоюсь с кристаллами и стану продавать камни для амулетов, вот тогда быстро в гору пойду!» — утешал он себя.

Наконец промотавшись по городу до сумерек, Школяр отправился в Ковен. Там он первым делом осведомился о расписании занятий, заглянул в столовую и заморил червячка, после чего, готовый к подвигу, стал дожидаться Галочки.

Галочка пришла рано, в стильном чёрном костюме. Школяр вновь смутился, подумав, как неказисто и буднично выглядит в своих поношенных джинсах, самой обычной футболке в розовую полоску и немного растянутом жёлтом джемпере. В мантиях тут, конечно, не ходили, но у Школяра сложилось впечатление, будто многие девушки посещали ещё и особые кружки по чародейской моде.

Он поздоровался, сбивчиво, застенчиво, тихо и слабо.

Галка посмотрела на него так, словно он собирался ей таракана в кружку бросить.

— Можно отвлечь тебя ненадолго?

— Нельзя, — отрезала она сразу же.

Он понурил плечи, не веря, что вот так сразу провалился.

— Я ненадолго.

Теперь, если верить взгляду, тараканом стал он сам. Да что ж такое!

— Зачем? — спросила она, чем обескуражила его.

«Вот что такое "без ножа резать", значит... ужас...»

— Я... я, знаешь... Я...

Ему показалось, что он задыхается, а время застывает: чёрные бровки хмурятся, сиреневые глаза смотрят совсем уж обидно, её шею так красиво охватывает чёрный кружевной воротничок, ещё через кружево видно ключицы... Он горит, горло горит, уши горят, щёки давно сгорели, а слова всё не идут.

Он протянул ей руку...

И в следующий миг уже летел по воздуху, с изумлением отмечая, как странно тело себя чувствует в полёте... Удар был жёстким, из головы мигом вышибло все мысли. Перед глазами поплыло, Школяр оглушено потряс головой.

Галки в коридоре уже не было, а вокруг него собиралась толпа.

Признание провалилось, не успев прозвучать.

Отчитав хорошенько, Школяра отправили к Наставнице-целительнице, однако Галке тоже сделали замечание и даже заставили вместе с ним прибираться в классе алхимии после занятий. Но, видимо, виноватым себя чувствовал только Школяр...

Да просто она его не так поняла! Хотя зачем надо было его отбрасывать? Он ведь не собирался её бить или ещё что-то. Может, он чем-то её напугал? И всё же, он был на седьмом небе от счастья: отбывать наказание вместе с Галочкой! Убираться в классе. Это как в романтических комиксах, которые девчонкам нравятся!

Галка не скрывала своего недовольства. Он было хотел предложить ей всё сделать в одиночку, но опомнился: так она уйдёт и пропадёт его самый последний заветный шанс. Поэтому Школяр решил всё-таки как на духу рассказать, как она ему нравится.

Вот только её холодный и полный неприязни взгляд остужал его пыл, и момент всё отодвигался.

Когда же все колбы и прочий инструментарий были перемыты, столы протёрты, а шкафчики заперты, когда Галка закинула сумку через плечо и решительно собралась на выход, Школяр, запинаясь, сбивчиво дыша и спотыкаясь об парты, выкатился перед ней, рискуя получить ещё один мощный магический удар.

— Давай нравиться! — выпалил он и покраснел до корней волос, поняв, что оговорился немного. — То есть... давай... не нравиться... нет, нравиться, конечно...

— Оставь меня в покое, — устало потребовала Галка.

— Ты... мне нравишься, — сглотнув, всё же выдал он и нервно облизал губы. — Так что... давай нравиться... Нет! Тьфу! То есть... встречаться, — шёпотом добавил он, готовый провалиться сквозь землю.

— Ничего не пойму, что ты несёшь. Просто уйди, пожалуйста, — попросила она, явно теряя терпение.

В двери постучалось отчаяние. Ну как же так? Ну как же?

Галка двинулась, он загородил выход, расставив руки, готовый помереть в дверях, если понадобится.

— Прости, может, я и раздражаю... и так волнуюсь, что сказать нормально не могу... Но я честно! Совсем серьёзно! Во всём! У меня и подарок есть!

«Создатель! Почему в мыслях всё так стройно представлялось, а на деле всё так чудовищно выходит? Почему? За что?»

Он протянул ей на вытянутых руках кристалл. И застыл.

Она молчала. Вечность, как ему показалось.

— Зачем ты сюда ходишь? — спросила она вдруг.

Он поднял голову и посмотрел на неё, мимоходом подумав, что она с любого ракурса очень красивая.

«Вот он мой шанс! Надо рассказать получше!»

— Я обучаюсь творить свою жизнь. Менять реальность! — он развёл руки, будто обнимая пустоту. — Всё менять и делать лучше!

И вновь Галка смотрела на него, как на круглого дурака.

— А ты? — неловко спросил он, скромно сцепив руки перед собой.

— Я малефик. И не принимаю подарков. Теперь оставь меня в покое.

И она ушла, даже не взглянув на кристалл. А Школяр остался стоять, чувствуя себя растоптанным и несчастным.

Всё-таки эти ведьмы страшный народ.

***

В этот раз идти домой не хотелось вовсе. Сколько он старается, учится, а ничего не меняется. Почему всё остаётся таким ужасным? Правда ли всё изменится в будущем? Он не будет ни от кого зависеть? Он вырвется? Он сможет творить тот мир, который хочет видеть вокруг себя?

Он правда сможет?

Между ним и Галкой, как оказалось, огромная разница.

Малефик. Так называют магов, которые хотят творить и менять, отбирая. Мечты, мысли, идеи, память, силу, саму жизнь. Малефики — враги Гильдии. Зачем же Галочке такое? Быть малефиком значит быть сосредоточением страха и мрака. Но за ними сила, теперь он это понял.

Вдруг, и Галка, и Саранча могут менять мир, а он нет?

Вдруг противная сестра права, он «хрень на палочке»?

Ему врут? Или его гений ещё никто не раскрыл, а в первую очередь он сам?

«Я не хочу ничего отбирать. Я могу творить без этого. Но Создатель, мне не хватает сил. Наставники правы, я себя изношу, если продолжу так выкладываться. Но если я создам себе пару кристаллов-усилителей... Или, может три. Четыре? Если бы можно было обчислить количество потребляемой энергии и даваемой такими генераторами и накопителями. Четырёх, всё же хватит, я думаю. Один у меня есть... Но чёрт побери, и этот один мне тяжело дался. Почему я не могу их купить? Хотя, на что мне покупать?... Но я мог бы... не знаю, мыть полы в классах. Хотя, нет, работать надо не здесь. Может, в официанты пойти? Куда меня ещё могут взять?»

Снова он почувствовал себя жалким и потеряннным.

«Может, я смог бы создать... — задумался он и высыпал на стол мелочь. — Железо можно преобразовать из яблок... но где я возьму столько? А остальные примеси? Из чего

монеты делают? Надо поискать в Сети. Если соберу всё необходимое, то...»

Он задумчиво обвёл взглядом класс и удовлетворённо кивнул, уже представляя себе стол, ломящийся от золотых монет... Именно, он может и золотые...

— Так-так-так, а ну-ка стоп, юноша, — раздалось в дверях.

Школяр подскочил на стуле и испуганно уставился на вошедшего — беловолосого мужчину в светло-сером плаще до пят.

«Я его раньше не видел... но... почему-то странное чувство...»

— Я никуда не бегу... — осторожно заметил Школяр.

— Ага, — иронично отозвался тот, скрестив на груди руки. — Всего лишь предаюсь мечтам фальшивомонетчика.

Школяр густо покраснел и ссутулился, желая вообще забраться под стол, и только потом начал удивлённо вытягиваться: а откуда этот мужик узнал, о чём он мечтал?

— Простите... вы кто?

— Мы с тобой недавно пересекались в хранилище знаний.

Школяр тупо вылупил на него, даже близко не припоминая подобного. В зале он был с Ледой...

«А, я слышал, как она с кем-то говорила... Он из Наставников?»

Школяр уставился уже с любопытством. Мужчина как-то резко отличался от всех знакомых ему Наставников. Да и вообще не был похож на кого-то, кто занятия вести может. Модник какой-то. Или... артист там.

— В некотором роде, малыш, я личность творческая, — согласился беловолосый.

— Снова! — Школяр вскочил. — Как? Вы читаете мои мысли!

— Я Древний, — просто признался мужчина, будто только что сказал, что он зубной или почтальон.

У Школяра отвалилась челюсть.

Древний?

Он посмотрел с недоверием попугая, от которого требовали слово, показывая при этом плесневелый крекер.

Древний, значит. О них говорили с благоговейным трепетом и почитанием. Живое совершенство — вот кем, похоже, они были. Величайшими магами, обманувшими законы природы. Но до сего момента ни одного адептам не представили. По мнению Школяра, обворожительная Леда очень была похожа на совершенство, он даже спросил её однажды, не из Древних ли она, но Леда только засмеялась хрустально и погладила его по волосам. Но чтоб этот...

— А в лоб не хочешь? Бабник малолетний.

— Что?! Мне семнадцать!

— О, это непременно должно меня впечатлить.

— Чем докажете, что Древний?

Беловолосый рассмеялся и обошёл его по кругу. Школяр отметил, что волосы у него оказались длиннющими, собранными сзади в конский хвост.

«Ого! Сейчас так не ходят! Это и правда фантастично!»

— Хочешь так же?

— Да не, без хвоста я обойдусь... Мне бы силушки побольше. Чтобы кровь носом не шла каждый раз.

— Святая простота. Допустим, это можно устроить.

— Правда? — обрадовался Школяр.

— Да. Но ты знаешь, придётся учиться с удвоенной силой...

— Это не проблема! — отмахнулся Школяр, перебив его. — Учиться я люблю! Ну, здесь люблю. Хотя и не только, на самом деле. Мне говорили, что надо знать химию. В алхимических классах, и вон тут тоже, есть таблицы химических элементов, очень похожие на те, что в школе. Не зная основных элементов, процессов и реакций, не создать ничего. Так что это всё изучать я тоже люблю. Но я дохляк. Стоп, вы опять меня подловили. Читать мысли нечестно!

«Никогда не слышал, чтобы кто-то из Наставников был на это способен».

— Думаешь, о таком бы стали говорить? — поинтересовался беловолосый.

— Нет... Так, а вы почему говорите?

Беловолосый подошёл, он был бледным и светлоглазым, Школяру даже показалось сначала, что радужка у него белая и чуть светящаяся. Взгляд был добрым, лицо красивым, среди местных и вообще городских Школяр похожий типаж никогда не встречал. И от него пахло магией — так для себя Школяр решил называть то ощущение, совершенно особенное чувство, которое испытываешь рядом с носителем дара. Вот только запах Наставников был куда слабее.

— Забавный ты парень.

В класс влетела Леда. Удивительное дело, она была в ярости. И от неё пахло бурей и бураном.

— Не трогай моих воспитанников! — прозвенела она, наступая.

Она была такой худенькой, тонкой, изящной, как фарфоровая статуэтка, но почему-то сейчас хотелось немедленно смыться с её пути и вообще куда-нибудь спрятаться и не вылезать.

Однако беловолосый только широко улыбнулся и подбоченился. Он тоже был довольно тонким, но всё-таки казался весьма вещественным, не то что прекрасная и эфемерная Леда.

— Тише-тише, сестра, я просто пришёл поздороваться, — пожав плечами, ответил он. — Вдруг Школяр захочет стать моим воспитанником?

— А чему вы учите? — спросил Школяр тут же, а потом добавил, поймав возмущённый взгляд Леды: — Простите... Я это так... просто...

— Школяр, дорогой, пожалуйста, иди домой, — ласково попросила Леда.

Школяр сник.

— Я учу братья от жизни всё, — отозвался беловолосый, его легкомысленный тон привёл Школяра в восторг. — Хочешь увеличить свой лимит?

— Морфей, замолчи! — вскрикнула Леда.

— Ну-ну-ну, сестра, нехорошо игнорировать запросы своих воспитанников, ведь так, Школяр? Ещё нехорошо им врать.

Всегда такое красивое лицо Леды исказилось, глаза полыхнули алым, она схватила беловолосого за грудки и оскалилась ему в лицо. Школяр опешил.

— Убирайся. Сейчас же.

Морфей усмехнулся и глянул на Школяра поверх головы Леды.

«Решать только тебе, Найджел, кем быть. Что братья, а что отбрасывать. Где оставаться, а откуда уходить. Я могу дать тебе...»

Его голос утонул в шуме волн, в треске, в гуле.

— Не слушай его! — закричала Леда. — Не слушай! Ты ещё не готов!

— Но... но я хочу... — одними губами прошептал Школяр.

— Ох, мне совсем тут не рады, — отцепив от себя Леду, всё так же легкомысленно проговорил беловолосый. — Ухожу, сестра, ухожу, не смотри так страшно.

Школяр проводил его беспомощным взглядом. Что же делать? Настоящий Древний? А ведь он так хотел знать, кто они и откуда пришли.

— Школяр!

Леда обняла его, прижала к себе.

— Школяр, всё хорошо. Не слушай этого подстрекателя.

«Решать только тебе, Найджел, кем быть».

Почему-то её слова, сам её голос больше не обволакивал тёплым, уютным одеялом.

— Я хочу, чтобы ты рассказала мне, кто это был, — тихо, но твёрдо попросил Школяр.

***

Кажется, он немного забылся вчера. Нет у него права чего-то требовать от Наставников. И всё же, обидно сознавать, что и тут его держат за неразумного ребёнка. Почему кто-то, пусть и талантливый маг или заклинатель, смеет решать, что ему подходит, а что нет? Достали эти закидоны. Ему выбирать, где оставаться, а откуда уходить.

Да. Да. Да! Он столько об этом думал. Откуда он хочет уйти. И кем хочет стать.

«Меня ничто не держит среди цивилизованных, кроме каких-то рамок, в которые меня вписали чужой рукой. Не хочу ничего из этой "нормальной жизни". Я должен радовать мать? Не смешите».

Голова пребывала будто бы в беспорядке. Мысли путались. Кто-то из Наставников покопался, попытавшись всё причесать, как положено? Как удобно. Это злило. Выглядит так, будто его обманывали всё это время.

— Зачем ты сюда ходишь? — вспомнился жёсткий тон и вопрос Галки.

Верно, вот в чём разница между ними. Она прекрасно знала, зачем приходила в Ковен. У неё была цель, всё остальное отлетало. Галка не отвлекалась от того, что считала главным для себя, и другим не позволяла отвлекать её.

А он всё витал в облаках, радуясь, что его пустили в такое чудесное, поистине волшебное место. Ну не дурак ли? А его, как оказалось, до сих пор не пускали дальше предбанника.

Целую неделю он убирался в классе после занятий. И магию использовать ему запретили. Детский сад какой-то. Благо у матери наметился очередной романтический взлёт и до падения ещё было время, поэтому хотя бы Агата не ходила за ним хвостом и не поджидала в сквере по пути домой.

Школяра же поглотила решимость найти Морфея. С виду этот беловолосый, конечно, никакого доверия не внушал, но тут уж пан или пропал. Чего терять-то? Раз Древний предстал-таки перед ним, значит на что-то Школяр ему сгодится. Оставалось только надеяться, что эти Древние не закусывают нерадивыми адептами...

Леда ничего толкового не рассказала, лишь подтвердила, что Морфей — Древний, как и она, что умеет читать мысли и что верить ему не стоит, поскольку он вечно сеет вокруг себя хаос. Однако даже гением быть не надо, чтобы понять, что она с этим Морфеем в контрах, так что все её слова можно смело делить на два. Другие Наставники либо отмалчивались, либо начинали нервно икать.

Атмосфера милого и приветливого дома стремительно разрушалась. Наставники очень умело играют словами и адептами, но вот какие, в конце концов, цели у них самих? И

сколько ещё Древних в этих стенах? Чего они хотят? Ради чего собирают адептов? И чему их на самом деле учат? Или правильнее спросить — ради чего?

Временами разгонять туман в мозгу становилось очень трудно, но Школяр ещё после встречи с Морфеем засунул часть своих размышлений в созданный кристалл (тот самый, который он пытался подарить Галке). Это спасло его от полной потери памяти. Тогда же за ним усилили надзор. И стали спрашивать строже: делай, как тебе говорят, ни шагу влево, ни шагу вправо. Никакого творчества. Никакой свободы.

Последней каплей стал неуд за воссоздание предметов. Ваятель разнёс его перед всей группой за отказ восстановить разрушенную вазу. Ну как за отказ? Восстановить-то Школяр её восстановил без труда, но привнёс несколько изменений в дизайн, философски объяснив это тем, что разбитое никогда не сможет стать прежним, даже если ты маг, и как раз поэтому маг должен всегда об этом помнить. Подобную ярость ранее Школяр вызывал лишь в школе, особенно на уроках литературы, когда отказывался соглашаться с общепринятой точкой зрения.

Наставник посчитал, что Школяр совсем страх и совесть потерял, и призвал на помощь для проведения наказания менталиста. Так они напомнили, что он всего лишь мелкая мушка в сравнении с мощью всего Ковена и «общепринятого» мнения: Найджелу пришлось вновь и вновь переживать самые постыдные моменты из своей жизни — менталист его не пожалел, вытащив из памяти и подсознания всё, что он так стремился забыть.

Не отбиваться от догматов. Слушать Наставников. Подчиняться.

«Не прощу!»

Школяр знал, что в убежище Ковена водятся призраки. Адептам они показывались редко. Некоторые были страшными, некоторые грустными. Почему-то в основном дети. Раньше Школяр не обращал на них особого внимания: они не мешали, не приближались, не говорили. Если адепты не нарушали правил...

Школяр подумал, что как раз у кого-нибудь из них он смог бы узнать то, что никогда не расскажут Наставники, и, понаблюдав немного, Школяр выбрал того, кого посчитал единственно полезным.

Само убежище представляло собой огромный особняк, расположенный в одном из самых уважаемых районов столицы, — три этажа над поверхностью и чёрт его знает, сколько ярусов под землёй. К убежищу вели подземные ходы, но адепты приходили и поверху, не таясь — якобы на занятия всяких творческих студий, клубов и на всевозможные курсы. Так вот, во дворе особняка часто можно было увидеть хитромордого мальчишку в твидовом костюмчике и в твидовой же кепке. Иногда он спускался вниз, даже осмеливался дерзить некоторым Наставникам и подкалывал особо робких адептов, в основном девочек.

Послушав болтовню заклинателей и адептов-некромантов, Школяр узнал, что этого мальчишку можно даже призвать: в обмен на энергию, с него вполне можно что-то стянуть для себя. Правда, отдавать энергию призраку по правилам Ковена запрещено. Да и последствия для здоровья могут быть не очень, но Школяр решил рискнуть. Разбитую чашу можно склеить, но про то, что она разбивалась, будешь помнить всё равно.

Тщательно подготовившись, Школяр проделал призыв, когда вышел с территории особняка. Призрак явился моментально, будто ждал зова... Он стоял по другую сторону кованного забора и нахально ухмылялся.

— А, сотворитель-бунтарь, — хмыкнул он. — Я ждал.

— По-почему? — спросил Школяр.

Мальчишка весьма неестественно склонил голову на бок, Школяра едва не передёрнуло.

— Потому что Морфей приходил, бестолочь.

— Знаешь его?

Мальчишка закатил глаза и громко фыркнул.

— Поделись со мной энергией, и я расскажу, как тебе с ним встретиться.

— А не соврешь?

— Мне нужна энергия, тебе — Морфей. Всё честно. Иначе твой бунт долго не протянет, — заметил призрак.

«Что ж... пан или пропал».

Школяр протянул призраку руку, просунул между прутьями ограды. Мальчишка жадно схватился за запястье, кожу обжёг жуткий холод, захотелось немедленно выдернуть руку, отскочить, но Школяр сжал зубы. Призрак тянул из него силу и прямо на глазах становился будто ярче и чётче, хотя и так был намного реалистичнее остальных своих собратьев. Ещё Школяр почувствовал за ним нечто чёрное, мерзкое, искажённое...

— Что ж, увы, но хватит, — цокнув языком, проговорил мальчишка и нехотя отпустил руку Школяра. — Уговор есть уговор. Слушай же и не тупи — повторять не буду!

***

В Старом городе Школяр бывал не так часто. Слишком много соблазнов — интересные кафе, кофейни и магазинчики — и так мало денег на всё это. Впрочем, на выставки или какие-нибудь концерты в местных скверах и парках он иногда приходил и в целом район знал. Тем удивительнее было искать Морфея здесь. Призрак сказал, что Морфея можно позвать с наступлением темноты у большого фонтана с рыбами, что стоял на площади в трёх кварталах от барахолки.

Школяр обошёл фонтан по кругу несколько раз, мысленно призывая беловолосого менталиста. Всё это больше походило на злую шутку, но когда Школяр уже был готов отчаяться и тащиться домой, Морфей предстал перед ним.

Выглядел он очень довольным, и улыбка его была такой, что Школяр сразу понял — ничего объяснять ему не нужно.

— Ты... Вы...

— Давай на ты, — разрешил менталист. — Не хочу чувствовать себя старым.

— Выслушаешь меня?

— Валяй.

— Тогда давай пройдемся, заберёмся повыше.

Менталист не стал возражать. И Школяр заговорил, смотря на дома, на улицы и подсвеченные здания, выбрав дорогу на холм, к центру города:

— Может, то, что я скажу, прозвучит совсем глупо. Сейчас я начинаю понимать, что... ну... Древний значит старый...

— Я бы попросил, — хмыкнул Морфей.

— Говорят, вы обманули время... Значит опыта у тебя на множество человеческих жизней?

— Это немного преувеличено, — всё ещё усмехаясь, ответил Морфей.

— Мне с моим опытом за таким не угнаться. Да я и не хочу. Но кое-что и у меня есть. Я всегда... всегда не к месту, не в теме и не от мира сего. До Ковена меня и не хвалили особо. Над моими теориями смеялись, на вопросы не отвечали, ничего не позволяли и толкали только в одну сторону, в одно русло. Как это «общепринято». Просто у них не было ответов

на мои вопросы. Меня даже к психиатру водили... Да и мать меня любит как умалишённого, как мне кажется. Как-то страдательно, с надрывом и надуманно.

Школяр помолчал, переживая про себя не лучшие воспоминания, а потом продолжил, раздражённо вздохнув:

— Меня всегда угнетала эта мамина «помощь». Она картинно ругалась с учителями в школе, закатывала целые пьесы-скандалы в несколько действий. Но это меня только унижало, а она... не знаю, — он безразлично пожал плечами. — Наверно, она всегда хотела быть актрисой, но у неё не вышло в высоком ключе. Хотя она конечно актриса. Артистка, — желчно добавил он. — В общем, она отстаивала меня перед учителями, говорила, что я особенный. Пфф. Надо мной и смеялись, и пальцем тыкали, и держались подальше. Да, я особенный. Но почему это всю мою жизнь звучит как оскорбление? И чтобы мамаша с большей страстью позорила меня в универе? О, она мечтает об этом, я вижу. Ну уж дудки.

Он перевёл дух, помолчал немного, ускорив шаг, будто что-то погналось за ним. Морфей не спрашивал и не торопил, просто слушал. И почему-то Школяр верил, что он понимает. По-хорошему, менталисту и рассказывать ничего не надо, Школяр говорил для себя, желая излить яд и желчь, тоску и печаль, чувствуя, что подошёл к порожку, перешагнуть через который надо без всей этой дряни.

— Дай мне тему, и я зацеплюсь, полечу, я в такое её разовью. Но от меня вечно требовали какого-то повторения. Да чего говорить? Даже тут меня уже ругают, когда я не создаю один в один точных копий предметов. Я могу, но не хочу. Какой прок с копий, когда можно создать уникальное? Всё же уникально. Не бывает дублетов. Даже близнецов. Уж я-то знаю. А эти... маги вроде... мыслят куда шире, с ними лучше и проще, но всё равно. Это особенность образования такая? Задолбить догмой до смерти? До отвращения, убивая творчество. В последний раз я схитрил. Мои «неточности» не заметили, потому что я сделал их куда сложнее и размытее.

Морфей одобрительно рассмеялся, Школяр усмехнулся.

— Иногда я просыпаюсь и мне кажется, что я таю. Испаряюсь. Всё больше сил трачу на такое простое. И на отстаивание своего. Я устал, это правда. Я очень хочу, чтобы мне прекратили прокладывать русло. Прекратили толкать меня, как ишака. Я не ишак. Я просто хочу свободы и простора. Меня угнетает множество вещей. Почему-то все... ценности... сыпятся у меня из рук. Не могу ухватить. Моя плоскость не пересекается больше ни с чьей. Почему так? Я ненормальный? Я так впахивался, чтобы стать частью Ковена... А теперь... Что мне делать теперь? Зачем ты пришёл за мной?

— Ковен — сложная структура. И цели преследует разные. Но я пришёл не как часть Ковена. На самом деле, сам Ковен меня мало волнует. Считай, что я просто ворую у него лучшие кадры.

— Зачем?

— Во благо вечности. Задача Древних — преумножать магию, поддерживать её, хранить и передавать. Ковен же больше похож на инкубатор.

— И что же я могу сделать для вечности?

— Для начала... испытать себя? — с азартом проговорил Морфей. — Узнать, как всё схватывать здесь и сейчас. Менять мир. Видеть куда больше, прямо как сейчас, — обведя рукой панораму города, заметил он, когда они забрались на холм. — Но существует и опасность рухнуть с большой высоты. Не справиться.

— Она есть всегда, ведь так?

Морфей кивнул.

Школяр вцепился в парапет на смотровой площадке, пожирая город взглядом, а мысли его носились где-то далеко. Сколько вариантов, сколько возможностей...

— Но это ведь ещё не всё? Это только фасад, а что за ним? Какие цели?

Морфей одобрительно хмыкнул.

— Я подбираю помощника для одного дела. Для целой цепочки дел.

— А что за дела?

— Разные, но ведут к единой цели. Битве за город.

Школяр присвистнул, поверив в услышанное абсолютно.

«Ничего себе. Битва за город...»

«Твои способности очень пригодятся. Видишь ли, я хочу найти одного проблематичного человека. И то, что мне приходится его искать уже само по себе тревожно. Найти мало, его надо нейтрализовать».

Школяру показалось, что ему в лицо пахнула новая, невероятная жизнь.

— Что мне нужно будет отдать за новый лимит?

— Себя нынешнего.

Школяр закусил губу, соображая.

— Это ведь будет не просто из разряда почитать умную книжку?

— Верно. Будет адски больно.

Эта предельная честность Школяру понравилась. Словно они говорили, находясь на одной волне понимания смысла очень сложных вещей.

— Тебя не беспокоит семья? Сестра? — спросил Морфей.

Школяр фыркнул.

— Меня вообще мало беспокоит всё, что с ней связано. Как-то так вышло, что мы всегда на разных полюсах. Или как две собаки при одной кости. Она всегда хотела кость, но её кидали мне. Я не знаю, о чём она думает, но при этом в основном она очень проста.

— Почему ты привёл её в Ковен?

Он горько улыбнулся.

— Она требовала. И она очень больно бьёт.

«Это было не от чувства одиночества. Я думал, что смогу использовать её силу... Её успехи нисколько не удивили и... Низко осуждать малефиков, но при этом ждать чего-то закономерного от них... Самому от себя противно».

— Не обязательно будет отрезаться от прошлого... — заметил Морфей.

— Нет, — перебил его Школяр. — Всё в порядке. Так даже лучше. Если у меня будет больше возможностей и я освобожусь от роли ишака, которого постоянно подгоняют... Оно того стоит...

— И жизнь твоя станет далека от обычной. Вернее, тебе придётся постараться, чтобы найти нечто обычное.

— Или создать его. Или осознать. Ничего. Мне даже нравится. Значит, я сожгу за собой все мосты?

— Да.

«Это что-то из области исследований Древних?» — усмехнувшись, мысленно спросил Школяр.

Морфей усмехнулся в ответ, и эта усмешка лучше всего подтвердила уже сложившуюся в голове Школяра цепочку мыслей.

— Надеюсь, это будет не лич. Лич ни одной девушке не понравится, а у меня ещё есть...
некоторые планы...

— Об этом можешь не волноваться.

Больше книг на сайте - Knigoed.net